

Министерство высшего и среднего специального
образования СССР

Ордена дружбы народов Университет Дружбы Народов
имени Патриса Лумумбы

на правах рукописи

Томсинов Владимир Алексеевич

**Источники британского «колониального права»
в Тропической Африке
(начало XIX – середина XX в.)**

Специальность № 12.00.01 – теория и история государства и права;
история политических и правовых учений.

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
О.А. Жидков

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Москва – 1981

Содержание

Введение

Глава I. Сущность британской колониальной политики и «колониального права» в Тропической Африке....	14
§ 1. Колониальное право как инструмент буржуазной колониальной политики.....	14
§ 2. Эволюция британской колониальной политики в Тропической Африке и изменения в колониальном праве.....	34
Глава II. Распространение английского права в британских колониях в Тропической Африке.....	72
§ 1. «Общее право» в африканских колониях.....	72
§ 2. Английское «статутное право» в африканских колониях.....	93
Глава III. Колониальное законодательство как составная часть британского колониального права в Тропической Африке.....	105
§ 1. Имперское законодательство.....	105
§ 2. Местное колониальное законодательство.....	119
Глава IV. Политика британских колониальных властей по отношению к африканскому обычному праву...	131
§ 1. Разграничение сферы действия обычного права и права метрополии в британских колониях в Тропической Африке.....	131
§ 2. Изменения в африканском обычном праве под воздействием британской колониальной политики	150
Заключение.....	171

Введение

Одним из важнейших событий международной жизни в послевоенный период явилось крушение колониальной системы империализма, не выдержавшей натиска национально-освободительных движений. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС особое внимание обращалось на то, что в 70-е годы «фактически завершилась ликвидация колониальных империй»¹. На развалинах колониальной системы возникла большая группа молодых суверенных государств, в том числе свыше 40 из них – на африканском континенте. С каждым годом активизируя свою внешнюю политику, освободившиеся страны вносят все более значительный вклад в борьбу против империализма, за мир и социальный прогресс, за создание справедливой системы международных политических и экономических отношений. Еще на XXV съезде КПСС обращалось внимание «на такой важный момент, как серьезное усиление влияния государств, которые еще недавно были колониями или полуколониями»².

Вместе с тем для современного развития освободившихся стран характерно сохранение их экономической зависимости от ведущих капиталистических держав. «Империалистов не устраивает укрепление независимости освободившихся стран, — подчеркнул

¹ Брежнев Л.И. Отчетный Доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., Политиздат, 1981, с. 4.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 13.

на XXVI съезде КПСС тов. Л.И. Брежнев. – Тысячами путей и способов они пытаются привязать к себе эти страны, чтобы свободнее распоряжаться их природными богатствами, использовать их территории в своих стратегических замыслах»³. Потеряв возможность эксплуатировать африканские страны старыми методами и стремясь сдержать развитие в них революционных процессов, империалистические державы обратились к методам неокOLONиализма. Борьба против неокOLONиализма – одна из главнейших задач, стоящих перед прогрессивными силами стран Африки в современный период.

Внешне неокOLONиализм прикрывается формами, которые характерны для международно-правовых отношений, складывающихся между суверенными государствами. Это не может, однако, скрыть его сущность, его тесную связь и преемственность с предшествующими историческими формами колониализма. Многие аспекты неокOLONиализма представляют собой ни что иное, как видоизмененные в современных условиях аспекты той колониальной политики, которую буржуазные державы осуществляли на протяжении XIX и первой половины XX века. Изучение истории колониальной политики имеет поэтому важное значение для уяснения приемов и методов современного неокOLONиализма, для разоблачения его антинародной сущности.

Неопровержимые исторические факты свидетельствуют о том, что колониальная политика буржуазных государств представляла собой цепь многочисленных актов открытого, грубого насилия,

³ Брежнев Л.И. Отчетный Доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду., с. 18-19.

жестокое, безудержное грабежа. «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство, — писал К. Маркс, — предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покров»⁴. Колониальная политика, построенная на непосредственном насилии и варварских методах подавления коренного населения колоний, не исключала, однако, применения и более тонких средств и инструментов. Для создания стабильной системы империалистического грабежа колоний буржуазия вынуждена была использовать правовые формы.

В буржуазной литературе обращение колонизаторов в ряде случаев к использованию правовых форм и, в частности, распространение в африканских колониях английского права нередко представляется так, будто оно отвечало прежде всего интересам самого коренного населения колоний и было якобы проявлением «цивилизаторской миссии» английского капитализма в колониях. К. Робертс-Рэй, исполнявший в свое время обязанности советника по правовым вопросам министерства колоний и министерства по делам Британского Содружества, лицемерно утверждал, что «введение английского права и системы правосудия явилось наибольшим благодеянием для заморских стран при британском управлении»⁵.

По словам бывшего члена Высокого суда Ганы Н. Оллену, «англоговорящие страны Западной Африки всегда будут благодар-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 229.

⁵ *Roberte-Wray K. The Adaptation of Imported Law in Africa.* – «Journal of African Law», 1960, vol. 4, № 2, p. 66.

ны Британии» за то, что она ввела в них свое право⁶.

Многочисленные спекуляции буржуазных ученых на «цивилизаторской миссии» английского права, затушевывание ими действительной роли правовых форм в истории становления и развития буржуазного колониализма придает исследованию вопроса о правовой политике британских колонизаторов в Африке несомненную политическую и научную актуальность. Эта актуальность особенно возрастает в современных условиях, когда невиданно обостряется идеологическая борьба между социализмом и капитализмом, когда, как отмечалось на XXV съезде КПСС, «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда – более изощренной»⁷. В обстановке неудержимого роста на международной арене движения за демократию и социальный прогресс усиливается стремление империализма замаскировать истинный характер своей политики. Империалистические круги все чаще стараются выставить себя в качестве сил, борющихся против нарушений прав человека во всем мире. Разоблачению подлинного лица империализма и его лицемерной позиции по вопросу о правах человека в большой степени способствует анализ колониальной политики буржуазных государств. Этот анализ ясно показывает, что во всех своих проявлениях, в том числе и тогда, когда она облекалась в правовые формы, буржуазная колониальная политика была связана с самыми вопиющими, грубыми нарушениями не только прав человека, но и прав целых народов.

⁶ *Ollenu N. The Influence of English Law on West Africa.* – «Journal of African Law», 1961, vol. 5, № 1, P. 35.

⁷ Материалы XXV съезда КПСС, с. 74.

Во всей своей деятельности в порабощенных странах колонизаторы руководствовались в первую очередь собственными экономическими и политическим интересами и не принимали во внимание интересов местного населения. Свое технико-экономическое превосходство по сравнению с африканскими странами Великобритании широко использовала для навязывания им своей воли, для установления в них общественных порядков, способствующих интенсивной эксплуатации их природных богатств и людских ресурсов.

Изучение действительной роли правовых форм в истории колониальных обществ имеет важное значение для разрешения ряда практических проблем, возникающих в ходе современного правового развития африканских государств. Формирующиеся в этих государствах национальные системы права во многом несут на себе отпечаток правовых процессов колониального периода. В частности, от колониального права современным системам права в странах Африки досталась сложная, множественная, при этом внутренне не согласованная правовая структура. В интересах прогрессивного общественного развития африканских стран необходимо преобразование этой правовой структуры, преодоление всего наследия колониального права.

Правовое регулирование общественных отношений в колониальных владениях Великобритании в Африке, несмотря на его второстепенный по отношению к средствам грубого политического насилия характер, представляет собой сложное, противоречивое явление, изучение которого может осуществляться в разных аспектах и под различными углами зрения. В настоящей диссерта-

ции в качестве объекта исследования берется не вся правовая надстройка, а лишь источники права британских колоний в Тропической Африке. Эти источники исследуются не в статике, а в динамике – в эволюции и изменениях, не изолировано один от другого, а во взаимодействии, соподчиненности, соотношении между собой. Кроме того, правовые формы рассматриваются в диссертации через призму их практического функционирования в качестве инструмента британской колониальной политики, в качестве фактора становления и развития системы колониальной эксплуатации африканских обществ британским капитализмом.

Хронологические рамки исследования охватывают период с первых десятилетий XIX века до середины XX века, т.е. с того времени, когда развернулась активная колониальная экспансия британского капитализма в Тропической Африке, и до момента распада там британской колониальной системы.

В советской юридической науке источники британского колониального права в Тропической Африке до сих пор еще не были предметом специального рассмотрения.

Отдельные аспекты данной темы затрагивались в той или иной мере в исследованиях, посвященных современному правовому развитию стран Африки⁸. Можно привести целый ряд работ, в которых анализировались так назы-

⁸ См.: Некапиталистический путь развития стран Африки. М.: Наука, 1967; Право в независимых странах Африки. М.: Наука, 1969; Лихачев В.А. Уголовное право в независимых странах Африки. М.: Наука, 1974; Право в странах социалистической ориентации. М.: Наука, 1979.

ваемые «колониальные конституции»⁹, но попытка комплексного рассмотрения всех основных источников британского колониального права предпринималась лишь в монографии В.Н. Денисова «Системы права развивающихся стран» (Киев, 1978). Однако в данной работе источники колониального права не представляют основного предмета исследования и анализируются лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания характера современного правового развития африканских стран.

В буржуазной литературе преобладает формально-юридический подход к колониальному праву. Оно рассматривается, как правило, лишь на уровне норм и вне связи с буржуазной колониальной политикой, с социально-экономическими и политическими явлениями буржуазного колониализма.

Настоящая диссертация представляет собой таким образом первое в науке специальное, комплексное и системное исследование источников британского колониального права в Тропической Африке. Впервые на материале британских колоний данного региона предпринимается попытка выявить основные закономерности возникновения колониального права, раскрыть характер его развития в процессе эволюции колониальной политики.

В диссертации показывается, что использование правовых

⁹ См.: Дадвани Л.Я. Крах колониального управления в современный период. М.: УДН, 1964; Игнатенко Г.Б. От колониального режима к национальной государственности. М.: Международные отношения, 1966; Юдин Ю.А. Конституционное законодательство Британской империи. Восточная Африка. – В кн.: Государство и право зарубежных стран. Сб. 3. М.: АН СССР, 1959.

форм в британской колониальной политике в Тропической Африке имело место еще до открытой аннексии Великобританией африканских территорий; что английское право при своем распространении и действии в африканских колониях претерпевало определенные изменения, приобретало определенные особенности по сравнению с правом, действовавшим в самой метрополии; что ведущим источником колониального права с конца XIX века стало колониальное законодательство; что значение колониального законодательства как инструмента колониальной политики на протяжении XX века в условиях усиления колониальной эксплуатации африканских обществ, нарастания национально-освободительного движения и при активизации деятельности колониальной администрации постоянно возрастало; что официальное признание британскими властями в африканских колониях местного обычного права, их стремление сохранить и даже упрочить его диктовалось в первую очередь интересами поддержания и укрепления колониального режима.

Методологической основой диссертационного исследования послужили труды основоположников марксизма-ленинизма, документы и решения КПСС, в особенности решения XXV и XXVI съездов КПСС, материалы международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий.

В выработке общего понимания закономерностей развития африканских обществ, сущности буржуазного колониализма, характера его эволюции и т.п. большую помощь оказали диссер-

танту работы советских философов, экономистов, историков (К.Н. Брутенца, Ю.М. Кобищанова, В.В. Крылова, А.И. Левковского, М.О. Мнацаканяна, И.И. Потехина, Н.А. Симонии, В.Л. Тягуненко, Р.А. Ульяновского, Г.К. Широкова и др.).

Обращение к такому специфическому правовому феномену, каким является право колониального общества – «колониальное право», достаточно остро поставило перед диссертантом целый ряд философско- и теоретико-правовых проблем: проблему системы в праве, проблему источника или формы права, вопрос о государственной воле в праве и т.п. В связи с этим при разработке темы диссертации широко использовались исследования юристов-теоретиков (С.С. Алексеева, Д.А. Керимова, С.Ф. Кечекьяна, А.Ф. Черданцева, Н.В. Черноголовкина, А.Ф. Шебанова, Л.С. Явича и др.). Диссертант опирался на исследования советских ученых – специалистов в области государства и права развивающихся стран, а также истории государства и права (Н.Н. Вознесенской, В.Н. Денисова, О.А. Жидкова, Н.А. Заварнова, С.Л. Зивса, Г.В. Игнатенко, Н.А. Крашенинниковой, В.А. Лихачева, В.П. Мозолина, Г.И. Муромцева, В.К. Пучинского, М.И. Садагдара, С.А. Сосны, М.А. Супатаева, Л.Р. Сюкеяйнена, В.Е. Чиркина, Л.М. Энтина, Ю.А. Юдина и др.).

Кроме того, при написании диссертации использовались работы прогрессивных английских и африканских общественных деятелей и ученых (Р.П. Датта, К. Нкрумы, Д. Притта, Дж. Уоддиса и др.), а также работы буржуазных авторов, специально посвященные правовому развитию африканских стран и основанные на большом фактическом материале (Б.О. Брайда, В. Даниельса, В. Джонстона, Ч. Миика, А. Парка, К. Робертс-Рэя, Т. Элиаса, А. Эллотта и др.).

Большинство выводов и положений диссертации основано на документальных материалах, в число которых входят тесты юридических актов, записи решений колониальных судов, письма, доклады чиновников британского колониального управления, описания и сообщения этнографов и т.д. Важным источником вышеназванных материалов явилось 70-томное собрание документов британского парламента по африканским колониям¹⁰, не использовавшееся до сих пор в советской юридической науке.

Проведенные автором исследования дали возможность развить или уточнить сформулированные ранее в советской юридической науке выводы, а также обосновать и вынести на защиту ряд новых положений.

В диссертационной работе решаются следующие задачи:

а) раскрывается классовая сущность и социальное содержание британского колониального права, показывается его тесная связь с целями и задачами британской колониальной политики;

б) выявляются основные закономерности возникновения и развития британского колониального права в Тропической Африке в процессе эволюции колониальной политики;

в) исследуется механизм приспособления правовых форм к целям и задачам британской колониальной политики, к интересам колониальной эксплуатации африканских обществ британским капитализмом;

г) рассматривается взаимодействие источников британского колониального права, их соотношение между собой, роль, функции и т.п.

Апробация диссертационной работы. По мере разработки

¹⁰ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1968-1971, vols. 1-70.

отдельных проблем и разделов их обсуждение выносилось на заседание кафедры теории и истории государства и права Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Диссертантом была подготовлена и опубликована статья «Английское право как инструмент колониальной политики в Африке» в журнале «Правоведение» (№ 6, 1980). Основные положения диссертации были автором изложены также в выступлении на Всесоюзном научно-координационном совещании «Методологические проблемы всеобщей истории государства и права (вопросы исследования и преподавания)» (Москва, 1973). По материалам выступления опубликована статья «Модификация африканского обычного права в колониальный период» в сборнике «Методология историко-правовых исследований» (М., 1980). Статья «Колониальное законодательство в системе источников британского колониального права в Африке» депонирована автором в ИНИОН АН СССР (См. библиографический указатель «Новая советская литература по общественным наукам. Государство и право», № 8, 1980).

Глава I. Сущность британской колониальной политики и «колониального права» в Тропической Африке

§ 1. Колониальное право как инструмент буржуазной колониальной политики

Сущность буржуазной колониальной политики определяется общими свойствами и закономерностями самого капиталистического способа производства. «Капитализм, - писал В.И. Ленин, - не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизаций новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»¹¹.

Эволюция буржуазной колониальной политики теснейшим образом связана с процессом развития капиталистических отношений в метрополии. В мануфактурный период развития капитализма колониальная политика имеет одно содержание, в период промышленного развития -- другое. В свою очередь, колониальная политика домонополистического капитализма, как отмечал В.И. Ленин, «существенно отличается от колониальной политики финансового капитала»¹².

Одной из главных особенностей буржуазной колониальной политики на всех этапах является вытекающий из соответствующих свойств капиталистического строя ее эксплуататорский и откровенно грабительский характер. «Вся деятельность колониализа-

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 379-380.

торов, — пишет прогрессивный английский общественный деятель, юрист Д. Притт, — представляет собой в действительности грубое проявление и развитие капиталистической практики в странах-метрополиях, т.е. эксплуатации человека человеком, которую капитализм осуществляет везде и всегда — и с жестокостью, лучше всего способствующей получению прибыли, — где и когда имеет для этого возможность»¹³.

Буржуазию привлекали в колониях в первую очередь богатейшие природные ресурсы, разнообразные сырьевые материалы, необходимые для развивающейся в метрополии капиталистической промышленности. Вместе с тем буржуазия находила в колониях рабочую силу, которую она могла использовать, не заботясь о ее воспроизводстве¹⁴, что открывало широкий простор для интенсификации эксплуатации.

Отмечая эту особенность функционирования капитала в условиях колоний, К. Маркс писал: «Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т.д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т.д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерно труда»¹⁵. Нечеловеческий харак-

¹³ *Pritt D. Law, Class and Society. Book 3; Law and Politics and Law in the Colonies. London, 1971, p. 85.*

¹⁴ См.: *Тягуненко В.Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. М.: Наука, 1976, с. 125-126.*

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 363-364.*

тер эксплуатации труда африканцев в британских владениях в Тропической Африке вынуждены были признавать даже некоторые чиновники колониальной администрации. «Под нашим флагом нет никакого рабства, — отмечал в 1918 году представитель британских властей в Кении Н. Лейз. — Однако работа осуществляется в условиях, которые воспроизводят и даже превосходят некоторые пороки рабства»¹⁶.

Направленная на ограбление чужих «нецивилизованных» народов буржуазная колониальная политика была насквозь пропитана откровенным расизмом. «Именно расовый и национальный гнет лежит в основе той специфической формы империалистического угнетения, которая именуется колониализмом», — констатируется в коллективном труде «Распад Британской империи»¹⁷. «Важнейшим фактором, оправдывавшим и обосновывавшим трансформацию европейских идей и институтов в Африке, — пишет американский историк Р. Тигнор, — был расизм, который поддерживали все европейские группы — чиновники, миссионеры и поселенцы»¹⁸. Для идеологического оформления своей расистской политики по отношению к коренному населению колоний колонизаторы использовали доктрину, согласно которой «все туземцы — будь то африканские крестьяне, возделывавшие свои земли примитивными методами, или индийцы с их тщательно разработанными социальными, политическими и культурными традициями — уступают естественно и

¹⁶ *By Kenya Possessed. The Correspondence of Norman Leys and J.H. Oldhom (1918-1926)*. Chicago, 1976, p. 92.

¹⁷ *Распад Британской империи*. М.: Наука, 1964, с. 22.

¹⁸ *Tignor R.L. The Colonial Transformation of Kenya*. Princeton, 1976, p. 6.

неизбежно своим белым «хозяевам» в культуре, способностях и уме»¹⁹.

Колониальная политика европейских держав в Африке на разных этапах своей эволюции преследовала различные цели и осуществлялась в разнообразных формах, но в конечном счете буржуазия стремилась к политическому порабощению африканских народов, к установлению прямого колониального режима. В.И. Ленин писал о колониальном режиме как о наиболее идеальной, выгодной, удобной форме колониального порабощения²⁰. Установление на африканских территориях «узаконенного» колониального режима происходило различными способами. Британское колониальное право различало колонии, приобретенные посредством «договора» с местными вождями, «уступки», а также путем «аннексии» и «завоевания»²¹.

Хотя африканские территории приобретались Великобританией разными способами, все они в рамках Британской империи получали в конечном счете одинаковый колониальный статус. «Там, где корона приобрела право управления «путем договора, капитуляции, дарения, торгового обычая, молчаливого согласия и другими законными средствами», — писал английский правовед И. Дженнингс, — это право осуществляется так, если бы территория относилась к завоеванной колонии»²².

¹⁹ *Pritt D.* Op. cit., p. 85.

²⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 379; т. 30, с. 94-95.

²¹ См.: *Roberts-Wray K.* Commonwealth and Colonial Law. London, 1966, p. 37-53.

²² *Jennings I.* Constitutional Laws of the Commonwealth. The Monarchies. Vol. I. London, 1957, p. 15.

Для буржуазной колониальной политики в Тропической Африке в домонополистическую эпоху (особенно до середины XIX в.) типичным было приобретение колоний путем «договора» или «уступки». Колониальная экспансия буржуазных держав на африканском континенте в указанный период не получила еще широкого размаха. Территория колонии ограничивалась чаще всего рамками просто поселения европейцев или укрепленного поселения (форта). Так, во владении Великобритании на африканском континенте в начале XIX века находились лишь «небольшие участки территории в Гамбии, на Золотом Береге и в Сьерра-Леоне»²³. Колониальная политика английской буржуазии, направленная в это время, главным образом, на другие континенты, в Тропической Африке носила еще локальный характер. Положение резко изменилось в последней трети XIX века, когда английский промышленный капитализм, основанный на «свободной конкуренции», перерос в монополистический капитализм и когда между империалистическими державами развернулась активная борьба за территориальный раздел мира. Буржуазная колониальная политика в Тропической Африке в эту эпоху получила свое выражение в открытых аннексиях и захватах, результатом которых стал окончательный раздел африканского континента между европейскими державами. В руках английской буржуазии оказались обширные колониальные владения как в Западной, так и в Восточной Африке (территории Гамбии, Золотого Берега, Нигерии, Сьерра-Леоне, Занзибара, Кении, Уганды). После первой мировой войны к Великобритании отошла находившаяся до этого во владении Германии территория Танганьики.

²³ *Woolf L. Empire and Commerce in Africa. New York, 1968, p. 55.*

Установление на той или иной африканской территории британского колониального режима и утверждение политической власти английской буржуазии влекло за собой глубокие изменения в местной социально-политической организации. Целый ряд африканских традиционных институтов в результате воздействия колониальных властей попросту разрушался. Так, например, «обязательным условием колониализма было разрушение тех форм социальной организации и культуры, которые были бы способны выразить общие интересы угнетенного населения и содействовать его объединению и развитию»²⁴. Вместе с тем часть африканских традиционных политических структур европейские колонизаторы не ликвидировали, а приспособивали к своим интересам. Ю.Н. Зотова отмечает, что на службу британской колониальной политики в Африке ставилась «главным образом, феодально-патриархальная верхушка, а также управленческий аппарат патриархальных общественных структур, который включался в «туземную» администрацию»²⁵.

Колониальный режим, построенный на системе угнетения и подавления народов Африки, обеспечивал британской буржуазии монопольное обладание природными ресурсами африканских территорий. Контроль над этими ресурсами африканских территорий. Контроль над этими ресурсами в результате установления политического господства буржуазии метрополии переходил от традиционных вождей к колониальной администрации. В инструктивном письме колониального ведомства Великобритании британским властям в Сьерра-Леоне от 21 октября 1896 года, например, говорилось, что «королеве принадлежит право осуществлять горные разработки

²⁴ Ерасов Б.С. Тропическая Африка: идеология и проблемы культуры. М.: Наука, 1972, с. 17.

²⁵ Зотова Ю.Н. Традиционные политические институты Нигерии. М.: Наука, 1979, с. 132.

и распоряжаться всем золотом, драгоценными камнями и минералами, находящимися в протекторстве, а губернатор в совете обладает правомочием передавать необходимые полномочия по разработке рудников и добыче минералов и т.д. Губернатор имеет также право передавать вождям пустующие земли в пользование их племен, устанавливать или изменять границы таких земель. Он обладает также правом изымать любую землю, которая может потребоваться для нужд правительства»²⁶.

Одним из главных результатов политики европейских колонизаторов в Африке была деформация африканских социально-экономических структур. Это не означало, однако, что английский капитал стремился к их немедленному и полному разрушению. Колониальная политика европейских держав в Тропической Африке, учитывавшая уже накопленный буржуазией исторический опыт, не была направлена на форсированное внедрение в африканские общества чуждых ему форм эксплуатации и социальных отношений, а исходила из необходимости консервации местных традиционных общественных структур, приспособления их к интересам метрополии. Одной из причин такой политики европейского колониализма в Африке была, говоря словами К. Маркса, «внутренняя устойчивость и структура докапиталистических национальных способов производства»²⁷. Вместе с тем и в указанной особенности буржуазной, в том числе и британской, колониальной политики нельзя не видеть проявление закономерностей самого капитализма. Капитализм как общественно-экономическая формация предполагает

²⁶ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 55, p. 775.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 366.

неоднородную в мировом масштабе систему производительных сил. Развитие капитализма связано в первую очередь с развитием индустрии. Последнее же влечет за собой постоянное увеличение потребности в сырьевых материалах, не создаваемых самим трудом. Во многом именно по этой причине «в своей «окраинной зоне» капитализм не только сохранял преимущественно доиндустриальные формы труда в их доколониальном виде, но даже воспроизводил их от себя там, где они уже приходили в упадок. Доиндустриальные формы труда на «периферии» становились как бы звеном мировой системы индустриального труда»²⁸. Тем самым фактически воспроизводилась отсталость колониально-зависимых стран от метрополии. «Консервация отсталости, архаических пережитков — важнейшая органическая функция колониализма»²⁹, — замечает Р.А. Ульяновский.

Отмеченные выше черты и свойства, характеризующие сущность буржуазной колониальной политики, проявлялись на практике в самых разнообразных вариантах и формах. Каждая европейская держава, в том числе и Англия, осуществляла в Африке по сути дела свой вариант колониальной политики.

Влияние национально-исторических и иных факторов на форму колониальной политики отдельных империалистических держав неоднократно отмечалось как в буржуазной, так и в советской правовой и исторической литературе³⁰. По словам лорда Хэйли, «европейские коло-

²⁸ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: Мысль, 1974, с. 39-40.

²⁹ Ульяновский Р.А. Современные проблемы Азии и Африки. М.: Наука, 1978, с. 155.

³⁰ См.: Ерасов Б.С. Цит. соч., с. 18-20.

ниальные власти представляли одну и ту же цивилизацию, но каждая из них решала колониальные проблемы в соответствии со своими собственными традициями»³¹.

Французская колониальная система в Тропической Африке базировалась на прямом подчинении местного населения колониальным властям. Для французской колониальной политики характерным было стремление к более форсированному разрушению африканских социальных и культурных традиций, к ускоренному приобщению африканцев к французскому образу жизни и мышления³². Такая политика ассимиляции преследовала вполне определенные цели. По словам американского историка Р. Эмерсона, «если бы в политическом плане доктрина ассимиляции оказалась эффективной, Франция могла бы надеяться на избавление от удара национального движения в своих колониях, поскольку образующиеся там элиты сливались бы с раздвигающим своим рамки французским обществом и отказались бы от требований национального самоопределения»³³.

Британская колониальная политика в Тропической Африке имела иную установку. «Консерватизм английского правящего класса исключал возможность того, чтобы как нижестоящие слои в самой Англии, так и “туземцы” в Африке проникали в их среду и претендовали на полноправное участие в политическом управлении. Судьба метрополии и колонии последовательно разделялась; и в политической, и в культурной сфере действовал принцип «каж-

³¹ Colonial Administration by European Powers. London, 1947, p. X.

³² См.: Ерасов Б.С. Цит. соч., с. 19.

³³ Emerson R. From Empire to Nation. Cambridge, 1960, p. 71.

дому свое»³⁴. Закономерностью британской колониальной системы было «непрямое» или «косвенное» управление, иначе говоря — управление через посредство традиционных вождей, которые включались в колониальную администрацию в качестве ее низшего звена.

Конечные цели проводившейся британскими колонизаторами политики изоляции африканцев совпадали с целями осуществлявшейся французами политики ассимиляции, о чем свидетельствует высказывание лорда Лугарда, создателя доктрины «косвенного управления»³⁵. По его мнению, «контакт с цивилизацией, распространение образования естественно приводят к появлению агитатора за самоуправление, требующего своей доли контроля во внутренних делах»³⁶.

Общность основных целей монополистического капитала разных стран сводила различия между французским и британским вариантами колониальной политики к чисто внешним и формально-юридическим моментам. К тому же и французская и английская буржуазия не отличались в своей колониальной политике последовательностью. Конкретные исторические обстоятельства и практика колониального управления зачастую брали верх над идеологическими установками. Французские колонизаторы отказывались в целом ряде случаев от попыток культурной ассимиляции африканцев и обращались к политике консервации традиционных структур, про-

³⁴ Ерасов Б.С. Цит. соч., с. 21.

³⁵ См. работу: *Lugard F.J.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. London, 1965.*

³⁶ Цит. по: *Цинцадзе И.П. Социально-политические последствия «косвенного управления» в Нигерии. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 4, с. 129.*

являя наряду с этим стремление укрепить власть традиционных вождей³⁷.

Британские колонизаторы, со своей стороны, не всегда и не во всем следовали политике изоляции африканцев. В частности, как это будет показано в дальнейшем, они были вынуждены распространять на последних, хотя и в ограниченной мере, действие своих правовых концепций.

Таким образом, на практике не было строгого и далеко идущего различия между системой «прямого управления» и системой «косвенного управления». Л.Я. Даддани пишет в связи с этим: «Было бы неправильным считать, что система косвенного управления серьезно отличается от прямого управления. Во-первых, в особых районах колоний, управляемых «туземными властями» (как и в протекторатах) полномочным распорядителем всех внутренних дел является резидент (комиссар). Во-вторых, и при косвенном управлении колонизаторы спокойно смещают неудобных им вождей, только стараются соблюдать при этом местные обычаи и внешнюю обрядность; на место смещенного наследного вождя предпочтительно назначают одного из представителей того же рода. В-третьих, применяя прямое управление, империалисты отнюдь не отказывались от опоры на родоплеменную и феодальную знать, последняя была только отстра-

³⁷ «Французская и бельгийская политики были направлены первоначально на создание единой системы, построенной на европейской модели, к которой африканцы, как ожидалось, адаптируются с прогрессом цивилизации, — писал в 1939 г. лорд Хэйли. — Это может еще идеалом, однако практика во французских и бельгийских колониях имеет тенденцию к отклонению от него» (*Hailey W. African Survey. London, 1939, p. 307*).

нена от важнейших постов в колониальной администрации»³⁸.

Практическое осуществление буржуазными державами своей колониальной политики во многом основывалось на методах прямого, грубого насилия, мерах военно-политического характера. «Акции колонизаторов на завоеванных территориях, — признает зарубежный исследователь В. Джонстон, — были часто более варварскими, чем действия «дикарей», среди которых они проживали»³⁹.

Вместе с тем практическое осуществление колониальной политики предполагало применение и более «цивилизованных» средств и инструментов, в частности, — правовых форм. «В колониях не происходило полной отмены права, — отмечает Н.А. Крашениникова. — Без более или менее эффективной системы права, без определенного правопорядка не может длительное время функционировать ни одно антагонистическое общество, в том числе колониальное»⁴⁰.

Использование колонизаторами в качестве инструмента своей политики наряду со средствами прямого, грубого принуждения правовых форм имело под собой различные основания. Прежде всего действие колониального права призвано было служить главной цели буржуазной колониальной политики, а именно: созданию усло-

³⁸ Дадвани Л.Я. Крах колониального управления в современный период. М.: УДН, 1964, с. 107-108.

³⁹ Johnston W.R. Sovereignty and Protection. Durham, 1973, p. 14.

⁴⁰ Крашениникова Н.А. О некоторых актуальных вопросах истории обычного права. — В кн.: Методология историко-правовых исследований. М.: АН СССР, с. 62.

вий для эффективной эксплуатации колоний. Одно из них составляло наличие соответствующего методам этой эксплуатации внеэкономического общественного порядка. «Закрепленное в государстве организованное насилие, “имперский порядок”, — пишет А.И. Левковский, — было необходимым условием грабительских действий западного капитализма в покоренных странах, а затем важным условием насаждения и функционирования уклада иностранного капиталистического предпринимательства»⁴¹.

Рассматривая данный аспект использования правовых форм в колониальной политике с более общих позиций, уместным будет вспомнить слова К. Маркса о том, что «регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства»⁴².

⁴¹ Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран. (Проблемы многоукладного переходного общества). М.: Мысль, 1978, с. 179. Указанное обстоятельство особо отмечается и рядом зарубежных исследователей. «Главную озабоченность колониальных режимов, — пишет Дж. Аджайи, — составляло не осуществление социальных реформ, а в первую очередь контроль и поддержание права и порядка, способствующих экономической эксплуатации» (*Ajayi J.F.A. Colonialism: an episode in African History. — In: Colonialism in Africa. 1870-1960. Vol. I. Cambridge, 1969, p. 505*).

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 357.

Осуществляя в Африке свою империалистическую политику, буржуазия была вынуждена считаться также с мнением демократически, антиколониально настроенных кругов в самой метрополии, которые весьма остро реагировали на предававшиеся гласности факты произвола и насилия в колониях⁴³. Использование в колониальной политике правовых форм во многом обуславливалось при таком положении стремлением колонизаторов придать своим действиям видимость «законности». Именно этим объясняется более широкое использование в Африке с конца XIX века такой политико-правовой формы колониального господства, как «протекторат». Вплоть до второй половины XIX в. территории, приобретенные Великобританией в результате колониальной экспансии, рассматривались в качестве «колоний». Начиная с конца XIX века, когда, как пишет буржуазный исследователь Х. Вишхофф, «население в метрополии стало подвергать сомнению «законность» таких территориальных приобретений, сделалось модным называть эти новые приобретенные территории протекторатами или колониальными протекторатами, терминами, которыми намеревались подчеркнуть цивилизаторский характер новых приобретений»⁴⁴. Придание тем или иным африканским территориям указанной политико-правовой формы ничего не меняло в действительности. «Следует всегда иметь в виду то расхождение, которое существовало между теорией и практикой протекторатов, — отмечает В. Джонстон. — Чиновники на местах были в особенности склонны игнорировать теоретический

⁴³ Подробнее см.: *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX в. (Очерки). М.: Наука, 1977, с. 214-240.

⁴⁴ *Wieschhoff H.A.* Colonial Policies in Africa. London, 1944, p. 5.

смысл протекции»⁴⁵. Подчеркивая данное обстоятельство, Н.В. Черноголовкин констатирует, что «протекторат – это прежде всего режим прямого колониального господства»⁴⁶.

Советские исследователи, так или иначе затрагивающие в своих работах вопрос о колониальном праве, подходят к данному феномену прежде всего как к средству закрепления политического и экономического господства метрополии над колонией. «Колониальное право, – пишет Г.В. Игнатенко, – можно определить как совокупность юридических норм, выражающих волю и интересы монополистической буржуазии метрополии и закрепляющих ее диктатуру над населением колонии»⁴⁷.

Как отмечает А.Ф. Шебанов в работе «Возникновение и сущность государства и права стран, освободившихся от колониальной зависимости», «колониальное право в целом закрепляло политическое и экономическое господство колонизаторов, устанавливало для них большие привилегии и лишало

⁴⁵ *Johnston W.* Op. cit., p. 271.

⁴⁶ *Черноголовкин Н.В.* Формы колониальной зависимости. М.: Госюриздат, 1956, с. 86.

Лорд Хэйли в публичной лекции в 1941 г. сделал следующее признание: «Характер политических отношений между колониями и остальной частью Империи является сравнительно простым. То обстоятельство, что они описываются частично как колонии и частично как протектораты не имеет никакого сколь-нибудь важного значения. Даже юридические различия представляются отчасти незначительными, а расхождение в политическом статусе само население или даже те, кто им управляет, редко осознают» (*Hailey W.* *The Position of Colonies in a British Commonwealth of Nations.* London, 1941, p. 13).

⁴⁷ *Игнатенко Г.В.* Указ. соч., с. 10.

коренных жителей элементарных прав и свобод, навязывало местному населению чуждые ему правовые институты, способствовало разделению народов по племенному и религиозному признакам»⁴⁸. В этом смысле система общественных отношений, которую буржуазия стремилась поддерживать в колониях с помощью юридических норм, существенно отличалась от правопорядка в самой метрополии. Объявляя население колоний низшей расой, колонизаторы фактически ставили его вне закона. «В уголовном колониальном праве, — констатирует В.А. Лихачев, — мы видим проявление расовой и национальной дискриминации. Уголовно-правовые санкции имеют значительно более суровый характер, чем меры наказания в нормах, действующих в самом государстве-метрополии. Следует также учитывать, что основные судебные функции в колониях осуществлялись европейскими чиновниками, которые сознательно осуждали невиновного или освобождали от ответственности виновного, произвольно усиливали или смягчали наказание в зависимости от того, кто был обвиняемым — африканец или европеец»⁴⁹.

Колониальное право представляет собой не простую совокупность правовых норм, действующих в рамках колонии. Термин «колониальное» в указанном сочетании несет вполне определенное социально-экономическое и политическое содержание. Он подчеркивает прежде всего связь соответствующей совокупности правовых норм с целями и задачами колониальной политики. Буржуазные ученые, обращающиеся к тем или иным аспектам колониального

⁴⁸ *Шебанов А.Ф.* Возникновение и сущность государства и права стран, освободившихся от колониальной зависимости. М.: УДН, 1968, с. 83.

⁴⁹ *Лихачев В.А.* Указ. соч., с. 27.

права, как правило, игнорируют отмеченную связь данного феномена с колониальной политикой. В частности, известный исследователь политико-правового развития африканских стран Т. Элиас представляет колониальное право просто как «свод принципов, состоящий частью из имперского законодательства и колониальных указов и частью из всего английского права и местного обычного права, применяемых в британских колониях»⁵⁰. При таком подходе к интересующему нас феномену остается в стороне вопрос о его классовой сущности, о его роли в реализации колониальных планов английской буржуазии. Между тем именно с ответа на данный вопрос должно начинаться подлинно научное рассмотрение того или правового явления. «Наиболее общие свойства права отличают его от других социальных явлений, но вскрывают его сущность лишь на уровне «первого порядка». Поскольку же право – институт классового общества, его сущность неизбежно приобретает социальный характер»⁵¹. Определяя колониальное право в качестве инструмента колониальной политики, осуществляемой капиталистическими державами, мы тем самым характеризуем его прежде всего как буржуазное по своей классовой сущности правовое явление. Специфика колониального права лежит, таким образом, не на уровне сущности, а на уровне социального содержания и связана как таковая с особенностями буржуазной колониальной политики, со спецификой колониальных социально-экономических и политических структур.

⁵⁰ *Elias T. British Colonial Law. London, 1962, p. 6.*

⁵¹ *Право в странах социалистической ориентации, с. 31.*

Маскируя подлинные цели своей колониальной политики, буржуазия стремилась скрыть истинную сущность и колониального права, чему в немалой степени способствовали различные юридические доктрины. Одной из важнейших среди них была сформулированная в 1693 году английским судьей Холтом доктрина, согласно которой «в случае освоения английскими подданными незаселенных земель там действуют все законы Англии». По словам О.А. Жидкова, «для того, чтобы воспользоваться этой доктриной, английским колонизаторам достаточно не «замечать» коренное население в Америке, Австралии и других странах»⁵². Действовавшее в эпоху буржуазной колониальной экспансии международное право специально предусматривало для колонизаторов возможность игнорировать при осуществлении своих интересов права коренных жителей. «Если жители данной территории принадлежит к нецивилизованному или крайне отсталому народу, неспособному обладать правом суверенитета, то завоеватель может фактически игнорировать их правовой титул и осуществлять завладение страной таким образом, как если бы она никому не принадлежала»⁵³.

Для придания нормам колониального права большего веса колониальные суды часто трактовали их в качестве норм международного права⁵⁴. «Английские юристы, — пишет по данному поводу В.М. Корецкий, — показывают любопытный прием превращения их вну-

⁵² Жидков О.А. История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма). М.: УДН, 1971, с. 43.

⁵³ Хайд Ч.Ч. Международное право, т. 2. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951, с. 68.

⁵⁴ См.: Денисов В.Н. Указ. соч., с. 109.

треннего права в часть международного с тем, чтобы это внутреннее право, превращенное в международное право, могло господствовать над правом других государств»⁵⁵.

В предисловии к коллективному труду «Право в независимых странах Африки» Р.А. Ульяновский писал о том, что «нельзя преувеличивать значение складывающихся в странах Африки государственно-правовых норм и институтов. Они не устоялись, нередко не отражают действительности, не соответствуют духу и желанию народа, не представляют собой слепок с истинного соотношения социальных сил»⁵⁶. Если подобным образом можно характеризовать правовые формы, существующие в африканских странах в современный период, то тем более правомерно распространить эту характеристику на юридические формы, существовавшие в период колониальной зависимости.

В заключение следует заметить, что широко используемый в зарубежной и советской литературе, в том числе и в данной диссертации, термин «колониальное право» в значительной степени является условным. Он не адекватен понятию права в том смысле, какой вкладывается в него, когда речь идет о национальной системе права. Этот термин подчеркивает лишь подчиненный характер права по отношению к политике колониализма. С другой стороны, целый ряд уже устоявшихся в работах историков и юристов терминов, таких как «колониальный закон», «коло-

⁵⁵ *Корецкий В.М.* «Общие принципы права» в международном праве. Киев, 1957, с. 7.

⁵⁶ *Право в независимых странах Африки*, с. 14.

ниальная конституция», сами по себе не являются точным отражением политической и правовой действительности в колониях, не дают правильного представления о реальном назначении данных юридических феноменов. Подобные термины возникли в результате автоматического переноса буржуазными учеными понятий, относящихся к области буржуазного права в метрополии, на сферу правовой жизни колоний. Органы, издававшие в колониях те или иные юридические акты, хотя и назывались «законодательными советами», на деле ничего общего с подлинно представительными, законодательными органами не имели. Раскрытию действительного значения институтов и понятий колониального права служит в первую очередь рассмотрение его в тесной связи с колониальной политикой и в процессе исторического развития.

§ 2. Эволюция британской колониальной политики в Тропической Африке и изменения в колониальном праве

Колониальная экспансия Англии в Африке началась, как отмечается в исторической литературе, со второй половины XVI века, когда английский моряк Джон Хаукинс совершил при покровительстве и финансовой поддержке королевы Елизаветы I три путешествия на западное побережье африканского континента за рабами⁵⁷. В XVIII веке работорговля в Африке стала для британской буржуазии широко распространенной практикой, что было связано, главным образом, с развитием плантационного хозяйства в североамериканских колониях. Обладая самым сильным в Европе флотом, Англия быстро выдвинулась в торговле рабами на первое место среди европейских держав.

Кроме рабов английские предприниматели вывозили из Африки также слоновую кость, перец, пальмовые орехи и т.п., однако именно торговля рабами имела преобладающий вес и составляла главную статью их доходов. Под знаком работорговли разворачивалась в XVIII веке английская колониальная экспансия на африканском континенте⁵⁸. В качестве главного ее проводника выступали в данный период торговые компании, круп-

⁵⁷ Подробнее см.: *Зотова Ю.Н.* Английская экспансия в Дельте Нигера. М.: Наука, 1970, с. 43; см. также: *Gibbins H.B.* British Commerce and Colonies. London, 1899, p. 4-5.

⁵⁸ Не случайно, что даже в работах буржуазных авторов, посвященных данному периоду колониальной экспансии, он именуется обычно как «период работорговли» (The Slave Trade Period). См.: *Padmore G.* How Britain Rules Africa. London, 1936, p. 19.

нейшими среди которых являлись так называемые «Компания лондонских торговцев-предпринимателей в Африке» и «Королевская Африканская компания». Именно торговые компании заложили в Африке первые английские форты (в Гамбии, Сьерра-Леоне, на Золотом Береге), основали первые английские колонии⁵⁹.

Интересами работорговли определялся в XVIII веке прежде всего и сам характер действий колонизаторов на африканских территориях. Поскольку основным источником рабов в Африке были военнопленные, английские колонизаторы постоянно разжигали вражду между африканскими племенами, провоцировали их на длительные войны. Как отмечает И.И. Потехин, «работорговля означала не просто вывоз рабов, но состояние перманентной войны с целью захвата пленных для продажи европейским скупщикам «живого товара»⁶⁰.

Рассматривая работорговлю как один из источников первоначального накопления капитала, К. Маркс писал в «Капитале»: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капиталистической эры производства»⁶¹. Пользуясь межплеменными и межгосударственными распрями африканцев, а также отсутствием каких-либо стеснений морального или правового

⁵⁹ См.: История Африки в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1967, с. 106.

⁶⁰ Потехин И.И. Становление новой Ганы. М.: Наука, 1965, с. 316.

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 760.

го характера, колонизаторы обманом и силой добывали не только рабов, но и другие баснословные по тем временам ценности: золото, слоновую кость и т.д. Очевидно, что на данном этапе истории британской колониальной политики набор ее средств и инструментов практически не был связан какой-либо правовой регламентацией, а потому и сама немногочисленная администрация фортов и колоний в Африке обращалась к нормам права только тогда, когда речь шла о регулировании конфликтов и иных отношений между самими англичанами.

В начале XIX века европейские державы, и в том числе Великобритания, вынуждены были отказаться от работорговли, поскольку этого требовало, по словам Сюре-Каналья, «само развитие капитализма, экономически осудившего такую форму эксплуатации человека человеком»⁶². Как пишет советский историк Н.А. Ерофеев, «в конце XVIII и начале XIX в. главной проблемой английской промышленности, проходившей стадию резких преобразований под воздействием машины, стала проблема рынков сбыта. Работорговля подрывала торговлю с Африкой и таким образом наносила ущерб интересам промышленной буржуазии, которая теперь задавала тон в политике страны. Кроме того, широкие круги общественности, глубоко возмущенные варварством работорговцев, поднимали против работорговли громкий голос протеста»⁶³. В 1807 году правительство Великобритании официально запретило торговлю рабами

⁶² Сюре-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961, с. 208.

⁶³ Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М.: Мысль, 1967, с. 23.

в Африке⁶⁴. С этого времени обмен британских промышленных товаров на африканскую сельскохозяйственную продукцию, который в условиях колониализма не мог развиваться на эквивалентной основе, стал все более выдвигаться на передний план в колониальных отношениях Великобритании с Африкой⁶⁵. В течение первой половины XIX века объем поступающей в Англию продукции с африканского континента неуклонно возрастал⁶⁶.

Изменения в целях и в содержании британской колониальной политики в Африке в XIX веке были связаны с тем, что в результате промышленного переворота ведущая роль в развитии экономики английского общества, которая в XVIII веке принадлежала торговой

⁶⁴ См. подробнее: *Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М.: Наука, 1978, с. 128.

⁶⁵ Видный бразильский экономист Н. Содре, характеризуя товарообмен в качестве средства колониальной эксплуатации, пишет: «Таким образом система товарообмена была тем механизмом, с помощью которого значительная часть дохода, производимого в стране, переводилась за границу» (*Содре Н.* Бразилия: анализ «модели развития». М.: Прогресс, 1976, с. 52).

⁶⁶ Об этом возрастании свидетельствуют, в частности, данные о вывозе с побережья Африки пальмового масла, которое служило в Англии сырьем в ряде отраслей промышленности. Если в 1816 г. официальная стоимость всего пальмового масла, вывезенного с побережья Африки, составляла 23 831 фунт стерлингов, то в 1828 г. — 126 572 фунта, а в 1834 г. она доходила уже до 458 810 фунтов стерлингов (См.: *British Parliamentary Papers. Colonies. Africa.* Shannon, 1968, vol. 3, p. 33).

буржуазии, перешла к промышленному капиталу. Промышленный капитал, в отличие от торгового, был заинтересован в получении из колоний не готовых изделий (драгоценных камней, золота, кофе, чая и т.п.), а сырьевых материалов и в сбыте там промышленных товаров. Как отмечает Н.А. Симония, «для этого нужна была иная экономическая связь между крайними полюсами (колония-метрополия), чем та, которую мог обеспечить традиционный купеческий капитал. Сырьевой или полуфабрикатный характер колониальной продукции (хлопок, джут, сахарный тростник, пенька, руды и т.п.), ее предназначенность для производственного потребления требовали регулярности и количественной определенности поступающих в обращение товаров. Срыв поставок колониального сырья в метрополию — уже не просто несостоявшаяся торговая сделка, а разрыв в производственном процессе»⁶⁷.

В связи с заинтересованностью английской буржуазии в регулярном поступлении сырья для промышленного производства обеспечение устойчивости торговых отношений с африканскими племенами стало одной из главных целей политики британских колонизаторов в Африке в первой половине XIX века. Конкретное содержание этой политики определялось целым рядом обстоятельств. В первую очередь — общим уровнем социально-экономического и политического развития африканских обществ. «Большинство традиционных африканских обществ, — пишет Ю.М. Кобищанов, — находилось до колонизации (и продолжало оставаться в колониальный период) на разных ступенях перехода от первобытнообщинной формации к феодальной; лишь наиболее передовые из них вступили на

⁶⁷ Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975, с. 181.

стадию развития феодализма⁶⁸. При таком положении навязывание британскими колонизаторами африканцам регулярных торговых отношений требовало навязывания им соответствующего этим отношениям внеэкономического общественного порядка. В частности, необходимо было ограничить практику военных столкновений между африканскими племенами. «Торговля, доходы и общее благосостояние Колонии всецело зависят от поддержания мира повсюду в стране», — сообщал в своем докладе по Гамбии полковник Р. Орд⁶⁹. Одновременно следовало обеспечить надлежащими гарантиями безопасность самих торговцев, которые при осуществлении своей деятельности часто находились на территориях за пределами британских фортов. Говоря словами, Ф. Энгельса, «первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности – безопасность личности купца и его собственности»⁷⁰.

Важное место в колониальной экспансии британского капитализма на африканском континенте занимало в рассматриваемый период миссионерское движение, которое, как это особо отмечается в «Кэмбриджской истории Африки», «играло большую роль в стимулировании интереса к созданию новых европейских торговых пунктов, к распространению европейского влияния вглубь континента»⁷¹.

⁶⁸ Кобищанов Ю.М. Пространственно-временные структуры истории Африки. – В кн.: Африка: возникновение отсталости и пути развития. М.: Наука, 1974, с. 38.

⁶⁹ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 50, p. 450.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 33.

⁷¹ The Cambridge History of Africa. Vol. 5, Cambridge, 1976, p. 215.

Миссионерство составляло влиятельную силу, также выступавшую за создание на африканских территориях соответствующего общественного порядка. «Миссионеры проявляли все большую озабоченность в установлении европейского политического контроля в качестве необходимого шага в обеспечении социальных и религиозных перемен. Продвигаясь за пределы контролировавшихся европейцами анклавов, вдоль ли побережья или же вглубь страны, они следовали за торговцами или призывали торговцев следовать за ними. Альянс миссионеров и торговцев, часто использовавших аболиционистские аргументы в целях обеспечения поддержки и защиты со стороны правительств своих метрополий, являлся важнейшим фактором в распространении европейского влияния в Западной Африке в этот период»⁷².

Создание на африканских территориях внеэкономического общественного порядка, соответствующего отношениям регулярного товарообмена, британские колонизаторы с самого начала связывали во многом с применением мер военного насилия. По замечанию Ю.Н. Зотовой, «хотя торговая экспансия и была одной из характерных черт английской колонизации Нижнего Нигера, однако для ее осуществления правительство Англии широко использовало военные средства»⁷³. С помощью вооруженных отрядов и военных экспедиций британские колонизаторы устанавливали, в частности, свой контроль за важными торговыми путями по рекам Вольте и Нигеру⁷⁴.

Вместе с тем в целом ряде случаев в качестве инструмента

⁷² The Cambridge History of Africa. Vol. 5, p. 217.

⁷³ Зотова Ю.Н. Английская экспансия в Дельте Нигера, с. 92.

⁷⁴ См.: История Африки в XIX - начале XX в., с. 107.

обеспечения в Африке своих интересов британская буржуазия считала необходимым использовать правовые формы. «Потребность в строгом контроле права и в общей системе юриспруденции остро ощущается среди торговцев в Африке», – констатировалось в 1816 году в докладе комиссии, посланной британским правительством для исследования состояния поселений и фортов на африканском побережье⁷⁵. Особенно важное значение британские колонизаторы придавали распространению на африканцев действия английских юридических концепций. Член парламентского комитета по Африке М. Форстер писал в это время о губернаторах британских фортов: «Им следует дать указания не упускать в отношениях с туземцами ни одной возможности для распространения наших принципов правосудия и политики в местностях за пределами наших территориальных границ»⁷⁶. Наиболее заинтересованы британские колониальные власти были в строгом применении норм английского права к африканцам в тех случаях, когда они совершали преступления против англичан. По мнению колонизаторов, «если бы таким туземцам было позволено избежать наказания по своей собственной системе обычаев и законов, то установился бы опасный прецедент»⁷⁷.

Первые попытки распространения британскими колонизаторами на африканское население в рассматриваемый период элементов английского права имели место в условиях, когда формально

⁷⁵ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1968, vol. 1, p. 126.

⁷⁶ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1968, vol. 2, p. 714.

⁷⁷ Johnston W. Op. cit., p. 17.

власть в Африке принадлежала еще местным традиционным вождям. По словам Ю.Н. Зотовой, в период так называемой «торговой империи» «Англия, прочно удерживавшая мировое промышленное и торговое первенство, не форсировала формальное установление колониального режима, предпочитая неофициальное господство, не требовавшее больших затрат на содержание административного аппарата»⁷⁸. Английская буржуазия считала целесообразным воздерживаться от проведения в Африке в рассматриваемый период широких территориальных аннексий. К этому призывали губернаторов британских фортов инструкции британского правительства. Об этом шла речь в резолюциях докладов различных правительственных комиссий по Африке⁷⁹.

Приобретение африканских территорий, на которых располагались британские форты, колонизаторы стремились представить в таком свете, что будто бы они не захватывали эти территории, а лишь получали их от африканских вождей в аренду. Вождям нередко выплачивалась символическая арендная плата⁸⁰.

⁷⁸ Зотова Ю.Н. Английская экспансия в Дельте Нигера, с. 206.

⁷⁹ В одной из таких резолюций говорилось: «Всякое дальнейшее расширение территории или присвоение власти в Западной Африке или же заключение какого-либо нового договора, предоставляющего туземным племенам протекцию, должны быть строго-настрого запрещены» (British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1968, vol. 5, p. XV).

⁸⁰ См.: История Африки в XIX – начале XX в., с. 107; British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 1, p. 165; McPhee A. The Economic Revolution in British West Africa. London, 1926, p. 143.

На данном этапе развития колониальной политики, которая в научной литературе получила наименование политики «неофициальной империи»⁸¹, британские власти использовали в качестве основного средства распространения в Африке элементов английской правовой системы так называемые «договоры» с местными племенными вождями. «Следует помнить, что наша принудительная власть строго ограничена как нашим титулом, так и инструкциями Колониального Ведомства, рамками британских фортов, и что магистратам строго запрещено осуществлять юрисдикцию даже над туземцами и районами, непосредственно находящимися под влиянием и защитой фортов. Вся юрисдикция над туземцами за этими пределами должна поэтому рассматриваться в качестве необязательной, и ее следует сделать предметом специального соглашения с туземными вождями в той части, которые касаются ее характера и рамок», — говорилось в одном из докладов правительственной комиссии по западному побережью Африки⁸².

Примером одного из таких навязанных африканцам британскими властями «соглашений» может служить «Декларация вождей Фанти от 6 марта 1844 г.» В этом документе говорилось: «Принимая во внимание, что власть и юрисдикция осуществляются от имени Ее Величества Королевы Великобритании и Ирландии в пределах различных стран и местностей,

⁸¹ См.: *Зотова Ю.Н.* Английская экспансия в Дельте Нигера, с. 130; *Hargreaves J.* The End of Colonial Rule in West Africa. London, 1979, p. 16.

⁸² *British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 5-6.*

примыкающих к фортам и поселениям Ее Величества, мы, вожди упомянутых стран и местностей, примыкающих к указанным фортам и поселениям, настоящим признаем эту власть и юрисдикцию и объявляем, что первейшими целями права являются защита индивидов и собственности». Далее в «декларации» признавалось, что «убийства, грабежи и другие преступления и правонарушения должны рассматриваться и расследоваться королевскими судебными чиновниками и вождями местности, имеющими полномочие проводить обычаи страны в соответствии с общими принципами британского права»⁸³.

Используя «договоры» с местными вождями в качестве средства распространения своей юрисдикции в Африке, британские колонизаторы проявляли особую заботу о гарантиях соблюдения этих документов на практике. Сами тексты «договоров» чаще всего начинались с изложением таких гарантий, о чем свидетельствует, например, «договор» между губернатором форта Кэйп Коуст Кастл и британских поселений и вождями Ашанти от 27 апреля 1831 года: «Король Ашанти оставляет в Кэйп Коуст Кастл залог в сумме 600 унций золота и передает в руки губернатора двух юношей королевской семьи Ашанти в качестве гарантии того, что он будет поддерживать мир с упомянутыми сторонами в течение всего последующего времени»⁸⁴. Кроме указанных в приведенном примере условий, гарантией соблюдения «договоров» вождями могло служить предоставление губернаторами фортов военной помощи этим вождям в их борьбу с другими вождями, а также различных материальных субсидий.

⁸³ *Newbury C. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874. Oxford, 1965, p. 298.*

⁸⁴ *British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 6.*

Как отмечалось в одном из британских парламентских документов первой половины XIX века, «договоры обыкновенно точно соблюдаются и там, где население их нарушает, оказывается, что угроза лишиться субсидии, как правило заставляет вождя принудить нарушителей возместить убытки»⁸⁵. В такой обстановке администрации британских фортов вполне удавалось навязывать африканскому населению обязанность соблюдать отдельные нормы английского права. «Все преступления наказываются, насколько это возможно, в соответствии с законами Англии, смягченными и модифицированными так, чтобы приспособить их к особым привычкам и нецивилизованным условиям жизни населения», — писал в своем сообщении капитан Максин, который в 1829–1844 годах осуществлял общее руководство и контроль над администрацией фортов Золотого Берега⁸⁶.

Установившись в первые десятилетия XIX века, практика применения на африканских территориях английских юридических форм постоянно расширялась, а на определенном этапе развития колониальной политики британские власти встали перед необходимостью придать ей более прочное легальное основание и большую стабильность. «Судебная власть, которая существует в настоящее время в фортах, находится в целом в неудовлетворительном положении, — отмечалось в 1842 году в одном из докладов по Африке, представленных британскому парламенту; — она принадлежит губернатору и Совету, которые действуют как магистраты, и чьи инструкции ограничивают их отправлением британского права, и в том,

⁸⁵ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 457.

⁸⁶ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 3, p. 70.

что касается туземцев, строго и исключительно в пределах самих фортов; однако практически, неизбежно и небезрезультатно эти указания были игнорированы, возникла разновидность иррегулярной юрисдикции, распространившейся далеко за пределы фортов вследствие добровольного подчинения самих туземцев, как вождей, так и торговцев британской справедливости... Желательно, чтобы эта юрисдикция была лучше определена и истолкована»⁸⁷.

В середине XIX века английская буржуазия, которая к этому времени уже доминировала в британском парламенте, добилась принятия первых законодательных актов, которые содержали нормы, регламентировавшие колониальную политику. Акт о британских поселениях 1843 года предоставил британскому правительству — «Ее Величеству в Совете» — полномочие устанавливать в британских колониях, «приобретенных поселением на побережье Африки и на Фольклендских островах», такие законы и учреждать такие суды, которые могут быть необходимы для мира, порядка и хорошего управления поданными Ее Величества и другими лицами, находящимися в пределах существующих или будущих поселений»⁸⁸. Акт об иностранной юрисдикции 1843 года предусматривал порядок осуществления британским правительством юрисдикционных полномочий на зависимых территориях⁸⁹. Впоследствии на основе данных актов британского парламента и в целях их конкретизации для применения на практике был издан правительственных актов, как например, приказ в совете от 3 сентября 1844 года, который гласил:

⁸⁷ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 5.

⁸⁸ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 319.

⁸⁹ Ibidem, p. 320.

«Во исполнение полномочий, предоставленных Ее Величеству актами парламента, Ее Величество соблаговоляет через посредство и с согласия Тайного Совета учредить поселение Кэйп Коуст Кастл и колонию Сьерра-Леоне в качестве британских колоний, где лицо, облеченное соответствующей властью от имени Ее Величества, будет обладать правом судить любое лицо, обвиняемое в совершении того или иного преступления или правонарушения»⁹⁰.

Использование британскими колониальными властями в первой половине XIX века на африканском континенте правовых форм приобретало, таким образом, систематический и организованный характер. В Африке начинала складываться совокупность правовых норм, специально предназначенных защищать там интересы колонизаторов, обеспечивать функционирование механизма колониальной эксплуатации африканских обществ британским капитализмом.

По сравнению с правом любого суверенного государства указанная выше совокупность правовых норм — «колониальное право» — имело значительную специфику. Во-первых, колониальное право складывалось в результате насильственного привнесения правовых норм, сложившихся и действующих в условиях капиталистического общества, в условия общества, находящегося на докапиталистических ступенях развития, что сопровождалось изменением социального содержания этих правовых норм, их постепенным приспособлением к иным по характеру общественным отношениям. Во-вторых, колониальное право формировалось в процессе взаимодействия правовых норм, возникших на различных по типу социально-

⁹⁰ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 397.

экономических базисах. В-третьих, оно развивалось в результате издания юридических актов государственными органами общества-метрополии для применения и использования в подчиненном ему обществе-колонии. «Издание законов колониальной властью не легко подходит под общие теории об отношениях между правом и обществом, — признает западногерманский исследователь Брун-Отто Брайд. — Законодательная власть была чужда обществу, для которого она законодательствовала, и вплоть до возникновения движений за независимость она не испытывала большого давления, чтобы уступить требованиям жителей колонии»⁹¹.

Начиная с последней четверти XIX века отношения между Великобританией и Африкой стали претерпевать значительные изменения. Эти изменения были связаны со вступлением британского капитализма в монополистическую стадию развития — империализм. «Экономическое различие между колониями и европейскими народами — по крайней мере, большинством последних, — отмечал В.И. Ленин, — состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен *товаров*, но еще не в капиталистическое *производство*. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала*. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»⁹².

Империализм обострил борьбу ведущих капиталистических держав не только за рынки сбыта промышленных товаров, но и за источники сырья, сделал неизбежным экономический раздел мира со-

⁹¹ *Bryde B-O. The Politics and Sociology of African Legal Development. Frankfurt am Main, 1976, p. 9.*

⁹² *Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.*

юзами монополистов. «Монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов», — писал В.И. Ленин⁹³. С последней четверти XIX века огромное место в колониальной политике стали занимать территориальные захваты, аннексии, т.е. произошел, говоря словами В.И. Ленина, «переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»⁹⁴.

Вывоз английского капитала в Африку повлек за собой дальнейшее развитие системы колониальной эксплуатации. «Капитал предполагает наемный труд», — подчеркивал К. Маркс⁹⁵. «Если внутри общества современные производственные отношения, т.е. капитал, развились до своей целостности, и это общество овладевает новой территорией, например, в колониях, то оно — в лице своего представителя-капиталиста — обнаруживает, что его капитал при отсутствии наемного труда перестает быть капиталом...»⁹⁶. В Африке использование капитала могло осуществляться лишь на основе труда африканцев. «Европеец приходит сюда со своим капиталом, который он готов использовать почти в неограниченной степени, если ему удастся получить взамен чернокожих, которые будут работать своими руками, поскольку сам он под тропическим солнцем работать не может», — говорилось в 1896 году в сообщении

⁹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 380.

⁹⁴ Там же, с. 386.

⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 444.

⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 229.

комиссара британского Центрально-Африканского Протектората Г. Джонстона⁹⁷. Однако на практике привлечь африканцев к работе за заработную плату было почти невозможно. Как писал Л. Майер, «ни в одной части Африки туземец на начальных стадиях контакта не приходит работать за заработную плату добровольно. У него есть свои собственные занятия, в которых он кровно заинтересован, обеспечивающие ему удовлетворение тех потребностей и желаний, которые он осознает, и предложение оставить их и взять на себя ту работу, которой он не понимает, на расстоянии от своего дома, за плату в деньгах, от которых ему никакой пользы, не прельщает его»⁹⁸.

При таком положении отношения между капиталом и трудом не могли строиться на базе свободной купли-продажи, как они строились в метрополии. Для того, чтобы африканец пошел наниматься на работу за заработную плату, к нему необходимо было применить внеэкономическое принуждение. Другими словами, развитие в Африке системы колониальной эксплуатации на базе европейского капитала предполагало наличие колониального государственного аппарата. Р. Гильфердинг в свое время писал: «Как всегда, во всех случаях, когда капитал впервые встречается с отношениями, противоречащими его потребности самовозрастания и экономически преодолимыми лишь медленно и постепенно, так и здесь он апеллирует к государственной власти и ставит ее на службу насильственной экспроприации, которая создает необходимый свободный наемный пролетариат,

⁹⁷ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 69, p. 142.

⁹⁸ Mair L. Native Policies in Africa. New York, 1969, p. 10.

будь то, как в начале капитализма, европейские крестьяне или индейцы Перу и Мексики или, как в настоящее время, африканские негры»⁹⁹.

В силу отмеченных выше обстоятельств Великобритания в конце XIX – начале XX века в ходе широких территориальных аннексий устанавливала в своих африканских владениях разветвленную систему колониальной администрации. Как правило, эта система строилась по следующему образцу. Во главе администрации ставился губернатор¹⁰⁰, наделявшийся формально и фактически самыми широкими полномочиями. «Губернатор – центральный институт коронной колониальной системы, – замечает по этому поводу М. Уайт. – Он представитель короля, глава исполнительной власти и обыкновенно председатель законодательного органа. Он свой собственный премьер-министр»¹⁰¹. Каждая отдельная колония делилась на провинции; провинции, в свою очередь, – на дистрикты. Должностные лица, поставленные во главе этих административно-территориальных единиц, – комиссары провинций, комиссары дистриктов – формировали среднее звено британского колониального управления в Африке. Что же касается низшего его звена, то эта роль была отведена местным традиционным вождям. Будучи вклю-

⁹⁹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М.: Соцэкгиз, 1959, с. 410.

¹⁰⁰ В протекторате главе администрации часто давалось иное название – верховный комиссар. Однако различие между ним и губернатором (также как между протекторатом и колонией) оказывалось в сущности лишь символическим.

¹⁰¹ Wight M. The Development of the Legislative Council. 1606-1945. London, 1946, p. 41-42.

ченными в систему колониальной администрации, местные африканские вожди призваны были, подчиняясь стоявшим над ними британским должностным лицам — губернаторам колоний, комиссарам провинций, дистриктов — способствовать проведению в жизнь британской колониальной политики. О том, каким становилось положение местных вождей в результате включения их в систему колониальной администрации красноречиво говорит послание губернатора Сьерра-Леоне местным вождям своего Протектората от 15 ноября 1897 года: «Авторитет вождей сохраняется и поддерживается теперь не войной, набегами и грубой силой, а властью правительства, и до тех пор, пока они остаются лояльными и законопослушными и управляют праведно и справедливо, им нет нужды бояться, что они будут лишены этой поддержки или что их авторитету будет позволено рухнуть в результате заговоров их собственных народов или происков враждебных вождей. Я хочу, чтобы все вожди поняли, что правительство желает управлять страной через их посредство, и что поэтому в их интересах поддерживать правительство...»¹⁰².

Наличие общих черт в построении системы колониального управления в Британской Америке не исключало конкретных особенностей в управлении отдельными колониями и протекторатами. Эти особенности обуславливались различными факторами, однако определяющую роль среди них играла степень втянутости того или иного региона, той или иной территории в колониальные отношения, в механизм колониальной эксплуатации британским капитализмом. В целом формирование колониальной администрации во всей

¹⁰² British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 55, p. 792.

Британской Африке завершилось в начале XX века. Однако в колониях Восточной Африки в это время все еще отсутствовали законодательные советы, подобные тем, которые действовали в английских колониях Западной Африки. Такое различие объясняется тем, что Западная Африка начала втягиваться в колониальные отношения с Великобританией и подвергаться интенсивной эксплуатации со стороны британского капитализма еще в первой половине XIX века, т.е. намного раньше, чем восточноафриканский регион. Поэтому уже во второй половине XIX века, когда в Африку хлынул поток британского финансового капитала и соответственно этому возникла необходимость в создании разветвленной сети колониальной администрации, в западноафриканских колониях сложилась достаточно влиятельная группа европейцев, заинтересованных в защите своих интересов путем создания специальных представительных органов в колониях.

В документе, получившем название «Мемориал купцов города Лондона, занятых и заинтересованных в торговле с Золотым Берегом и Лагосом» от 7 декабря 1883 года, прямо заявлялось, что «в каждом британском владении на западном побережье Африки должен быть отдельный и обособленный Законодательный Совет, в котором бы торговые интересы адекватно представлялись неофициальными членами»¹⁰³. Точно такое же заявление содержалось и в послании директора Торговой Палаты Манчестера Государственному Секретарю по колониям от 4 декабря 1883 года¹⁰⁴. Для сравнения заметим, что, к примеру, в восточноаф-

¹⁰³ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 61, p. 113.

¹⁰⁴ См.: Ibidem, p. 112.

риканской колонии Танганьика законодательный совет был создан по требованию европейского населения колонии лишь в 1926 г.¹⁰⁵

Завершение процесса формирования колониальной администрации означало и окончательную интеграцию традиционных африканских органов управления в общий механизм британского колониального господства. Поскольку традиционные вожди сосредотачивали в свои руках помимо прочего и судебные функции, разрешая возникавшие среди подвластного им населения обычно-правовые споры, постольку включение этих вождей в колониальную систему управления означало одновременно включение в нее и традиционных судов обычного права. Это новое положение африканских судов закреплялось их подчинением судебным органам, созданным британскими колонизаторами — судам магистратов и верховным (высоким) судам. Местные традиционные суды в Африке становились теперь частью колониальной судебной системы — самой нижней ее инстанцией.

Включение в систему колониальной администрации в Африке наряду с политическими институтами, созданными колонизаторами, местных традиционных политических институтов имело под собой глубокое основание. Особенностью формировавшейся в африканских колониях колониальной экономики было специфическое сочетание производственных элементов, привнесенных извне (из метрополии), и производственных элементов местного традиционного хозяйства (сочетание, к примеру, британского капитала и африканской рабочей силы). В связи с этим эффективное функциониро-

¹⁰⁵ См.: Тропическая Африка (проблемы истории). М.: Наука, 1973, с. 173.

вание механизма колониальной эксплуатации африканских обществ британским капитализмом во многом зависело от эффективности использования местных традиционных экономических структур. Легче всего обеспечить эту эффективность можно было через посредство традиционных политических институтов. Как пишет Ю.Н. Зотова, «система «туземной» администрации позволяла максимально использовать колонию в интересах метрополии. При помощи «туземных» властей обеспечивалось политическое закабаление, предоставление концессий, принудительный труд и другие условия прибыльной эксплуатации метрополией сырьевых и людских ресурсов колонии»¹⁰⁶.

Дальнейшее усиление в последней четверти XIX века колониальной экономической и политической зависимости африканских обществ от Великобритании сопровождалось изменениями в британском колониальном праве. Прежде всего произошло резкое расширение круга юридических актов, составляющих колониальное законодательство и непосредственно связанных с осуществлением колониальной политики. С одной стороны, возросло число актов британского парламента и британского правительства. В частности, в 1865, 1875, 1878, 1890 годах появлялись новые акты об иностранной юрисдикции¹⁰⁷, а в 1860, 1887 годах — новые акты о британских поселениях¹⁰⁸. В 1865 году был издан принципиально важ-

¹⁰⁶ Зотова Ю.Н. Традиционные политические институты Нигерии, с. 132.

¹⁰⁷ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 185, 919.

¹⁰⁸ См.: *Ibidem*, p. 166, p. 916.

ный для британской колониальной политики «Акт о действительности колониальных законов»¹⁰⁹. Кроме этого, появилась целая серия приказов в сенате и учредительных указов, юридически оформлявших организацию на африканских территориях колониальной администрации. (Учредительный указ для колонии Лагос от 13 января 1886 года¹¹⁰, приказ в совете для протектората Сьерра-Леоне от 24 августа 1895 года¹¹¹, приказ в совете для Африки от 1889 года¹¹² и т.д.). Официально подобные юридические акты именуются «конституциями», в действительности, однако, ничего общего с конституциями они не имеют. Как пишет Ю.А. Юдин, «во-первых, они не выражают суверенной воли народов зависимых территорий, а являются актами правительства метрополии, разработанными без участия представителей народов, которым они насильственно навязываются. Во-вторых, эти акты определяют лишь компетенцию правительства метрополии и колониальной администрации, ни слова не упоминая об основных правах жителей колонии. Правовое (вернее, бесправное) положение последних устанавливается многочисленными актами колониальной администрации»¹¹³.

¹⁰⁹ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 914.

¹¹⁰ См.: *Newbury C. British Policy towards West Africa. Select documents. 1875-1914. Oxford, 1971*, p. 252.

¹¹¹ См.: *Ibidem*, p. 286.

¹¹² См.: *Daniels W.C.E. The Common Law in West Africa. London, 1964*, p. 44.

¹¹³ Юдин Ю.А. Конституционное законодательство Британской империи. Восточная Африка. – В кн.: *Государство и право зарубежных стран. Сб. 3. М.: АН СССР, 1959*, с. 37.

С другой стороны, после создания в Африке сравнительно стройной системы колониальной администрации на видное место в правовой надстройке колоний выдвинулись акты этой администрации – ордонансы, прокламации, указы и т.п. В результате колониальное законодательство, составлявшее одну из основных частей колониальной правовой системы, стало важным инструментом британской колониальной политики¹¹⁴.

Существенные изменения произошли в рассматриваемый период также в той части британского колониального права, которая формировалась на базе традиционных норм английского права. В первой половине XIX века на африканских территориях применялось, главным образом, лишь уголовное английское право. Причем скорее принципы его, чем нормы или, как отмечал магистратский судья форта Дикскоув Ф. Сванзи, «не столько наше статутное право, сколько принципы права»¹¹⁵. Не случайно, что среди судей речь чаще всего шла о применении не «общего права» или статутов, а «британской справедливости» (British Equity). «Я предпочитаю больше формы справедливости в наших собственных судах на Золотом Береге», - сообщал в 1842 году полковник Р. Орд¹¹⁶. «Туземцы регулируются в большей степени посредством справедливости», - констатировал Р. Робертс¹¹⁷.

¹¹⁴ Более подробное рассмотрение колониального законодательства как одного из источников британского колониального права в Африке дается в последующих главах диссертации.

¹¹⁵ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 42.

¹¹⁶ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 5, p. 337.

¹¹⁷ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 71.

С последней четверти XIX века началось официальное и по-настоящему широкое внедрение английского права в африканские колонии. «Общее право, доктрины справедливости и статуты общего применения, которые были в силе в Англии на 24 июля 1874 года, должны быть в силе в пределах юрисдикции судов», — гласил ордонанс о верховном суде, изданный в 1876 году в колонии Золотой Берег¹¹⁸. Подобная формула была характерна и для других юридических актов, провозглашавших официальное введение в действие на африканских территориях английского права. (Ордонанс о Верховном суде Сьерра-Леоне от 1881 г., приказ в совете для Восточной Африки 1897 г., приказ в совете для Танганьики 1920 г., приказ в совете для Кении 1921 г. и др.).

Одновременно с официальным введением в африканские колонии английского права официальное признание со стороны британских колониальных властей получало местное обычное право. Ст. 19 ордонанса о верховном суде колонии Золотой Берег устанавливала: «Ничто в настоящем ордонансе не должно лишать Верховный суд правомочия рассматривать и проводить рассмотренное в жизнь или лишать какое-либо лицо преимуществ любого права или обычая, существующего в колонии»¹¹⁹. Официальное санкционирование британскими колонизаторами институтов и норм местного обычного права было дополнено включением традиционных судебных органов, специально предназначенных для его отправления, в общую систему

¹¹⁸ Цит. по: *Allott A. Essays in African Law. London, 1960, p. 6.*

¹¹⁹ Цит. по: *Allott A. Essays in African Law. London, 1970, p. 123.*

колониальных судов. В результате африканское обычное право приобретало подчиненный характер по отношению к целям британской колониальной политики.

Первые десятилетия XX века ознаменовались резким усилением империалистической эксплуатации африканских колоний. Широкий размах принял вывоз в Африку капитала. Колониальные власти развернули в целом ряде колоний строительство железных дорог и промышленных предприятий. В результате структура экономики африканских обществ претерпевала серьезные изменения, приспособившаяся все в большей мере к экономике метрополии¹²⁰.

Экономические перемены обусловили собой серьезные изменения в социальной структуре населения. В Африке появились новые социальные группы — зачатки национальной буржуазии, рабочего класса, а также все возрастающий слой местной интеллигенции. Именно эти социальные группы придали новый характер никогда не прекращавшейся борьбе африканского населения против колониализма. Сопротивление африканцев колонизаторам, которое было характерно для XIX — начала XX века и которое осуществлялось на

¹²⁰ Так, если добыча металлов в Африке увеличилась с 1913 по 1925 г. в 11,2 раза, а производство потребительских товаров, вывозимых в метрополию, — в 3,25 раза, то производство продовольственных культур, потребляемых, главным образом, на континенте, возросло лишь в 1,25 раза, т.е. соотношение между отдельными товарными группами быстро менялось в пользу тех из них, в которых нуждалась метрополия. (См.: *Панов В.П. Эволюция экономических форм колониализма в эпоху империализма. М.: Наука, 1969, с. 35).*

базе традиционных институтов, стало перерастать в рассматриваемый период в национально-освободительное движение, осуществляемое на основе политических организаций.

Важным фактором, оказавшим решающее влияние на усиление борьбы африканского населения против колонизаторов, стала Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Как отмечает В.Г. Солодовников, «после Октября колониальные народы впервые в истории обрели на международной арене союзника и защитника в лице великой социалистической державы. Защита интересов угнетенных и поработанных народов стала с первых дней существования и остается до сих пор краеугольным камнем внешнеполитической деятельности Советского государства»¹²¹.

В ряде случаев последствия первой мировой войны и революционных событий в России имели прямой отголосок в Африке. Так, Ф. Бурре в книге «Гана — путь к независимости» отмечает, что по свидетельству миссионеров, в колонии Золотой Берег «некоторые волнения вызваны вернувшимися домой солдатами, которые в военной обстановке утратили значительную часть уважения к европейцам... Коммунистическая пропаганда и отзвуки panaфриканского движения — все это способствовало развитию нового духа недовольства»¹²².

В марте 1920 года в колонии Золотой Берег была образована политическая организация под названием «Национальный Конгресс

¹²¹ Солодовников В.Г. Африка выбирает путь. М.: Наука, 1970, с. 29-30.

¹²² Цит. по: Уоддис Дж. Африка. Лев пробуждается. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962, с. 39.

Британской Западной Африки», которая сразу же выступила с требованием включить в законодательные советы различных территорий выборных представителей. С подобным же требованием вышла на политическую арену и другая африканская политическая организация – «Нигерийская Национальная Демократическая партия», созданная в Лагосе в июне 1923 года¹²³.

По мере дальнейшего углубления колониальной эксплуатации, усиления борьбы африканского населения против колонизаторов английская буржуазия укрепляла аппарат колониальной администрации. Так, если в начале 20-х годов штат британской колониальной администрации в Танганьике насчитывал немногим более 100 человек, то в 1928 году – уже 873 человека, а в 1938 году – около 10 000 человек. 6 944 среди них составляли лица африканского происхождения¹²⁴.

Увеличение в колониальном управлении численности африканцев не означало изменения его сущности. Оно по-прежнему оставалось орудием обеспечения в Африке коренных интересов британского монополистического капитала. К тому же в ведущие органы колониального управления африканцы почти не допускались. Это было характерно как для исполнительных, так и для законодательных советов. По свидетельству К. Нкрумы, «до второй мировой вой-

¹²³ См.: *Post K.W.J. British Policy and Representative Government in West Africa. 1920 to 1951.* – In: *Colonialism in Africa. Vol. 2.* Cambridge, 1970, p. 39.

¹²⁴ См.: *Карпов В.К. Танганьика под Британским мандатом (методы колониального управления).* – В кн.: *Тропическая Африка (проблемы истории),* с. 165.

ны в законодательных советах колоний Восточной Африки не было ни одного африканца»¹²⁵. Выступая в британском парламенте по вопросу о представительстве африканского населения в законодательных советах колоний, лорд Милнер цинично заявил: «Единственным оправданием того, что мы поддерживаем официальное большинство в представительных органах любой колонии, является наше убеждение, что в данный момент мы можем лучше судить об интересах туземного населения, чем оно само»¹²⁶.

В период между первой и второй мировыми войнами, усиливая судебные репрессии против «непокорных» африканцев, британские власти приняли ряд мер по совершенствованию и укреплению системы колониальных судов. Например, в Сьерра-Леоне за короткий срок была издана целая серия специальных судебных ордонансов. Ордонанс о Верховном Суде № 4 от 1912 года, Ордонанс о Магистратских судах № 36 от 1924 года консолидировал с некоторыми изменениями законодательство, относящееся к устройству судов суммарной юрисдикции по уголовным делам и к используемым в них формам процесса. Губернатору было предоставлено полномочие делить колонию на специальные судебные дискрипты¹²⁷. Ордонанс о Верховном суде 1924 года был призван усовершенствовать практику и процедуру разбирательства дел в Верховном суде и т.д.¹²⁸

¹²⁵ Нкрума К. Африка должна объединиться. М.: Прогресс, 1964, с. 39–40.

¹²⁶ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. London, 1920, vol. 40, p. 322.

¹²⁷ См.: Daniels W.C.E. Op. cit., p. 65.

¹²⁸ См.: Ibidem, p. 66.

Одновременно дальнейшие изменения в рассматриваемый период произошли и в колониальном праве. Активизация деятельности колониальной администрации нашла свое отражение в значительном росте колониального законодательства, которое все больше выдвигалось на ведущее место среди источников колониального права. Были составлены первые объемистые собрания колониальных законов, как например, собрание законов Уганды 1924 года, собрание законов Кении 1926 года, четырехтомный сборник законов Занзибара 1934 года¹²⁹. При составлении подобных собраний, как правило, осуществлялась консолидация законодательных актов¹³⁰.

Законодательные реформы, отражающие политическое маневрирование британского империализма под влиянием крепнущего национального самосознания населения колоний, нашли свое выражение в 20-х годах XX века и в новых колониальных конституциях. (В 1922 г. — в Нигерии, в 1924 г. — в Сьерра-Леоне, в 1925 г. — в колонии Золотой Берег и т.д.)¹³¹. Основное значение этих колониальных конституций заключалось в том, что они предусматривали выборы депутатов в законодательные советы колоний непосредственно от насе-

¹²⁹ См.: *The Laws of the Zanzibar Protectorate in force on the 31 st day of December, 1934. In four volumes. London, 1935.*

¹³⁰ См.: Касаткина Н.М. Систематизация законодательства в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). — В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. М.: ВНИИСЗ, 1977, с. 146.

¹³¹ См., например: *Letters Patent of 9th December, 1922 (Constitution for Nigeria).* — In: *Wight M. British Colonial Constitutions. Oxford, 1952, p. 170-176.*

ления. К примеру, статья 4 «Приказа в Совете 1922 года о Законодательном Совете Нигерии» устанавливала, что «Совет должен состоять из Губернатора как Президента, не более, чем тридцати Официальных Членов, трех Выборных Неофициальных Членов, представляющих муниципальный округ Лагос, одного Выборного Неофициального Члена, представляющего муниципальный округ Калабар, и не более, чем семнадцать Назначенных Неофициальных Членов»¹³².

Введение колониальными конституциями 20-х годов прямых выборов в законодательные советы колоний ничего не меняло в сущности колониального режима. В Нигерии из 46 членов законодательного совета избирались только 4, в колонии Золотой Берег — только 3 из 30, в Сьерра-Леоне — 3 из 21, т.е. подавляющее большинство в законодательных советах составляли официальные члены, в роли которых выступали соответствующие чиновники колониальной администрации, а также неофициальные члены, назначавшиеся самим губернатором. Ограниченность нововведения проявлялась также в том, что выборными членами были представлены в законодательных советах лишь отдельные города: Лагос и Калабар в Нигерии, Аккра, Кэйп Коуст и Секонди в колонии Золотой Берег и Фритаун в Сьерра-Леоне. Тем не менее уже колониальные конституции 20-х годов свидетельствовали о неизбежности в ближайшем будущем более радикальных перемен в британском управлении и колониальном праве в Африке.

Эти перемены наступили сразу же после второй мировой войны, которая закончилась разгромом фашистских держав и одновременно существенным ослаблением мировой системы капитализма в

¹³² *Wight M. British Colonial Constitutions*, p. 200.

целом, что создало более благоприятные условия для борьбы народов африканских колоний за независимость. В новой международной обстановке послевоенного периода, ознаменовавшейся дальнейшим углублением общего кризиса капитализма, усилением сил демократии и социализма, начался распад колониальной системы империализма в Африке.

В поддержку африканских народов, борющихся против ига колониализма, на международной арене энергично выступили Советский Союз в Уставе ООН в 1946 года был закреплен принцип равноправия и самоопределения народов и наций (п. 2 статьи 1, преамбула к статье 55). «С признанием права всех народов и наций на самоопределение в международном праве в качестве его общепризнанного основного принципа народы колоний и зависимых стран получили международно-правовое основание требовать своей независимости. Тем самым была также установлена международно-правовая основа для осуждения колониализма, для признания его несовместимым с современным международным правом»¹³³.

Более благоприятная международная обстановка и усиление империалистической эксплуатации африканских обществ делали неизбежным дальнейшее нарастание в них национально-освободительного движения. Окрепшая национальная буржуазия и прогрессивная интеллигенция¹³⁴ создавали для борьбы против колониализма

¹³³ Курс международного права. Том 1. М.: Наука, 1967, с. 119.

¹³⁴ В буржуазной литературе эти социальные группы часто выступают под названием «новая элита». См.: Mair L. New Elites in East and West Africa. – In: Colonialism in Africa. Vol. 3. Cambridge, 1971, p. 167-191.

торов новые политические организации. В Нигерии в августе 1944 года был основан «Национальный Совет Нигерии и Камеруна». В Уганде в 1946 году представители местной интеллигенции и нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии образовали партию «Бутака». В колонии Золотой Берег в августе 1947 году был создан «Объединенный Конвент Золотого Берега», во главе которого вскоре встал видный деятель африканского национально-освободительного движения К. Нкрума¹³⁵. Одновременно все большие масштабы принимали стихийные народные выступления в колониях.

Британский империализм, вынужденный считаться с изменившейся политической ситуацией как в мире в целом, так и в самих африканских колониях, предпринимал отчаянные попытки путем новых реформ и уступок умиротворить верхушку африканского общества, а вместе с тем и мировое общественное мнение. По свидетельству лорда Хэйли, сделанному в декабре 1946 года, «общий интерес к осуществлению колониальными властями своего контроля над колониями стал теперь определяющим фактом международной политики, и ни одна колониальная власть не может позволить себе пренебречь им. Его наиболее конкретным выражением служит особо подчеркиваемое требование ускорить предоставление независимости всем колониям»¹³⁶.

Уже первые послевоенные годы ознаменовались для африканских колоний серией новых конституционных маневров британского империализма. Так, в 1946 году были изданы колониальные конституции для Нигерии и Золотого Берега, в 1947 году — для Сьерра-

¹³⁵ Подробнее см.: *Потехин И.И.* Цит. соч., с. 184-186.

¹³⁶ *Colonial Administration by European Powers*, p. 89-90.

Леоне. По существу все конституционные «нововведения» сводились к тому, что неофициальные члены законодательных советов получали большинство по отношению к официальным. «Законодательный Совет должен состоять из Губернатора как Президента, тринадцати членов по должности, трех назначенных официальных членов, двадцати четырех назначенных неофициальных членов и четырех выборных членов», — гласила статья 5 «Приказа в Совете 1946 года о Законодательном Совете Нигерии»¹³⁷. Приблизительно такой же состав законодательного совета устанавливался и колониальной конституцией, изданной для Золотого Берега: губернатор, шесть официальных членов, девять представителей провинций, четыре представителя Ашанти, пять муниципальных членов, шесть назначенных членов¹³⁸. Положение губернатора по новым колониальным конституциям практически не менялось. В частности, он по-прежнему не нес никакой ответственности перед законодательным советом. Тем самым колонизаторы сохраняли в своих руках всю реальную власть в африканских колониях.

В целом колониальные конституции 1946–1947 годов не выходили за рамки той модели колониального управления, которая была заложена в конституциях 20-х годов. Необходимы были новые крупные общественные потрясения в колониях для того, чтобы британские власти пошли на более серьезные политико-правовые уступки. В 1947–1948 годах, т.е. сразу же после издания упомянутых выше конституций в африканских колониях Англии прокатилась мощная волна народных выступлений. Британские власти вынуждены

¹³⁷ *Wight M. British Colonial Constitutions*, p. 237.

¹³⁸ См.: *Apter D. The Gold Coast in Transition*. Princeton, 1955, p. 142.

были созданы специальные комиссии по изучению причин политических волнений. Одна из комиссий, которая работала в колонии Золотой Берег, в результате рассмотрения происшедших там «бунтов» пришла к следующим выводам: «Конституция страны должна быть перестроена таким образом, чтобы дать возможность каждому африканцу участвовать в управлении... Мы твердо убеждены, что любое мероприятие, не идущее в этом направлении, будет служить лишь стимулом к национальным волнениям¹³⁹.

Следуя подобным рекомендациям, британские власти разработали в 1949–1951 годах для африканских колоний ряд новых «конституций», которые вводили всеобщее голосование, хотя и с некоторыми ограничениями, а также предусматривали возможность привлечения африканцев к отдельным отраслям управления вплоть до министерских постов¹⁴⁰. Эти изменения означали, что британские колонизаторы отказывались от опоры на африканских традиционных вождей и основную свою ставку делали на так называемую «новую элиту». Система «косвенного управления», всячески превозносившаяся ими в предшествовавший период, тем самым окончательно рушилась. Британские власти лицемерно объявили, что единственной целью их пребывания в Африке является подготовка колоний к независимости.

Следующей вехой в политико-правовом развитии африканских колоний стало создание правительств из самих африканцев. Пер-

¹³⁹ Цит. по: *Hodgkin T. Nationalism in Colonial Africa. London, 1958, p. 41.*

¹⁴⁰ Подробнее см.: *Ерофеев Н.А. Закат империи, с. 222; Политика Англии в Африке. М.: Наука, 1967, с. 104-107.*

вое такое правительство начало действовать в 1951 году в Сьерра-Леоне. В 1952 году возникло правительство из африканцев в колонии Золотой Берег, в 1954 году – в Нигерии¹⁴¹.

В Восточной Африке аналогичные уступки были сделаны несколько позже. Только в 1957–1959 годах в Кении, Танганьике и Уганде вступили в силу новые «конституции», согласно которым увеличивалось число неофициальных членов законодательных советов, представлялись избирательные права африканскому населению, в состав исполнительных советов включались африканцы в ранге «министров»¹⁴².

Данные перемены, происходившие в африканских колониях в 50-х годах, британские власти пытались лицемерно представить как введение «представительного и ответственного управления». Характеризуя подлинную роль колониальных конституций Р.П. Датт в свое время писал: «Эти конституции, которые в зависимости от силы, этапа и характера национально-освободительной борьбы провозглашают, отменяют, пересматривают, дополняют и заменяют новыми, — что нередко следует быстро одно за другим, - отличаются чрезвычайным разнообразием... Во всех этих случаях верховная власть остается у губернатора и высокопоставленных английских чиновников, в чьих руках находится эффективный контроль над исполнением законов, полицией и вооруженными силами»¹⁴³.

¹⁴¹ См.: *Ерофеев Н.А.* Закат империи, с. 222.

¹⁴² См. подробнее: *Юдин Ю.А.* Конституционное законодательство Британской империи. Восточная Африка, с. 37-51.

¹⁴³ *Датт Р.П.* Кризис Британии и Британской империи. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959, с. 220.

Таким образом, даже самые либеральные колониальные конституции, «дарованные» британской короной своим африканским «подданным», не меняли классовой сущности колониального права в целом. На всем протяжении своей истории вплоть до завоевания африканскими колониями политической независимости оно выражало прежде всего волю и интересы буржуазии метрополии.

В конце 50-х – начале 60-х годов распад британской колониальной системы в Африке становится свершившимся фактом. Британские власти, бессильные остановить небывалый рост национально-освободительного движения, получившего мощную поддержку социалистических стран во главе с СССР, вынуждены были признать, что сохранить колониальную империю в Африке невозможно, и пошли по пути постепенного предоставления политической независимости африканским странам¹⁴⁴. Как отмечается в коллективной монографии «Политика Англии в Африке», «независимость предоставлялась с многочисленными оговорками и сопровождалась введением всякого рода ограничений, создававших значительные возможности для экономического, политического, военного и идеологического влияния Англии в этих странах»¹⁴⁵.

Важное значение в этой обстановке имело принятие в 1960 году по инициативе Советского Союза XV сессией Генеральной Ассамблеи ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным

¹⁴⁴ В 1957 г. получила политическую независимость колония Золотой Берег (ныне Гана), в 1960 г. – Нигерия, в 1961 г. – Сьерра-Леоне и Танганьика, в 1962 г. – Уганда, в 1963 г. – Кения, в 1964 г. – Занзибар.

¹⁴⁵ Политика Англии в Африке, с. 255.

странам и народам, которая провозгласила необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях¹⁴⁶.

К середине 60-х годов британская колониальная империя в Тропической Африке, а вслед за тем и «колониальное право» прекратили свое существование.

¹⁴⁶ Курс международного права. Том 1, с. 123.

Глава II. Распространение английского права в британских колониях в Тропической Африке

§ 1. «Общее право» в африканских колониях

«Общее право» (Common Law) наряду с «правом справедливости» (Equity) и «статутным правом» (Statute Law) является важнейшим источником или компонентом английского буржуазного права. Как известно, оно сложилось в основных своих чертах в феодальную эпоху в практике королевских судов¹⁴⁷. В работах буржуазных исследователей, посвященных истории «общего права», возникновение и эволюция этого своеобразного правового источника обыкновенно изображается как саморазвитие некоего абстрактного, внеклассового и вневременного «правового духа» англичан. «Королевские судьи, — пишет английский правовед Э. Дженкс, — стремились скроить из разнообразных обычаев своей страны единое одеяние, которое было по мерке всей нации»¹⁴⁸.

В действительности процесс становления «общего права» был тесно связан с процессом эволюции английского феодализма (в тех основных его чертах, которые он приобрел в результате норманского завоевания 1066 г.), и соответственно этому «общее право» возникало

¹⁴⁷ См. об этом такие работы, как: *Hale M. The History of the Common Law of England. Chicago-London, 1971; Maitland F. and Montague F. A Sketch of English Legal History. New York-London, 1915; Milson S. The Legal Framework of English Feudalism. Cambridge, 1976.*

¹⁴⁸ *Дженкс Э. Английское право. М., 1947, с. 29.*

прежде всего как правовая система, защищавшая в первую очередь интересы английских феодалов. Не случайно, что официальными языками английского «общего права» были вплоть до XVIII столетия французский и латинский языки¹⁴⁹. Как отмечает зарубежный исследователь Р. Кэнегем, «общее право ни в коей мере не защищало интересов зависимых крестьян, которые строго исключались из сферы его действия и даже наказывались за попытку воспользоваться его преимуществами»¹⁵⁰.

Буржуазная революция в Англии вызвала определенные изменения в английской правовой системе, однако не привела к коренной ее перестройке. «Буржуазия в этой революции, — отмечает О.А. Жидков, — выступала не вообще против старого права, которое уже в XVI–XVII веках заметно приспособилось к интересам капиталистического развития, а лишь против определенных аспектов политики абсолютизма (налоговой, религиозной, судебной и т.д.)»¹⁵¹. В результате к концу XIX века существовало положение, о котором Ф. Энгельс писал следующими словами: «Английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению»¹⁵².

¹⁴⁹ См.: Pollock F. and Maitland F. The History of English Law before the time of Edward I. Cambridge, 1952, p. 83.

¹⁵⁰ Caenegem R.C. The Birth of the English Common Law. Cambridge, 1973, p. 96–97.

¹⁵¹ Жидков О.А. Цит. соч., с. 9.

¹⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 312.

В формальном плане преемственность в развитии «общего права» при переходе Англии от феодализма к буржуазному строю выразилась прежде всего в сохранении его прецедентного характера. В 1854 году принцип обязывающей силы прецедента в «общем праве» был подтвержден в законодательном порядке¹⁵³. Произошло окончательное оформление доктрины судебного прецедента, согласно которой «решения суда палаты лордов, апелляционного суда, высшего суда являются обязательными, составляют прецедент, которому должны следовать сами эти суды и все нижестоящие судебные органы»¹⁵⁴.

Английская буржуазия видела в судебном прецеденте весьма гибкий, удобный инструмент для обеспечения своих интересов. Характер и свойства «общего права» как прецедентного права вполне соответствовали также целям и задачам колониальной политики британской буржуазии на африканском континенте.

В первой половине XIX века использование норм английского права в британских колониях в Африке носило довольно ограниченный характер. Факты, относящиеся к раннему этапу истории британских колониальных судов, не дают оснований говорить о том, что в африканских колониях они применяли нормы «общего права», «права справедливости» и «статутного права» в строгом смысле этих понятий. То, чем руководствовались колониальные суды представляло собой скорее некую расплывчатую совокупность различных принципов и элементов английской правовой системы, и во всяком случае, как отмечал в 1842 году британский судья форта Дикскоув

¹⁵³ См.: Жидков О.А. Цит. соч., с. 37.

¹⁵⁴ Там же.

Ф. Сванзи, «не то, что формально называется правом»¹⁵⁵.

Не случайно, в документах того времени речь шла о действии на африканских территориях не «общего права» или «статутного права», а просто «британских законов»¹⁵⁶, «форм британского права»¹⁵⁷, или же «британской справедливости»¹⁵⁸. В своем докладе от 5 августа 1842 года так называемый «Избранный Комитет по Западному побережью Африки», высказавшись за то, чтобы в распоряжении губернатора Золотого Берега имелся специальный судебный чиновник, указал далее, что «он должен опираться в своих решениях лишь на общие принципы и не быть ограниченным формальностями британского права»¹⁵⁹. В 1847 году в качестве судебного чиновника при губернаторе Золотого Берега был назначен Дж. Фитцпатрик. Как говорится в документе, характеризующем его деятельность в указанной должности, «при своем назначении он не получил никаких инструкций, за исключением устного указания от государственного секретаря Хавеса относительно того, что его юрисдикция должна быть практически нелимитированной или ограниченной лишь необходимостью придерживаться в любом судебном разбирательстве аналогии с английским правом»¹⁶⁰.

¹⁵⁵ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 42.

¹⁵⁶ См.: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 1, p. 158.

¹⁵⁷ См.: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 5, p. 337.

¹⁵⁸ См.: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 58.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 57, p. 620.

Термин «общее право» отсутствовал также в изданном в марте 1863 года в колонии Лагос специальном ордонансе о вступлении в силу на ее территории английского права. Речь в нем шла просто о «законах Англии»¹⁶¹.

Применение на африканских территориях английского права как «общего права» стало декларироваться в документах британских колонизаторов более позднего времени, приблизительно с последней четверти XIX века. Интересно, однако, что в них оно часто упоминалось вместе лишь со «статутным правом» без специальной отсылки к «праву справедливости». Так, в «Меморандуме о праве, действующем в фортах и поселениях Ее Величества на Золотом Береге», изданном 9 мая 1872 года говорилось: «Сложилась практика устанавливать, что общее и статутное право могут применяться только в той мере, в какой они соответствуют местным условиям»¹⁶². Такая терминология, используемая в колониальных законодательных актах, объяснялась тем, что «общее право», действовавшее в африканских колониях, с самого начала стало рассматриваться британскими колонизаторами как включающее в себя «право справедливости». По словам В.Н. Денисова, «колониальные юристы почти всегда исходили из правила, что «общее право» включает в Африке и «право справедливости» в том виде, в каком оно действует в Англии, т.е. дополняет это «общее право»¹⁶³.

¹⁶¹ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 5, p. 443.

¹⁶² British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 620.

¹⁶³ Денисов В.Н. Цит. соч., с. 191.

Активизация колониальной политики Великобританией на африканском континенте сопровождалась более широким внедрением в африканские колонии английского права. Британские власти приступили к созданию в Африке разветвленной системы колониальных судов. Основным звеном этой системы во всех колониях стали так называемые суды магистратов, подразделявшиеся на различные классы (суды провинциальных комиссаров, суды комиссаров дистриктов и т.п.). В общей системе колониальных судов суды магистратов заняли положение средней ступени, став более высокой инстанцией по сравнению с включенными в нее традиционными судами обычного права, но подчиненной инстанцией по отношению к верховным (высоким) судам. Следующую ступень в иерархии британских колониальных судов вслед за верховными (высокими) судами составили два региональных судебных органа – Восточно-африканский апелляционный суд, созданный в 1902 году для рассмотрения дел по апелляциям из высоких судов Уганды, Занзибара, Танганьики, Ньясаленда¹⁶⁴ и Западноафриканский апелляционный суд, который был образован в 1928 году для рассмотрения апелляций из верховных судов Золотого Берега, Сьерра-Леоне, Гамбии, Нигерии¹⁶⁵. Во главе иерархии британских колониальных судов стал Судебный Комитет Тайного Совета Великобритании – высшая судебная инстанция для всей британской колониальной империи¹⁶⁶.

¹⁶⁴ См. подробнее: *Morris H. and Read J. Uganda. The Development of its Laws and Constitution. London, 1966, p. 189-190.*

¹⁶⁵ См. подробнее: *Daniels W.C.E. Op. cit., p. 72-76.*

¹⁶⁶ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law, p. 433.*

В указанном качестве Судебный Комитет выполнял помимо прочего две важные функции: во-первых, он соединял воедино все системы колониальных судов, действовавшие в отдельных английских колониях, а во-вторых, привязывал все эти системы к судебной системе в самой Англии. На практике существовало положение, при котором лица, составлявшие Судебный Комитет Тайного Совета, одновременно являлись в большинстве своем судьями в Палате лордов, т.е. состав высшей судебной инстанции для колониальных судов во многом совпадал с составом органа, игравшего роль высшей судебной инстанции для судов в Англии. Судебные системы в колониях становились при таком положении настоящим придатком судебной системы в метрополии.

Создавая в Африке колониальные судебные органы, британские колонизаторы с самого начала стремились определить их юрисдикцию и полномочия в объеме и характере юрисдикции и полномочий соответствующих судов, действующих в Англии. Так, Ордонанс 1876 года о Верховном суде колонии Золотой Берег прямо предписал, что Верховный суд «должен иметь и пользоваться всей юрисдикцией, властью и полномочиями, которыми пользуется Высокий суд Ее Величества»¹⁶⁷.

Акты о судоустройстве, принятые в Англии в 1873–1875 годах, заменили действовавшие до этого высшие суды «общего права» и «права справедливости» одним судом – Верховным судом Англии (Supreme Court of Judicature)¹⁶⁸. В результате такой реор-

¹⁶⁷ The Gold Coast Colony Supreme Court Ordinance, № 4 of 1876, sec. II.

¹⁶⁸ См.: Walker R. The English Legal System. London, 1976, p. 72–76.

ганизации судебной системы в Англии завершился «процесс слияния «общего права» и «права справедливости» в единую систему прецедентного права, которая в большей мере соответствовала буржуазным представлениям о законности»¹⁶⁹. Британские колониальные суды в Тропической Африке также призваны были выступать одновременно судами «общего права» и «права справедливости». «В каждом гражданском деле или споре, которые будут решаться в Верховном суде, право и справедливость должны отправляться совместно...», — гласила статья 18 Ордонанса о Верховном суде колонии Золотой Берег¹⁷⁰. Такое же положение предусматривалось в целом ряде других юридических актов о судах (например, в ст. 15 приказа в совете 1902 г. для Уганды). Тем самым фактически подтверждалось слияние двух ветвей английского права. В решении по одному из угандийских дел прямо констатировалось, что «база юрисдикции, предписываемая ст. 15, совместима лишь с существованием в Уганде слитой системы общего права и права справедливости, каковая существует в Англии после издания в 1873 году Акта о судоустройстве, и несовместима с существованием отдельных систем права и справедливости, которое имело место до указанной даты»¹⁷¹.

Создание на африканских территориях системы колониальных судов сопровождалось официальным введением в действие на этих территориях права метрополии. В Западной Африке введение английского права предусматривалось, как правило, ордонансами,

¹⁶⁹ Жидков О.А. Цит. соч., с. 37.

¹⁷⁰ Цит. по: *Allott A. New Essays in African Law*, p. 37.

¹⁷¹ Цит. по: *Ibidem*.

специально посвященными судам. Так, в колонии Золотой Берег английское право вступало в силу на основании принятого в 1876 года законодательным советом колонии ордонанса о Верховном суде, где устанавливалось, что «общее право, доктрины справедливости и статуты общего применения, которые были в силе в Англии на 24 июля 1874 года, должны быть в силе в пределах юрисдикции судов»¹⁷². Подобную формулу содержал и ордонанс о Верховном суде Сьерра-Леоне от 1881 года. В Восточной Африке официальное введение в действие английского права осуществлялось в большинстве своем непосредственно британской короной в форме приказов в совете. Примером здесь могут служить приказ в совете 1902 года для Восточной Африки, приказ в совете 1920 года для Танганьики, приказ в совете 1921 года для Кении и другие.

Как правило, английское право вводилось в той или иной африканской колонии по состоянию на определенную дату. Если в колонии Золотой Берег, к примеру, оно было введено по состоянию на 24 июля 1874 года, то в Сьерра-Леоне — по состоянию на 1 января 1880 года, а в Нигерии — 1 января 1900 года. На практике, однако, не исключалось применение норм английского права в том виде, в котором они действовали в Англии и после установленной даты. Так, в 1935 года в судебном решении по нигерийскому делу *Taylor v. Taylor* получившем признание во всей Западной Африке, было высказано, что «по делам утверждения завещаний и ведения судопроизводства право и практика в Нигерии изменяются, когда в Англии право и практика изменяются»¹⁷³.

¹⁷² Цит. по: *Allott A. Essays in African Law*, p. 6.

¹⁷³ Цит. по: *Денисов В.Н. Системы права развивающихся стран*, с. 196.

В деятельности колониальных судов на африканском континенте имели место случаи применения даже таких норм «общего права», которых вообще не существовало в Англии на момент его официального введения в колонии, поскольку возникли они позднее. Это, например, нормы, устанавливающие ответственность предпринимателя за преступление, совершенное рабочим в течение работы по найму¹⁷⁴. «Много можно было бы привести примеров дел, в которых для установления применяемого правила использовались только английские нормы, появившиеся после 1900 года», — констатирует А. Парк в своей монографии «Источники нигерийского права»¹⁷⁵.

Таким образом, в Африку привносилось как английское право по состоянию на определенную дату, так и английское право в том содержании в том виде, в котором оно действовало позднее этой даты. В результате весь процесс распространения английского права на Африканском континенте с юридической точки зрения становился весьма запутанным, но его классово-политическая направленность всегда была четко определенной. Право метрополии в том его виде, в каком оно действовало после официально установленной ограничивающей даты, вводилось всецело по усмотрению колониальных властей. Оно могло вводиться поэтому не в полном своем объеме, а по частям, по отдельным институтам и нормам. Установление ограничивающей даты ставило процесс распространения английского права в Африке под контроль колониальных властей. Тем самым создавалась возможность постепенного

¹⁷⁴ См.: *Park A. The Sources of Nigerian Law. London, 1963, p. 23.*

¹⁷⁵ *Ibidem, p. 22.*

приспособления английского «общего» и «статутного» права к целям и задачам колониальной политики. Данное приспособление совершалось уже простым отбором из него тех его институтов и норм, которые соответствовали интересам колониальной эксплуатации, и игнорированием тех, которые шли вразрез с этими интересами.

Обладая мировой свободой применять «общее право» по своему усмотрению, колониальные суды могли не принимать во внимание те относительно прогрессивные изменения в нем, которые происходили в метрополии под воздействием классовой борьбы. Так, в 1948 году изданный в Англии the Law Reform (Personal Injuries) Act отменил норму «общего права», согласно которой работнику запрещалось в течение работы по найму возбуждать дело против своего хозяина оскорбление, причинение вреда и т.п. Тем не менее спустя пять месяцев эта норма была применена в колонии Золотой Берег в деле *Mensah v. Konongo Gold Mines L.t.d.* (1948) в результате чего был аннулирован иск работника-африканца к горнодобывающей компании¹⁷⁶.

Внедрение английского права в Африку и его действие в специфических условиях колониального режима с самого начала было сопряжено с внесением в него существенных изменений. «В обществе, подобном обществу Сьерра-Леоне, не могут не возникать случаи, к которым формы английского права не соответствуют», — писал в 1827 году британский судья Маколей и делал при

¹⁷⁶ См.: *Elias T. Chana and Sierra-Leone. The Development of their Laws and Constitution.* London, 1962, p. 116.

этом вывод, что в таких случаях «право следует изменить»¹⁷⁷.

Приказы в совете и ордонансы, регулировавшие деятельность колониальных судов на африканском континенте, зачастую прямо предписывали им «осуществлять правосудие, не обращая внимания на формальности»¹⁷⁸. На практике это давало колониальным судам возможность отказаться в той или иной конкретной ситуации от применения определенных технико-юридических атрибутов «общего права». В качестве примера можно привести кенийское дело *Nyali L.t.d. v. Attorney-General* (1956), где было решено, что в Кении можно обойтись и без технической нормы «общего права», по которой «привилегия строить мосты» (a franchise of pontage) должна фиксироваться в документах¹⁷⁹.

Вместе с тем колониальное законодательство предоставляло судам полномочие производить и более серьезную модификацию применяемого ими английского права. Так, приказ в совете 1920 года для Танганьики устанавливал, что «общее право, доктрины справедливости и статусы общего применения должны быть в силе на территории лишь в той мере, в какой это позволяют условия территории и ее жителей, а также пределы юрисдикции Ее Величества, и с такими видоизменениями, которых требуют местные условия»¹⁸⁰.

Особенно интересным примером такой модификации английско-

¹⁷⁷ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 52, p. 186.

¹⁷⁸ Цит. по: *Allott A. Essays in African Law*, p. 25.

¹⁷⁹ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 987.

¹⁸⁰ Цит. по: *Allott A. Essays in African Law*, p. 22.

го права представляется дело *Balogun v. Balogun*, возникшее в 1935 году в Нигерии в связи с завещанием богатого торговца-африканца. Последний вел традиционный образ жизни в качестве главы семьи, т.е. занимал положение, при котором вынужден был совершать в интересах семьи довольно большие расходы (на прием гостей и т.п.). По обычаю средства на покрытие этих расходов должны были выплачиваться главе семьи из семейных фондов. Перед смертью этот торговец пожелал, чтобы его имущество унаследовал старший сын, становившийся после него главой семьи. Для того, чтобы избежать разделения своего имущества по обычно-правовым нормам наследования, нигерийский торговец решил воспользоваться английской правовой концепцией доверительной собственности. В связи с этим он оставил свое имущество опекунам (которые не являлись членами его семьи), попытавшись при этом предписать традиционную для африканцев манеру использования этого имущества. Однако положение, обязывающее опекунов производить выплаты в возмещение расходов главы семьи, в завещание включено не было. Старший сын, исполняя волю отца, жил как глава семьи и в соответствии с этим тратил значительные средства на прием гостей и т.п. Для покрытия этих расходов опекуны регулярно выплачивали ему определенные суммы из имущества, находившегося у них в доверительной собственности. Спустя некоторое время другие члены семьи обратились в суд с иском, имея целью принудить нового главу семьи возратить полученные последним из отцовского имущества средства и добиться прекращения дальнейших выплат. Этот иск был обоснован тем, чтобы выплаты были произведены в нарушение договора доверительной собственности, поскольку

завещание не уполномочивало опекунов делать такие выплаты. Согласно английскому праву, круг полномочий опекунов ограничивался теми, которые вытекали из документа, создавшего доверительную собственность, т.е. в данном случае из завещания. Следовательно, строго придерживаясь норм английского права, суд должен был решить рассматриваемое дело в пользу членов семьи, обратившихся с иском. Западноафриканский апелляционный суд, в котором слушалось это дело, решил, однако, что лицо, составлявшее завещание, намеревалось предоставить опекунам полномочие выплачивать регулярные суммы новому главе семьи, а потому нигде прямо не выраженное в документе это полномочие должно подразумеваться. А. Парк в комментарии к данному решению заметил, что «дав такое истолкование завещанию, расхордившееся с большей частью английских прецедентов, суд избежал строго следования норме английского права, которое причинило бы значительное неудобство вследствие ее несоответствия исключительно нигерийским обстоятельствам дела»¹⁸¹.

Подобные решения в практике колониальных судов на африканском континенте встречались нередко. Пользуясь широкой свободой действовать по своему усмотрению, суды могли, в частности, определить полномочия сторон в английском институте земельных пожалований короны (*Grown grants of Land*) по местному обычному праву. Примером такой модификации «общего права» является лагосское дело *Oyekean v. Adele* (1957)¹⁸².

¹⁸¹ *Park A. Op. cit.*, p. 40.

¹⁸² См.: *Allott A. Essays in African Law*, p. 26.

В ряде случаев приспособление отдельных положений «общего права» к специфическим условиям Африки было связано с распространением регулирующего действия его норм помимо европейцев также на коренное африканское население. Об этом свидетельствует прежде всего сам характер тех изменений, которым подвергались в африканских колониях те или иные институты «общего права».

Одним из важнейших среди них был институт «присяжных» (Jury)¹⁸³. Первоначально институт «присяжных» действовал в Африке, как указывает В. Даниельс, «без всяких изменений». Положения Хартии 1821 года для Сьерра-Леоне облакали судебного чиновника полномочием и обязанностью созывать присяжных из европейцев и лиц местного происхождения («туземцев») как в гражданских, так и в уголовных делах¹⁸⁴. Однако в 1866 году введенная в практику британских колониальных судов на африканском континенте система «присяжных» претерпела значительные изменения. Она была полностью отменена при рассмотрении гражданских дел и сохранилась лишь в уголовном судопроизводстве. Указывая на необходимость изменений в системе «присяжных», Главный судья Сьерра-Леоне Ч. Карр писал: «В уголовных делах вопрос, представляемый на рассмотрение присяжных, довольно прост — “виновен подсудимый или не виновен”». Кроме того, квалифицированные присяж-

¹⁸³ «Хотя система присяжных не была созданием общего права, она определенно являлась одним из краеугольных камней судебной процедуры по общему праву как в гражданских, так и в уголовных делах», — отмечает Р. Уолкер (*Walker R. Op. cit.*, p. 205).

¹⁸⁴ См.: *Daniels W.C.E. Op. cit.*, p. 196.

ные — это обыкновенно лица с состоянием, которые заинтересованы в пресечении преступлений и обеспечении безопасности жизни и имущества посредством своих вердиктов. В гражданских спорах ситуация складывается иначе. Эти споры возникают обычно из коммерческих сделок и касаются зачастую самых различных и многообразных вопросов. Спорящие стороны, если они не в дружеских отношениях с присяжными, как правило, хорошо знакомы последним. Добавьте к этому подозрительность, существующую между различными расами и племенами, населяющими эти поселения (Сьерра-Леоне, Гамбию, Золотой Берег, Лагос — В.Т.), и поэтому не будет казаться удивительным, что вердикты в гражданских делах на этом побережье являются менее удовлетворительными, чем вердикты в уголовных делах»¹⁸⁵.

Данное объяснение совершенно не учитывало того, что отмена института «присяжных» была предпринята прежде всего по желанию европейцев, проживавших в африканских колониях. «Присяжные из племени Аку, - признавали колонизаторы, — никогда не осудит представителя племени Аку, и напротив, никогда не оправдает белого человека»¹⁸⁶.

В 90-х годах XIX века изменения претерпел и применявшийся в практике колониальных судов на африканских территориях институт «присяжных» по уголовным делам. Первое из изменений заключалось в том, что ряд категорий уголовных дел стал теперь рассматриваться судьей и тремя советниками, а не судьей и «присяжными», как раньше. Второе изменение состояло в том, что судьей

¹⁸⁵ Цит. по: *Daniels W.C.E. Op. cit.*, p. 198.

¹⁸⁶ Цит. по: *Ibidem*, p. 197.

было предоставлено полномочие не принимать вердикт, вынесенный присяжными, если таковой противоречил собранным по делу доказательствам¹⁸⁷.

На протяжении XX века институт «присяжных» оставался в африканских колониях по существу неизменным. Единственное значительное модифицирующее изменение было внесено в него в 1953 году в Гамбии. Судья получил правомочие принимать, исходя всецело из своего усмотрения, решение о том, что все или определенная часть присяжных должны быть так называемыми «специальными присяжными». Как замечает зарубежный исследователь Дж. Джирей, главная цель данного нововведения заключалась в том, чтобы «в делах, которые отличались особой сложностью или в которых на собрание присяжных могли влиять различные внешние факторы, этот орган состоял, по крайней мере, частично, из людей, занимающих высокое общественное положение»¹⁸⁸.

Рассмотрение эволюции института «присяжных» позволяет выявить общую тенденцию в той модификации, которой подвергалось в африканских колониях «общее право». Из него устранялись прежде всего те положения и институты, которые в самой метрополии были связаны с утверждением режима буржуазной законности, но в условиях колоний представлялись английской буржуазии стеснительными и нежелательными, так как они ограничивали произвол колониальной администрации и в конечном счете являлись препят-

¹⁸⁷ См.: *Jearey J.H.* Trial by Jury and Trial with the aid of assessors in the superior courts of British African Territories. — In: *Journal of African Law*. Vol. 4, № 3, 1960, p. 136-137.

¹⁸⁸ *Ibidem*, p. 141.

ствием на пути развития и углубления колониальной эксплуатации.

Введение в африканские колонии «общего права» означало одновременно распространение на практику колониальных судов доктрины судебного прецедента. Как пишет А. Эллотт, «суды в бывшей Британской Африке всегда исходили из того, что они, так же как и их коллеги в Англии, связаны доктриной судебного прецедента»¹⁸⁹. Действие указанной доктрины в практике колониальных судов носило особый характер по сравнению с ее применением в практике судов в самой Англии.

Как известно, суть доктрины судебного прецедента заключается в обязанности суда следовать предшествующим решениям вышестоящих судов, а также своим собственным. Решениям палаты лордов, которая представляла в Англии высшую судебную инстанцию, были обязаны следовать все остальные английские суды. Наряду с этим сама палата лордов была связана своими собственными ранее вынесенными решениями¹⁹⁰. Высшей инстанцией для колониальных судов был Судебный Комитет Тайного Совета Великобритании. В отличие от палаты лордов данный орган не был обязан следовать своим собственным ранее вынесенным решениям. Так, в 1938 году при рассмотрении дела, возникшего по апелляции из Индии из Высокого суда города Мадраса, Судебный Комитет Тайного Совета прямо выразил отказ следовать своему предшествовавшему решению по аналогичному делу, возникшему в 1926 году в африканской колонии Золотой Берег¹⁹¹. Комменти-

¹⁸⁹ *Allott A. New Essays in African Law*, p. 72.

¹⁹⁰ См.: *Walker R. Op. cit.*, p. 128.

¹⁹¹ См.: *Daniels W.C.E. Op. cit.*, p. 177.

руя отмеченную особенность действия доктрины судебного прецедента в практике колониальных судов, В.Н. Денисов пишет, что «в отношении колоний метрополия сохраняла полную свободу действий и всегда могла принять нужное решение в интересах колониальной политики, изменив предыдущий прецедент, который не был обязательным не только для судов «общего права» в Англии, но и для самого Судебного комитета Тайного совета»¹⁹².

Одним из важнейших условий действия доктрины судебного прецедента является наличие сложившейся системы составления сборников судебных решений. «Функционирование доктрины прецедента, — пишет Р. Уолкер, — неразрывно связано со сборниками судебных решений. О тесных узлах между сборниками судебных решений и доктриной судебного прецедента свидетельствует тот факт, что современная доктрина обязывающего прецедента была оформлена только в XIX веке, когда возникла законченная система составления сборников судебных решений»¹⁹³. Насильственное привнесение в африканские колонии английского права не сопровождалось организацией в них такой системы. Сборники судебных решений составлялись в африканских колониях лишь эпизодически, охватывали собой далеко не всю практику колониальных судов и в целом находились в весьма неудовлетворительном для пользования состоянии. Как пишет В. Даниельс, к началу 60-х годов XX века система составления своих собственных сборников судебных решений была более или менее удовлетворительно налажена только в Нигерии; в Сьерра-Леоне, к примеру, она функционировала плохо, в Гам-

¹⁹² Денисов В.Н. Цит. соч., с. 135–136.

¹⁹³ Walker R. Op. cit., p. 116.

бии почти совсем отсутствовала¹⁹⁴.

Безусловно обязательными для колониальных судов в Тропической Африке были лишь решения английских судов, вынесенные до даты официального введения английского права в африканские колонии. Решения же, вынесенные после указанной даты, не имели обязывающей силы, хотя на практике обладали для колониальных судов достаточно большой авторитетностью¹⁹⁵. Данное обстоятельство, существенно сужавшее действие доктрины судебного прецедента в отношениях между колониальными судами в Африке и английскими судами, дополнялось другим важным ограничением. Кроме налаженной системы составления сборников судебных решений, действие этой доктрины предполагает наличие строгой иерархии судов. По словам Р. Уолкера, «доктрина обязывающего прецедента опирается в своем функционировании на тот основной принцип, что суды образуют иерархию, при которой каждый суд занимает определенное положение относительно любого другого суда»¹⁹⁶. Распространение обязывающей силы решений судов в Англии на суды в африканских колониях не опиралось на указанный основной принцип. Суды, действовавшие в Англии, с одной стороны, и колониальные суды в Африке, с другой, принадлежали к разным системам, представляли собой по сути дела две в достаточной мере обособленные одна от другой иерархии. Поэтому нельзя сказать, что в отношениях между судами, в африканских колониях и судами в Англии существовала сколько-нибудь строгая, единая иерархия.

¹⁹⁴ Daniels W.C.E. Op. cit., p. 194.

¹⁹⁵ См.: Allott A. Essays in African Law, p. 32-33.

¹⁹⁶ Walker R. Op. cit., p. 127.

Подчиненность, которая присутствовала в этих отношениях, носила сугубо односторонний характер, сводилась лишь к подчиненности колониальных судов решениям английских судов.

В силу всех вышеуказанных причин, если и можно говорить применительно к практике колониальных судов в Африке о действии доктрины судебного прецедента, то в весьма условной степени. Модификация «общего права» в африканских колониях затрагивала, таким образом, не просто отдельные его институты и нормы, но также самые характерные и внутренне присущие для него юридические свойства. В результате в колониальных судах в Тропической Африке складывалось во многом особое прецедентное право по сравнению с прецедентным правом, действовавшим в Англии. Как отмечает О.А. Жидков, после буржуазной революции в Англии для развития «общего права» был характерен «отход от жесткого принципа прецедента (*stare decisis*) в сторону увеличения судейского правотворчества (*judge-made law*)»¹⁹⁷. С наибольшей силой данная тенденция проявилась в «общем праве», действовавшем в колониях.

¹⁹⁷ Жидков О.А. Цит. соч., с. 35.

§ 2. Английское «статутное право» в африканских колониях

«Статутное право» рассматривается буржуазными компаративистами как малосущественная по сравнению с прецедентным правом составная часть английского права. «Статут», — отмечает Р. Давид, — по традиции играет в английском праве второстепенную роль, ограничиваясь лишь внесением корректив или дополнений в прецедентное право»¹⁹⁸. Поясняя данное обстоятельство, английский исследователь Р. Уолкер пишет, что «неблагоприятное положение законодательства как источника права заключается в том, что статуты требуют их толкования судьями, и эти толкования выступают сами по себе в качестве судебных прецедентов. Поэтому свехупрощением будет рассматривать законодательство более высоким по отношению к прецеденту источником права»¹⁹⁹.

Особенностью статутов, входивших в состав британского колониального права в Африке, было то, что издавались они в первую очередь для применения на территории Великобритании, хотя впоследствии и распространялись на африканские колонии. Этим они отличались от тех актов британского парламента, которые образовывали так называемое «имперское законодательство» («Акт об иностранной юрисдикции 1843 г., Акт о британских поселениях 1843 г. и др.). Последние издавались специально для колоний и поэтому в самой Великобритании не действовали.

Указанное различие между парламентскими актами, состав-

¹⁹⁸ Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967, с. 306.

¹⁹⁹ Walker R. The English Legal System, p. 117.

лявшими английское «статутное право», с одной стороны, и парламентскими актами, входившими в «имперское законодательство», с другой, дополнялось другим важным различием, которое закреплялось уже упоминавшимся нами Актом о действительности колониальных законов 1865 года. Акты британского парламента, изданные специально для колоний, наделялись высшей юридической силой в системе источников права, действовавших в английских колониях, в том числе в Африке. Любой «колониальный закон», противоречивший им, объявлялся на этом основании недействительным. Такая юридическая сила не придавалась актам британского парламента, составлявшим английское «статутное право». Это обстоятельство подчеркивалось целым рядом зарубежных исследователей, комментировавших статьи акта о действительности колониальных законов. Так, известный специалист по британскому колониальному законодательству Х. Дженкинс в работе «Британское управление и юрисдикция за морями»²⁰⁰ писал: «Эта точка зрения сводится к тому, что колониальный закон является недействительным на основании противоречия только в том случае, если он противоречит акту парламента, распространяющемуся на колонию, т.е. акту, который по намерению парламента обязателен для колонии. Колониальная легислатура обладает поэтому всей полнотой власти изменять то, что иногда обозначается как «общее право колонии» —

²⁰⁰ Колониальное ведомство Великобритании нередко ссылалось на эту работу Х. Дженкинса в обоснование своих мнений по вопросам «имперского конституционного права». См.: *opinions on Imperial Constitutional Law*. Ed. by O'Connell and Riordan A. Sidney, 1971, p. 16.

выражение, которое в колониях охватывает все право Англии, причем статутное право в той же мере, что и общее право, насколько оно применимо в колонии на дату поселения. Исходя из этого недостаточно сказать, что колониальная легислатура «может издавать законы, противоречащие английскому общему праву», поскольку она может издавать законы, противоречащие также английским статутам, которые в отсутствие подобного колониального законодательства, действовали бы в колонии, не потому, что они изданы для применения в колонии, но потому только, что они часть ее «общего права»²⁰¹.

В африканские колонии «статутное право» вводилось прежде всего как компонент английского права, т.е. наряду с «общим правом» и «доктринами справедливости». В соответствии с этим при своем распространении на Африку оно подвергалось во многом тем же самым ограничениям, что и последние. Так, в африканских колониях официально вводились в обращение не все английские статуты, но лишь те из них, которые действовали в Англии на определенную дату (напомним, что, к примеру, для колонии Золотой Берег — это 24 июля 1874 г., для Сьерра-Леоне — 1 января 1880 г., Нигерии — 1 января 1900 г. и т.п.).

Смысл данного ограничения применительно к английским статутам был тот же самый, что и применительно к английскому «общему праву». Наличие ограничивающей даты в положениях об официальном вступлении в силу на африканских территориях английских статутов не исключало распространения на них статутов, издававшихся в Англии в последующее время. В Сьерра-Леоне, напри-

²⁰¹ Цит. по: *Deniels W.C.E. Op. cit., p. 136.*

мер, были введены в действие такие английские статуты, как Акт о доверительных собственниках 1888 года (the Trustee Act, 1888), Акт о передаче имущества и праве собственности 1892 года (the Conveyancing and Law of Proprety Act, 1892), Акт о добровольной передаче имущества 1893 года (the Voluntary Conveyances Act, 1893) и др.²⁰².

Английские статуты, появившиеся после ограничивающей даты, распространялись в Африке всецело по усмотрению колониальной администрации. Пользуясь в решении этого вопроса широкой дискреционной властью, последняя могла «исключить применение по отношению к коренному населению колоний тех относительно демократических постановлений и предписаний, которые получили закрепление в законодательстве метрополии в результате борьбы рабочего класса и всех демократических сил»²⁰³. Указанные «демократические постановления и предписания» не вводились в африканские колонии, тогда как изданные в первой четверти XX века репрессивные английские акты о воровстве (the Larceny Act, 1916), лжесвидетельство (the Perjury Act, 1911), подлоге (the Forgery Act, 1925) находили в них свое применение²⁰⁴.

Общий характер распространения и действия в Африке английского «статутного права» определялся в значительной степени

²⁰² См.: *Ellias T. Ghana and Sierra-Leone. The Development of their Laws and Constitution*, p. 284.

²⁰³ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М.: Наука, 1971, с. 542.

²⁰⁴ См.: *Ellias T. Ghana and Sierra-Leone. The Development of their Laws and Constitution*, p. 304.

также тем обстоятельством, что, согласно приказам в совете и колониальным ордонансам, в африканские колонии вводились не просто статуты, но «статуты общего применения». «Вряд ли какая-нибудь фраза порождала столь много затруднений или истолковывалась в столь многих смыслах судьями, как эта», — пишет А. Эллотт²⁰⁵. Практика колониальных судов на африканском континенте предлагала самые различные категории для определения того, что означает формула «статуты общего применения». Так, в свое время выдвигалось мнение о том, что, если акт не применяется на территории всего Соединенного Королевства (т.е. не только собственно в Англии, но также в Шотландии и Ирландии), то он не может считаться «статутом общего применения»²⁰⁶. Дважды — в 1910 и 1932 годах — на основании данного географического критерия не признавался «статутом общего применения» Акт о передаче земли 1897 года, действие которого не распространялось на Шотландию и Ирландию²⁰⁷. Однако в 1940 года Западноафриканский апелляционный суд отошел от такого толкования «статутов общего применения» и признал указанный выше акт имеющим силу в Нигерии. В качестве основания для данного решения был взят другой критерий — предмет статута. По мнению суда, предмет вышеназванного акта имел такой характер, при котором «трудно себе представить, что статут может быть более общего применения»²⁰⁸.

²⁰⁵ Allott A. *New Essays in African Law*, p. 48.

²⁰⁶ См.: Elias T. *The Nigerian Legal System*. London, 1963, p. 18.

²⁰⁷ См.: Park A. *Op. cit.*, p. 25.

²⁰⁸ Цит. по: *Ibidem*.

Новый критерий, однако, не стал в судебной практике универсальным, поскольку оставалось неясным, какой характер предмета статута, дает основание считать его «статутом общего применения». Каждый отдельный статут имеет лишь свой специальный предмет, последний может быть шире по объему предметов других статутов, но совершенно очевидно, что ни в коем случае он не может носить общего характера.

Подобным же образом обстояло дело и с другими критериями, предлагавшимися в качестве оснований для признания того или иного статута «статутом общего применения», и в частности, с выдвинутыми при рассмотрении нигерийского дела *Attorney-General v. J. Holt* (1910) тестами о том, какими судами и к каким слоям общества в Англии статут применяется²⁰⁹. Практика показывает, что статутами общего применения, имеющими силу в африканских колониях, признавались и акты, которые применялись в Англии далеко не всеми судами. Одним из них был, например, акт о суммарной юрисдикции 1848 года, касавшийся лишь магистратских судов²¹⁰. Точно также колониальные власти признавали статутами общего применения и английские акты, охватывавшие далеко не все слои общества, как например, Акт о несовершеннолетних 1874 года, который затрагивал только лиц, не достигших 21-летнего возраста²¹¹, или Акт об армейских долгах 1893 года, также относившийся лишь к определенной и довольно узкой категории населения²¹².

²⁰⁹ См.: *Daniels W.C.E. Op. cit.*, p. 325.

²¹⁰ См.: *Ibidem*, p. 332.

²¹¹ См.: *Ibidem*, p. 334.

Неопределенность законодательной формулы «статуты общего применения», отсутствие единых критериев данного понятия имело своим результатом то, что вопрос, является ли тот или иной английский юридический акт статутом общего применения, должен был решаться специально для каждого отдельного акта и для каждой отдельной территории²¹³. Другими словами, решение этого вопроса явно отдавалось на усмотрение колониальной администрации, что имело вполне определенные последствия. По замечанию В.Н. Денисова, «действуя с помощью такого метода, всегда можно было в угоду интереса метрополии сослаться на неприменимость того или иного английского статута к конкретным условиям колонии или, наоборот, если требовалось, применить его»²¹⁴.

Документы, характеризующие политику в Африке британских колонизаторов, свидетельствуют, что необходимость наделения колониальных судов широкой властью действовать по своему усмотрению вполне колонизаторами сознавалась, причем еще до выхода юридических актов об официальном вступлении в силу на африканских территориях английского права. Например, в «Меморандуме о праве, действующем в фортах и поселениях Ее Величества на Золотом Береге» от 9 мая 1892 года прямо указывалось, что «за судами необходимо закрепить широкую дискреционную власть в решении вопроса о применении отдельных статутов или отраслей

²¹² См.: *Elias T. The Nigerian Legal System*, p. 21.

²¹³ Каждая колония, - пишет А. Эллотт, — имеет свой собственный список статутов, которые соответственно считаются или не считаются статутами общего применения. Эти списки различаются между собой» (*Allott A. Essays in African Law*, p. 9).

²¹⁴ Денисов В.Н. Цит. соч., с. 195.

права»²¹⁵.

Согласно колониальному законодательству, статуты, изданные в Англии, призваны были действовать в Африке (также как и другие составные части английского права — «общее право» и «доктрины справедливости» лишь «в той мере, в какой это позволяют условия территории и ее жителей» и, кроме того, «с такими видоизменениями, которых требуют местные условия»²¹⁶. Данное положение давало колониальным судам возможность отказаться от применения в конкретных условиях африканских колоний тех или иных английских статутов, даже если они являлись статутами общего применения. В частности, именно под предлогом несоответствия местным условиям были признаны неприменимыми в Нигерии Английские акты о банкротстве²¹⁷. Но в целом практика колониальных судов на африканском континенте знает довольно мало случаев, когда английские статуты отвергались на том основании, что местные условия не позволяют их применить. Чаще всего на этом основании отвергался не статут целиком, а отдельные его статьи — большая или меньшая их часть. Иными словами, пользуясь указанным предлогом, судьи могли подойти к тому или иному статуту более конкретно. Пример такого конкретного подхода дал в 1954 года. Западноафриканский Апелляционный суд, который решил, что из всего английского Акта о судебной процедуре по общему праву 1852 года (the Common Law Procedure Act, 1852) на территории применимы лишь статьи 210-212²¹⁸.

²¹⁵ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 621.

²¹⁶ Tanganyika Order in Council, 1920, art. 17 (2). Цит. по: Allott A. *Essays in African Law*, p. 22.

²¹⁷ См.: Park A. *Op. cit.*, p. 32.

²¹⁸ См.: *Ibidem*, p. 27.

Введение в действие на африканском континенте английских статутов часто осуществлялось от имени британской короны посредством специальных приказов в совете. Как правило, тот или иной статут вводился не в полном объеме, а лишь в отдельных своих статьях (иногда в одной — двух). В качестве примера может служить английский Акт о компаниях 1929 года. Приказ в совете от 26 октября 1931 года, посредством которого он распространялся на Кению, Ньясаленд, Свазиленд и Занзибар, гласил: «Его Величество на основании и в осуществление полномочий, предоставленных Актом об иностранной юрисдикции 1890 года и Актом о компаниях 1929 года соблаговоляет при согласии Его Тайного Совета приказать и приказывает, что статья 103, 104 и 105 Акта о компаниях 1929 года и любые установления, изменяющие и замещающие названные статьи, должны быть распространены с момента издания Приказа на протекторат Кении, протекторат Ньясаленда, Свазиленд и Занзибар»²¹⁹. Из английского акта о финансах 1894 года на африканские колонии распространялась всего одна статья. Приказ в совете, изданный 6 ноября 1916 года, устанавливал, что «статья 20 Акта о финансах 1894 года должна с момента издания этого Приказа применяться в протекторате Гамбии и Занзибаре»²²⁰.

В определенных ситуациях колониальным судам позволялось при применении английских статусов вносить в их тексты редакционные изменения. Изданный в 1876 года в колонии Золотой Берег Ордонанс о Верховном суде, возлагая в статье 85 на суды обя-

²¹⁹ The Laws of the Zanzibar Protectorate in force on the 31st day of December, 1934. Vol. IV, p. 74.

²²⁰ Ibidem, p. 95.

занность применять «имперские законы» с учетом местных общественных условий, гласил, что «в целях облегчения применения этих имперских законов данным судам разрешается толковать их с такими редакционными изменениями, не затрагивая содержания, которые могут быть необходимы для того, чтобы сделать их применимыми в деле перед судом»²²¹. Более конкретно на сей счет было сказано в Указе о толковании и общих положениях (the Interpretation and General Clauses Decree, 1917), который был издан в 1917 году в Занзибаре. Пункт 21 этого Указа предусматривал: «Всякий раз, когда тот или иной акт имперского парламента распространяется посредством какого-либо приказа в совете или указа на протекторат, этот акт должен читаться с такими формальными изменениями в перечне имен, местностей, судов, чиновников, лиц, денежных взысканий и т.д., которые могут быть необходимы для того, чтобы сделать его применимым к конкретным обстоятельствам»²²².

Действие различного рода ограничений в процессе распространения английского «статутного права» в африканских колониях имело большие практические последствия. «... То, что казалось на первый взгляд широкомасштабным, вылилось в действительности в рецепцию сравнительно малого числа актов, — пишет А. Парк. — Очень редко случалось, чтобы английский статут являлся статутом общего применения и при этом действие его в Нигерии не исключалось местными условиями. Так, список английских

²²¹ Цит. по: *Allott A. Essays in African Law*, p. 24.

²²² *The Laws of Zanzibar Protectorate in force on the 31 st day of December, 1934. Vol. 1, p. 9.*

статутов за 1899 год, последний год перед ограничивающей датой для рецепции, не содержит, оказывается, ни одного акта, составляющего в настоящее время (начало 60-х гг. — *В.Т.*) часть нигерийского права»²²³. Практика показывает, что в большинстве своем в африканских колониях в XX века действовало непосредственно не само по себе английское «статутное право», а колониальные ордонансы, составленные на его основе. По словам Т. Элиаса, «в сфере коммерческого и торгового права английское право сделало один из наиболее важных вкладов в гражданское право британских колоний. К примеру, почти во всех колониях существует ордонанс или право компаний (базирующееся на английском Акте о компаниях 1862 или 1929 года, некоторые приняли английский акт 1948 г.), ордонанс о продаже товаров, ордонанс о товариществах, ордонанс о морской перевозке грузов и т.п. — все они основаны на равнозначных английских статутах»²²⁴.

Общим итогом рассмотренного в настоящей главе является вывод о том, что в Африке в колониальный период распространялось и действовало не все английское право, но лишь отдельные его элементы: те институты и нормы, которые соответствовали интересам британских колонизаторов, целям и задачам колониальной политики британской буржуазии. Правовая система Англии призвана была служить своего рода «резервуаром», откуда британские колониальные власти черпали материал для юридических экспериментов в африканских колониях. Колонизаторы создавали

²²³ *Park A. Op. cit., p. 35.*

²²⁴ *Elias T. British Colonial Law, p. 141-142.*

в Африке правовое образование, тесно привязанное к этой системе, иначе говоря, зависимое от нее. На практике данная зависимость стала одной из важнейших сторон общей колониальной зависимости африканских обществ от Англии.

Глава III. Колониальное законодательство как составная часть британского колониального права в Тропической Африке

§ 1. Имперское законодательство

«Общее» и «статутное» право представляют собой правовые формы, которые исторически возникли на английской почве и не были порождены непосредственно колониализмом. В течение длительного времени (с начала XIX и до середины XX в.) они постепенно и по мере необходимости трансплантировались английской буржуазией в африканские колонии, приобретая тем самым новое и специфическое, колониальное социально-экономическое и политическое содержание. Колониальное законодательство, в отличие от этих источников, представляло собой правовые формы, непосредственно порожденные колониальными отношениями, с самого начала имевшие их в качестве своего социально-экономического и политического содержания. Именно поэтому колониальное законодательство заняло особое и ведущее место среди источников британского колониального права.

Определяя круг юридических актов, составляющих колониальное законодательство, необходимо выделить: во-первых, изданные специально для колоний акты британского парламента и британского правительства — имперское законодательство, а во-вторых, акты местных колониальных властей (губернаторов колоний и колониальных легислатур) — местное колониальное законодательство.

Каждая указанная группа юридических актов призвана была играть свою особую роль в регулировании колониальных отношений, в оформлении и закреплении колониальной зависимости африканских обществ от Англии. Юридические акты первой группы — акты британского парламента и правительства — использовались прежде всего для того, чтобы устанавливать общие принципы колониальной зависимости, регулировать «конституционные» вопросы организации и деятельности колониальных властей, осуществления британской юрисдикции на африканских территориях и т.п. Иначе говоря, главное предназначение имперских актов заключалось в правовом закреплении прямого политического господства Великобритании над своими колониями.

Акты британского парламента, изданные специально для колоний, обладали высшей юридической силой среди актов колониального законодательства. Их верховенство особо закреплялось «Актом о действительности колониальных законов», где в ст. 2 говорилось: «Любой колониальный закон, который является или будет являться в том или ином отношении противоречащим положениям какого-либо акта парламента, распространяющегося на колонию, к которой такой закон относится, или противоречащим какому-либо приказу или установлению, изданному на основании этого акта парламента или имеющего силу и эффект этого акта, должен считаться подчиненным данному акту, приказу или установлению и в пределах указанной противоречивости, но не иначе, должен быть и оставаться полностью недействительным и недействующим»²²⁵.

²²⁵ The Colonial Laws Validity Act, 1865, sec. 2. — In: Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law, p. 915.

Вместе с тем колониальные акты британского парламента преобладали и над регулировавшими некоторые вопросы колониальной политики нормами «общего права», вплоть до того, что могли их изменять. Так, изданный в 1843 году Акт о британских поселениях на побережье Африки и на Фольклендских островах изменил норму «общего права», согласно которой для колоний, имеющих характер поселений, британская корона может устанавливать конституцию, но не может издавать законодательство другого рода или вида²²⁶. Статья 1 указанного акта предоставила британскому правительству полномочие издавать для таких колоний законы, учреждать суды и назначать должностных лиц в целях отправления правосудия, необходимого для «мира, порядка и хорошего управления»²²⁷.

С другой стороны, акты британского парламента могли, подтверждая основное содержание соответствующих норм «общего права», вносить в них различного рода дополнения, существенно уточнять те или иные детали их применения, давать необходимые дефиниции и т.д. Акт об иностранной юрисдикции 1843 года установил, что «для Ее Величества является и будет являться законным владеть, осуществлять и использовать любую власть или юрисдикцию, которую Ее Величество в настоящее время имеет или может в какое-либо время в последующем иметь в пределах любой страны или местности, вне доминионов Ее Величества, в той же мере, как если бы Ее Величество приобрело данную власть и юрис-

²²⁶ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 151.

²²⁷ *British Settlements Act, 1843. – In; British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 319.*

дикцию посредством уступки или захвата территории»²²⁸. Данное положение Акта об иностранной юрисдикции не предоставило, однако, британскому правительству какого-либо нового полномочия. Осуществлять юрисдикцию на иностранной территории оно могло и до издания британским парламентом указанного акта и на практике действительно осуществляло. Это его правомочие вытекало из так называемой «Прерогативы», содержащейся в «общем праве»²²⁹. Подтверждая норму «общего права», Акт об иностранной юрисдикции вместе с тем существенно ее уточнял. В результате, в дальнейшем именно Акт об иностранной юрисдикции («Акт, устраняющий сомнения относительно осуществления власти и юрисдикции Ее Величеством в пределах различных стран и местностей вне доминионов Ее Величества...»), а не подтвержденную им норму «общего права» стали рассматривать в качестве главного юридического основания, по которому британское правительство приобретало и осуществляло в Африке свою юрисдикцию. В частности, в 1850 году Е. Грэй, тогдашний колониальный секретарь, комментируя последствия осуществления Англией своей юрисдикции на территориях, примыкающих к фортам Золотого Берега, писал, что она была приобретена «на основании полномочий, предоставленных актом об иностранной юрисдикции»²³⁰.

На протяжении XIX века в рассматриваемый нами акт неодно-

²²⁸ The Foreign Jurisdiction Act, 1843. – In: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 320.

²²⁹ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 143.

²³⁰ *Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874*, p. 559.

кратно вносились поправки (в 1865, 1866, 1875, 1878 гг.); с их учетом в 1890 году был издан новый акт об иностранной юрисдикции²³¹.

В целом вопрос об осуществлении британской короной своей юрисдикции на зависимых территориях составлял далеко не единственный предмет регулирования актов британского парламента, издававшихся специально для колоний. Особое внимание уделялось в них, например, вопросу о действительности колониальных законов, их соотношению с английским правом и т.д. Однако именно юрисдикция являлась ведущим предметом регулирования в колониальных актах британского парламента на протяжении XIX и первой четверти XX века.

Одной из важнейших задач британской колониальной политики в Африке было обеспечение общественного порядка, необходимого для функционирования механизма колониальной эксплуатации. Для этого требовалось поставить в соответствующие рамки действия на африканских территориях не только коренного населения, но и находившихся там британских подданных. Стихийная практика убийств африканцев, захватов их в плен, разграблений их жилищ, поощрения военных столкновений между африканскими племенами и т.п., имевшая место в XVIII – начале XIX века, не отвечала новым интересам британского капитализма. На повестку дня вставала организованная, целенаправленная колониальная экспансия. Не случайно, в докладе комиссии британского правительства от 10 июня 1816 года о состоянии поселений и фортов на побережье Африки создание судов, облеченных властью подавлять и наказы-

²³¹ The Foreign Jurisdiction Act, 1890. – In: Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law, p. 919.

вать «чудовищные преступления», совершаемые «белыми людьми» и остающиеся без порицания, объявлялись «делом, заслуживающим самого большого внимания»²³².

Формально юрисдикция учреждавшихся при британских фортах судов должна была касаться лишь британских подданных. Однако на практике она с самого начала стала распространяться и на африканцев, причем не только на тех лиц, которые проживали на довольно отдаленных от фортов территориях²³³. Администрация британских фортов делала все возможное, чтобы вовлечь в сферу юрисдикции своих судов как можно большую часть африканского населения. Чаще всего она использовала для этого различные «договоры» с местными вождями. Одним из способов привлечения африканцев в британские суды было также освобождение их от процессуальных пошлин и других связанных с судебным разбирательством материальных издержек. «Споры, приносимые на рассмотрение магистрата-

²³² British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 1, p. 126.

²³³ В документах британского парламента, относящихся к деятельности в Африке колонизаторов, при определении территориальных границ британской юрисдикции называются различные цифры. К примеру, юрисдикция магистратских судов форта Дикскоув распространялась, согласно приводимым данным, на расстояние 50 миль вокруг форта. (См.: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 29). Британские суды форта Кэйп Апполония осуществляли юрисдикцию над «туземцами», проживающими на удалении 250 миль от форта. (См.: Ibidem, p. 3).

тов, решаются без пошлин; иначе обстоит дело со спорами, приносимыми на рассмотрение туземных судов», — свидетельствовал 3 мая 1842 года перед членами специального парламентского комитета по западному побережью Африки служащий британской торговой компании В. Сьювелл²³⁴.

О том, каковы были практические результаты навязывания британской юрисдикции африканскому населению, можно судить по целому ряду документов. В качестве примера приведем выдержку из отчета британского судьи Ф. Сванзи: «Первоначально, когда я только что прибыл в Дикскоув, туземцы обращались в суд форта по немногим делам, за исключением долговых и других не представлявших никакой трудности споров, однако впоследствии они стали обращаться в суд форта со всякого рода спорами: жалобами слуг на своих хозяев, хозяев на своих слуг, исками жен против мужей, а также исками по вопросам владения землей и т.д.»²³⁵. Подобный же результат отмечал в 1850 году и секретарь по колониям Е. Грэй: «На основании полномочий, предоставленных актом об иностранной юрисдикции, Ее Величество стало осуществлять свою юрисдикцию на территориях, примыкающих к фортам Золотого Берега, в результате чего соседние вожди и племена оказались вынужденными обращаться в большей степени в британские трибуналы для подавления преступлений и отказаться от своих собственных варварских обычаев»²³⁶.

²³⁴ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 83.

²³⁵ Ibidem, p. 25.

²³⁶ Earl Grey to Governor N.W. Macdonald: Sierra-Leone, 24 July 1850. - In: Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874, p. 559.

Распространением своей юрисдикции на африканское население администрация британских фортов достигала по меньшей мере две основные цели. Во-первых, она обеспечивала тем самым определенную стабильность общественных отношений в африканских колониях, необходимую для поддержания выгодного колонизаторам политического и экономического порядка, и прежде всего защиту находившихся на африканских территориях британских подданных (в большинстве своем торговцев и миссионеров) от нападений, грабежей и т.п. Во-вторых, осуществляя юрисдикцию над африканским населением, британские колониальные власти подчиняли его своему политическому контролю. «Районы, примыкавшие к британским фортам, все больше и больше становились «британскими» через действие британской юрисдикционной власти и применение английского права, без необходимости установления британского суверенитета, — пишет В. Джонстон. — Посредством законодательства об иностранной юрисдикции, а также, что еще более важно, путем соглашений с вождями британские власти были в состоянии осуществлять контроль не только над британскими подданными в этих «иностраных», подзащитных районах, но и над местными жителями»²³⁷.

Если в первой половине XIX века британская юрисдикция являлась важным средством распространения на африканское население британского политического контроля, то во второй половине XIX века после осуществления Великобританией в Африке широких территориальных аннексий она стала одним из важнейших средств установления неограниченного британского политического господства в колониях. Такое возросшее значение юрисдикции отчетливо осозна-

²³⁷ *Johnston W. Sovereignty and Protection*, p. 62.

валось в то время самими британскими колонизаторами. В частности, в 1872 году в одном из парламентских документов, относившихся к Золотому Берегу, было заявлено, что «если бы оказалось возможным распределить по всему протекторату достаточное количество окружных магистратских судов, то это явилось бы, без сомнений, наиболее совершенной организацией для приведения населения под влияние правительства как цивилизующей власти»²³⁸.

Расширяя сферу действия в Африке своей юрисдикции, с одной стороны, и ограничивая юрисдикционные полномочия вождей, с другой, британская колониальная администрация подрывала и сводила на нет политическую власть этих вождей над африканским населением. Особенно это касалось ограничения юрисдикционных полномочий в сфере земельных отношений. «Лишение вождей полномочия рассматривать правовые споры по вопросам, касающимся их земель, равнозначно тому, чтобы отобрать у них всю власть», — констатировалось в 1899 году в докладе Королевской комиссии по Сьерра-Леоне²³⁹.

По своей форме акты британского парламента, издававшиеся специально для колоний, почти ничем не отличались от парламентских актов, которые были рассчитаны на применение в самой Англии. Во всяком случае, юридическая техника составления первых и вторых была сходной. Каждому акту присваивался свой номер, давалось полное наименование и сокращенное. Далее указывалась дата вступления акта в силу, и шла преамбула. Сам текст акта делился на секции, подсекции, параграфы, разделы и т.п. Специ-

²³⁸ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 621.

²³⁹ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 55, p. 42.

альная секция отводилась для определения важнейших понятий, встречающихся в акте²⁴⁰.

Технико-юридические различия между двумя указанными выше видами актов британского парламента заключались лишь в следующем. Если в актах парламента, издававшихся для применения в Англии, сокращенное наименование давалось, как правило, в конце текста, то в актах, предназначавшихся для применения в колониях, это наименование давалось в начале. Кроме того, в актах британского парламента, издававшихся для Англии, секция, содержащая перечень терминов и определений, помещалась в заключении, тогда как в парламентских актах, издававшихся специально для колоний, ее место было во введении. Как правило, эта секция являлась первой по счету.

Нормативные положения колониальных актов британского парламента, в том числе и положения об иностранной юрисдикции, конкретизировались и дополнялись в колониальных актах британского правительства, выступающих в трех основных формах – приказов в совете (Orders in Council), учредительных указов (Letters of Patent) и так называемых королевских инструкций (Royal Instructions). Например, такой акт британской короны, как Приказ в совете от 3 сентября 1844 года, был издан в целях конкретизации и воплощения на практике основных положений актов парламента о британских поселениях и иностранной юрисдикции, принятых в 1843 году. Подтверждая наличие британской юрисдикции в местах, прилегающих к британским фортам и поселениям, данный

²⁴⁰ Подробнее см.: Gifford К.Н. How to understand an Act of Parliament. Sydney, 1977, p. 17.

приказ в совете учреждал для ее практического осуществления суды в Кэйп Коуст Кастл и в Сьерра-Леоне²⁴¹.

Являясь главными инструментами, посредством которых британское правительство осуществляло в Африке свою юрисдикцию, указы в совете, учредительные указы и королевские инструкции играли все вместе важнейшую роль в конституционном оформлении и закреплении системы колониального управления. Именно они определяли границы и правовой статус африканских зависимых территорий, устанавливали основные полномочия действовавших в их пределах колониальных, законодательных, исполнительных и судебных органов. В 1949 году Верховный суд Сьерра-Леоне прямо заявил, что «если границы протектората были однажды определены посредством учредительного указа или приказа в совете, то они могут быть изменены только приказом короля в совете; ордонансы, принятые законодательным советом Сьерра-Леоне, чьи полномочия проистекают из учредительных указов и приказов в совете, не могут пересмотреть границы так, чтобы превратить в законном порядке какую-либо часть территории колонии в протекторат»²⁴².

Основное различие между приказами в совете, с одной стороны, и учредительными указами, с другой, проходило не по содержанию, а по форме. Приказы в совете издавались британской Коронай при непосредственном участии Тайного Совета и подписывались его секретарем. Учредительные указы издавались Коронай

²⁴¹ См.: Order in Council, 3 September 1844. – In: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 397-398.

²⁴² The African Law Reports. Sierra-Leone Series. 1937-1949. Oxford, 1976, p. 411.

самостоятельно и вступали в юридическую силу сразу же после скрепления Большой Государственной печатью²⁴³. Если в приказах в совете королевская особа выступала в третьем лице, то в учредительных указах — в первом, под местоимениями «мы» или «наш».

Менее четким было различие между рассматриваемыми видами имперских актов по предмету регулирования. Во всяком случае, для установления колониальных конституций использовались и те и другие²⁴⁴. Следует, однако, отметить, что назначение должностных лиц колониального управления — губернаторов, судей и т.п. — чаще оформлялось учредительными указами.

По этому поводу существовало специальное мнение британского министерства колоний, в котором прямо подчеркивалось, что «назначение губернатора и членов исполнительного совета не представляет собой акта законодательства и надлежащей формой осуществления этого будет учредительный указ, а не приказ в совете»²⁴⁵.

В отличие от учредительных указов, издававшихся, как правило, для какой-либо отдельной колонии, приказы в совете нередко издавались одновременно для нескольких колоний, для целого региона Африки и в ряде случаев для африканского континента в целом. В качестве примеров можно привести Приказ в со-

²⁴³ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 144.

²⁴⁴ См., например: *Letters Patent of 9th December 1922 (Constitution for Nigeria)*. — In: *Wight M. British Colonial Constitutions*, p. 170; *Sierra-Leone Protectorate Order in Council, 24 august 1895*. — In: *Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1875-1914*, p. 286.

²⁴⁵ *Opinions on Imperial Constitutional Law*, p. 10.

вете 1925 года для Кении и Уганды, который учредил должность «высокого комиссара» по транспорту для контроля за использованием транспортных путей сообщения в Кении и Уганде²⁴⁶; Приказ в совете 1921 года о Восточноафриканском апелляционном суде, касавшийся Кении, Уганды, Ньясаленда и Занзибара²⁴⁷; Приказ в совете 1889 года для Африки, регулировавший различные аспекты осуществления британской юрисдикции на всех подвластных Великобритании африканских территориях²⁴⁸.

Что касается королевских инструкций, то они чаще всего лишь дополняли другие юрисдикционные инструменты британской короны или акты британского парламента. Учредительный указ «Конституция поселений Гамбии от 24 июня 1843 года» устанавливал в одном из своих положений: «Мы предоставляем и жалуем губернатору наших вышеупомянутых поселений и зависимых территорий до поры до времени полную власть и авторитет во имя нас и от нашего имени, но подчиненную тем не менее положениям, которые могут содержаться в каких-либо инструкциях, могущих быть адресованными ему нами...»²⁴⁹. Часть этих инструкций была издана для губернатора Гамбии в тот же день — 24 июня 1843 года. Одна из них, в частности, гласила: «Все законы или ордонансы,

²⁴⁶ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 220.

²⁴⁷ См.: *The Laws of the Zanzibar Protectorate. In force on the 31st day of December, 1934. Vol. IV, p. 75.*

²⁴⁸ См.: *Daniels W.C.E. Op. cit.*, p. 44.

²⁴⁹ *Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874, p. 516.*

издаваемые законодательным советом, должны отныне именоваться «ордонансы, изданные губернатором нашего поселения и зависимых территорий в Гамбии с совета и согласия законодательного совета», и никакое другое наименование или форма не должны отныне употребляться в любом из таких установлений»²⁵⁰.

Ведущее место имперского законодательства среди источников права, действовавшего в британских колониях, являлось ничем иным как отражением реального положения этих колоний, находившихся в полной политической зависимости от метрополии. В актах имперского законодательства находили свое закрепление основные устои политического режима колониального угнетения эксплуатации, политического бесправия африканцев. Не случайно, завоевание колониями политической независимости означало автоматическое прекращение действия в них большинства имперских актов.

²⁵⁰ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 366.

§ 2. Местное колониальное законодательство

В отличие от имперского законодательства, которое использовалось, главным образом, для установления общих принципов колониальной политики, местное колониальное законодательство — ордонансы, прокламации, указы и т.п. — имело в качестве главного предмета своего регулирования более конкретные вопросы, непосредственно касавшиеся различных сфер внутренней жизни колоний. В письме маркиза Рипона к Администратору протектората Гамбии от 10 октября 1893 года говорилось: «Не является, очевидно, подходящим то, что каждое предписание или закон, касающиеся протектората, должны издаваться в форме приказа в совете; потребность в знании местных условий делает такой порядок непрактичным, в то время как задержка причиняет неудобство. Желательным было бы поэтому, чтобы законодательная власть осуществлялась в местном масштабе... При дальнейшем рассмотрении мне представляется предпочтительнее, чтобы необходимые законы издавались в форме ордонанса законодательного совета»²⁵¹. В другом документе, в котором имелся в виду протекторат Сьерра-Леоне — письме Д. Брамстона к полковнику Кардью от 16 октября 1895 года подобное положение было представлено следующим образом: «Что касается территорий, примыкающих к колонии, то для Ее Величества в Совете было бы практически невозможным регулировать посредством приказа в совете различные вопросы, которые требуют законодательной санкции. Потребность в знании местных условий

²⁵¹ *Newbury C.W.* British Policy towards West Africa. Select documents. 1875-1914, p. 273.

сделала бы такой порядок непрактичным. Ее Величество в Совете сооблаговолила поэтому через посредство приказа в совете, датированного 24 августа прошлого года, облечь законодательный совет полномочием осуществлять посредством ордонанса и обеспечивать проведение в жизнь всей данной юрисдикции»²⁵².

Акты местного колониального законодательства не могли решать вопроса о правовом статусе той или иной территории, определять ее границы, устанавливая порядок экспорта-импорта, взимания таможенных пошлин и т.д. Они не могли вторгаться в сферу внешних связей колонии с метрополией, поскольку регулирование этой сферы осуществлялось исключительно имперскими актами. В соотношении с имперским законодательством местному колониальному законодательству отводилось строго подчиненное положение.

Иным было его соотношение с английским правом. До 1865 года в практике британского парламента и британской короны существовало правило, согласно которому акт, изданный колониальной легислатурой, не должен противоречить праву Англии²⁵³. Данное правило не порождало особых споров до того момента, когда Главный Судья Южной Австралии Бутсби постановил, что некоторые акты южно-австралийской легислатуры противоречат английскому праву и потому являются недействительными. Это вызвало серьезные возражения со стороны членов указанной легислатуры, что привело к возникновению спора²⁵⁴. Его решение было в конечном

²⁵² *Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1875-1914, p. 293.*

²⁵³ См.: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law, p. 210.*

²⁵⁴ Подробнее об этом споре см.: *Opinions on Imperial Constitutional Law, p. 60-73.*

итоге передано британскому парламенту, который в 1865 года принял «Акт, устраняющий сомнения относительно действительности колониальных законов», где в статье 2 было установлено, что «колонийный закон» является недействительным только в том случае, если он противоречит акту парламента, специально распространяющемуся на колонию, а в статье 3 добавлялось: «Ни один колониальный закон не должен быть или считаться недействительным или недействующим на основании противоречия праву Англии до тех пор, пока он не будет противоречить положениям какого-либо вышеупомянутого акта парламента...»²⁵⁵.

Прежнее правило о действительности колониальных законов было, таким образом, существенно изменено. Колониальные легислатуры получили возможность издавать законы, противоречащие праву Англии, причем не только в части «общего права», но и, как это особо отметил Х. Дженкинс, в части английских статутов, «которые в отсутствие колониального законодательства находились бы в действии в колонии»²⁵⁶. Такое значение ст. ст. 2-3 акта о действительности колониальных законов подтверждалось прежде всего самими «колониальными законами». Например, изданный в 1923 году в Танганьике ордонанс о праве собственности на землю, объявляя о введении в действие на территории этой колонии английского права собственности, сделал специальную оговорку: «Когда это английское право или практика находится в противоречии с каким-либо положением, содержащимся в ордонансе или другом за-

²⁵⁵ The Colonial Laws Validity Act, 1865, sec. 2-3. In: *Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law*, p. 915.

²⁵⁶ Цит. по: *Daniels W. Op. cit.*, p. 136.

конодательстве или индийском акте, имеющими силу в настоящее время на территории, данное вышеупомянутое положение должно преобладать»²⁵⁷.

Возникает вопрос, почему было внесено столь существенное уточнение в правило о действительности «колониальных законов», когда первоначально считалось, что «колониальный закон» не должен противоречить праву Англии, а затем было установлено, что он не должен противоречить только колониальным актам британского парламента, т.е. тем самым его противоречие общим нормам английского права стало допускаться?

На наш взгляд, данное уточнение было далеко не случайным. Акты колониальных legislatures могли содержать нормы, отступающие от традиционных норм английского права, но при этом не противоречить интересам британской колониальной политики. Установление правила, при котором «колониальный закон» считался недействительным только в случае противоречия актам британского парламента, распространяющимся на колонии, не означало отказа от принципа подчиненности актов местных колониальных властей общим целям и задачам британской колониальной политики, но оно расширяло дискреционные полномочия местной колониальной администрации, усиливало автономное положение принимаемых ею юридических актов. Местное колониальное законодательство освобождалось от необходимости соответствовать сложной и обширной системе юридических норм, которой являлось английское право, и должно было согласовываться теперь лишь с определенной совокупнос-

²⁵⁷ Цит. по: Cole J. and Denison W. Tanganyika. The Development of its Laws and Constitution. London, 1964, p. 212.

тью довольно общих законодательных принципов. Следовательно, новое положение о действительности «колониальных законов» создавало условия, при которых они могли более эффективно использоваться британской администрацией в Африке в качестве инструмента колониальной политики.

Одной из основных проблем, стоявших перед британскими властями в африканских колониях, была проблема обеспечения колониальной экономики наемной рабочей силой. «Вопрос о туземной рабочей силе является одним из самых важных вопросов, которые в настоящее время требуют внимания со стороны тех, кто управляет протекторатом», — говорилось в 1896 году в докладе по торговле и общим условиям Центрально-Африканского протектората, составленном британским чиновником Г. Джонстоном²⁵⁸. Проблема наемной рабочей силы в это время особенно обострилась в Тропической Африке потому, что местное население жило в большинстве своем в условиях традиционной замкнутой, самообеспечивающейся экономики. «Каждая туземная деревня является практически самообеспечивающейся и не требует почти никакой торговли с внешним миром, — отмечалось в 1893 году в одном из докладов по Сьерра-Леоне. — Они сами выращивают, ткнут и красят себе одежду. Они пьют вино со своих собственных пальм, и вся их пища выращивается, как правило, каждой деревней для себя самой. Они, однако, ценят некоторые вещи, различные виды бус, детские игрушки, фарфор и т.д.»²⁵⁹. Живя в таких условиях, африканцы

²⁵⁸ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 69, p. 142.

²⁵⁹ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Shannon, 1971, vol. 54, p. 451.

не испытывали особой необходимости в работе по найму за заработную плату. Требовалось, следовательно, создать условия, вынуждающие африканцев искать в качестве источника своего существования работу по найму.

Одним из способов достижения указанной цели стали конфискации африканских земель, проводившиеся британскими колониальными властями посредством специальных ордонансов, примером которых может служить «Кенийский Ордонанс 1902 года о землях короны». По свидетельству Дж. Уоддиса, *«только очень малая часть земли, зарезервированной за европейцами, в действительности ими использовалась»*²⁶⁰. Опираясь на этот факт, Дж. Уоддис делает вывод, что смысл массовых конфискаций британскими колонизаторами африканских земель заключался в том, чтобы «не допустить превращения африканского крестьянина в конкурента европейского фермера или владельца плантации, и довести африканское крестьянство до такой степени бедности, чтобы большинство взрослых мужчин было вынуждено работать на европейцев»²⁶¹.

Посредством колониальных ордонансов британские власти в Африке запрещали местным вождям передавать землю в концессии, препятствовали выдаче туземцам необходимых для ведения предпринимательства кредитов, ограничивали аренду и заклад земельных участков. «Они налагали ограничения на раздел и местную систему наследования и издавали много других актов и предписа-

²⁶⁰ Woddis J. Africa: the Roots of Revolt. London, 1960, p. 7.

²⁶¹ Ibidem.

ний, которые вмешивались в то, что можно рассматривать как нормальное или спонтанное развитие»²⁶².

Важным средством решения проблемы обеспечения колониальной экономики в Африке наемной рабочей силой стало колониальное законодательство, предусматривавшее обложение африканского населения денежными налогами. «Нет ни одного правительства, которое бы не рассматривало налоги в качестве средства, обязывающего туземцев наниматься на работу, за которую он может получить деньги», — писал Л. Майер²⁶³. Налогообложение устанавливалось британскими колониальными властями посредством специальных ордонансов. В Кении, например, в 1901 году был издан Ордонанс о жилищном налоге, который установил налоговые выплаты с каждого жилища африканцев в размере 2 рупий. Ордонанс о жилищном налоге 1903 года поднял эту сумму до 3 рупий. В 1915 году размер налогообложения был установлен уже в 5 рупий, а в 1920 году британские власти увеличили его до 10 рупий²⁶⁴. В Сьерра-Леоне ордонанс 1896 года, изданный для урегулирования разнообразных конкретных вопросов британского управления в протекторатом, установил налог в 10 шиллингов с каждого жилища из четырех комнат и более 5 шиллингов с каждого жилища из трех и менее комнат²⁶⁵. Чтобы иметь деньги для уплаты установленных

²⁶² Meek C.K. *Land Law and Custom in the Colonies*. London, 1949, p. 290.

²⁶³ Mair L.P. *Native Policies in Africa*, p. 10.

²⁶⁴ См.: Hailey W.W. *An African Survey. A Study of Problems arising in Africa south of the Sahara*. London, 1939, p. 570.

²⁶⁵ См.: Ibidem, p. 587.

ордонансами налогов, африканцы должны были наниматься на работу за заработную плату. «Когда африканец был обложен налогами, сначала жилищным, а затем подушным, работа за деньги стала с его стороны необходимостью»²⁶⁶.

Одновременно колониальное налоговое законодательство влекло за собой социальные последствия и иного рода. Как сообщал в 1897 году Консул и Комиссар Центрально-Африканского протектората Шарп, «туземцы начинают в полной мере понимать ценность налоговой квитанции. Они осознают тот факт, что обладание ею освобождает их от притеснений со стороны своих вождей. В течение последнего года произошло значительное ослабление автократической власти, которую прежде имели во всем протекторате туземные вожди»²⁶⁷. Подрывая традиционную власть вождей над африканским населением, колониальные налоговые ордонансы способствовали тем самым усилению и расширению политической власти над ним британской колониальной администрации.

Общественные условия африканских колоний и интересы колониальной эксплуатации исключали возможность построения отношений между рабочими и предпринимателями на основе буржуазного принципа «свободы договора». Одно английское договорное право мало что давало предпринимателю в Тропической Африке, хотя бы уже потому, что африканский рабочий не мог отвечать должным образом за нарушение контракта (возмещать убытки и т.п.). Его отношениям с хозяином предприятия придавался в связи с этим принудительный характер. В каждой колонии издавались, в част-

²⁶⁶ African Labour Efficiency Survey. London, 1949, p. 58.

²⁶⁷ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 69, p. 286.

ности, ордонансы, которые объявляли уголовным преступлением нарушение контракта без уважительных причин. В качестве примера одного из таких актов местного колониального законодательства может служить изданный в Занзибаре 1 июля 1925 года «Указ о хозяине и туземных слугах»²⁶⁸. По замечанию Л. Ганна и П. Дуигнана, автором исследования «Правители британской Африки. 1870-1914», «действие ордонансов о «хозяевах и слугах», нормы которых были применимы лишь к неквалифицированным работникам, не распространялось на европейцев как квалифицированных рабочих или менеджеров²⁶⁹. Особенно жестокий, дискриминационный характер носило колониальное трудовое законодательство в Кении. В 1921 году здесь был введен в действие специальный ордонанс о регистрации, который обязывал каждого африканца «иметь при себе документы, включая удостоверение личности, оттиск пальца, свидетельство от хозяина, у которого он работал. При отсутствии последнего документа африканец считался дезертиром и направлялся на плантацию»²⁷⁰.

Таким образом, с развитием британской колониальной политики, особенно в XX века, местное колониальное законодательство стало существенно дополнять право метрополии. Интересы колониальной эксплуатации африканских обществ требовали в целом ряде случаев установления или поддержания в них таких общественных порядков, которые не были адекватны нормам «общего» и «статут-

²⁶⁸ См.: *The Laws of the Zanzibar Protectorate. In force on the 31st day of December, 1934. Vol. III, p. 1674.*

²⁶⁹ *Gann L. and Duignan P. The Rulers of British Africa. 1870-1914. Stanford, 1978, p. 236.*

²⁷⁰ *Панов В.П. Цит. соч., с. 53.*

ного права», нередко далеко выходили за их рамки. Естественно, что английские правовые нормы и институты, многие из которых сформировались в иную историческую эпоху и действовали в иных социально-экономических и политических условиях, не могли дать указанным общественным порядкам соответствующего юридического оформления. Эту задачу в значительной мере решали акты губернаторов колоний и колониальных легислатур. Другими словами, местное колониальное законодательство призвано было расширить юридические пределы колониальной эксплуатации, предоставлявшиеся английским правом, сделать их более гибкими и удобными для иностранного капитала.

Поскольку колониальные легислатуры имели возможность издавать юридические акты, «противоречащие» английскому праву, постольку они могли вносить в него своими актами необходимые с точки зрения британской колониальной политики коррективы. В качестве примера можно привести нигерийский Уголовно-правовой ордонанс 1948 года. Модификация английского права выразилась в данном случае уже в том, что огромное количество английских уголовно-правовых норм, разбросанных по отдельным судебным решениям и статутам, было сведено вместе в единый кодекс. Все преступления этот ордонанс разделил на три вида: фелонию, мисдиминор и простые преступления. Фелонией объявлялось преступление, которое было отнесено к фелонии самим ордонансом или иное преступление, за которое назначалось наказание в виде смертной казни или тюремного заключения сроком на три года и свыше трех лет. Мисдиминором считалось преступление, которое прямо рассматривалось в качестве такового в самом ордонансе

или за которое назначалось тюремное заключение от 6 месяцев до трех лет. К простым преступлениям были отнесены все другие преступления, не являвшиеся фелонией или мисдиминором. В качестве главного основания для классификации преступлений нигерийский ордонанс взял, таким образом, тяжесть наказания. Тем самым он отошел от традиционной классификации преступлений в английском уголовном праве, благодаря чему избавился от некоторых ее аномалий. Т. Элиас, комментируя данное нововведение, заметил, что нигерийский уголовный кодекс воспринял в вопросе классификации преступлений рекомендации, содержащиеся в проекте английского уголовного кодекса 1880 года, который не был, однако, принят²⁷¹. Отсюда видно, что «колониальный закон» давал английской буржуазии большую свободу «правового маневра» и ее представители в колониальной администрации могли предпочесть действовавшим положениям английского права нормы, находившиеся лишь в проекте.

Однако, несмотря на то, что отдельные акты губернаторов колоний и колониальных legislatures могли отклоняться от некоторых правовых норм, действовавших в метрополии, от английского права в целом эти акты оторваться не могли. Губернаторы и legislatures африканских колоний (т.е. сама институциональная основа местного колониального законодательства) были подчинены на практике властям в Великобритании - колониальные политические институты в любом случае оказывались лишь придатком политических институтов метрополии. Поэтому нет ничего удивитель-

²⁷¹ См.: *Elias T. Groundwork of Nigerian Law*. London, 1954, p. 175.

ного в явлении, которое А. Эллотт рассматривает как «парадоксальное», когда модификация колониальным законодательством английского права, официально введенного в действие в африканских колониях по состоянию на ту или иную дату, часто имела своим результатом приближение этого законодательства к «текущему английскому праву», а не отход от него²⁷².

Автономное положение местного колониального законодательства относительно другого источника права в британских колониях в Тропической Африке — английского «общего» и «статутного права» — имело совершенно определенный смысл. Если в первом случае оно давало возможность расширить за счет «колониального закона» юридические пределы колониальной эксплуатации, охватить правовыми формами те сферы колониальных отношений, которым английское право юридического оформления предоставить не могло, то во втором случае это автономное положение колониального законодательства делало его эффективным средством приспособления английского права к африканским общественным условиям, к интересам колониальной эксплуатации. Одни нормы английского права посредством колониальных ордонансов были восприняты британскими властями и введены в действие в африканских колониях, другие — не приняты или существенным образом изменены.

²⁷² См.: *Allott A. Essays in African Law*, p. 27.

Глава IV. Политика британских колониальных властей по отношению к африканскому обычному праву

§ 1. Разграничение сферы действия обычного права и права метрополии в британских колониях в Тропической Африке

Политика британских колониальных властей в Тропической Африке по отношению к местному обычному праву с самого начала носила во многом противоречивый характер. Определяющей ее чертой было, однако, стремление колонизаторов сохранить и даже упрочить африканские обычно-правовые формы. Так, приказ в совете, изданный британской короной 4 апреля 1856 года, среди прочих указаний и требований устанавливал, что «при решении того или иного дела или вопроса, которое касается или возникает из каких-либо отношений с туземцами вышеупомянутых подзащитных территорий, местным обычаям данных территорий необходимо уделять справедливое внимание»²⁷³. В другом документе – Хартии британской Восточноафриканской компании от 3 сентября 1888 года говорилось: «При отправлении компанией правосудия в отношении населения своей территории или каких-либо ее жителей, тщательное внимание должно уделяться обычаям и законам группы, племени для народа, к которым стороны соответственно принадлежат, особенно когда речь идет о держании, владении, передаче или распоряжении землями и имуществом, наследовании по завещанию или

²⁷³ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 189.

без завещания, браку, разводу и узаконению, а также другим имущественным или личным правам»²⁷⁴.

В ряде случаев британские колониальные власти шли даже на то, чтобы зафиксировать африканские обычно-правовые нормы в различных записях, документах и своеобразных кодексах. «Мы надеемся, что после приобретения некоторого опыта при сотрудничестве департамента по туземным делам с районными комиссарами можно будет составить краткий кодекс туземного права и процесса, который, несомненно, принесет огромную пользу вождям и комиссарам и будет сильно способствовать установлению единообразия в праве и в его отправлении», — отмечалось в докладе королевской комиссии по Сьерра-Леоне от 21 января 1899 года²⁷⁵. Подчеркивая значение рассматриваемого аспекта политики британских колониальных властей по отношению к африканскому обычному праву, А. Эллотт пишет: «Хотя введение западных юридических систем в Африку кажется наиболее заметным и значительным последствием европейского правления, сознательное сохранение по мотивам или стратегической политики, или инерции большей части африканского обычного права является, в конце концов, быть может, не менее важным»²⁷⁶.

На практике африканское обычное право не представляло собой единого свода обычно-правовых норм. Оно состояло из множества самых различных систем, которые были в значительной степе-

²⁷⁴ Цит. по: *Allott A. New Essays in African Law*, p. 130.

²⁷⁵ *British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 55*, p. 105.

²⁷⁶ *Allott A. The Future of African Law. — In: African Law: Adaptation and Development. Berkley-Los-Angeles, 1965*, p. 221.

ни племенными по происхождению и действовали обыкновенно лишь в пределах территории, занимаемой племенем. Совокупность всех этих систем и подразумевалась в таких употреблявшихся в документах и юридических актах британских колониальных властей терминах, как «местное обычное право», «туземный закон и обычай» и т.д. Вместе с тем британские колонизаторы, используя указанные выше формулировки, как правило, имели в виду также в распространенное в ряде местностей на территории Тропической Африки мусульманское право²⁷⁷, несмотря на его специфический характер²⁷⁸. В некоторых юридических актах, изданных колониальной администрацией, прямо говорилось, что «туземное право и обычай включают в себя мусульманское право»²⁷⁹. Реорганизуя традиционную судебную систему, британские колониальные власти зачастую возлагали на одни и те же суды обязанность отправлять как мусульманское право, так и местное обычное право. По замечанию английского правоведа Дж. Андерсона, «выбор права в таких случаях зависит от религии сторон, характера дела и познаний судей. Почти неизбежно поэтому, что решение, как правило, представляет собой компромисс между мусульманским правом, с одной стороны, и обычным правом, с другой»²⁸⁰.

²⁷⁷ См. о распространении мусульманского права в Африке работу: *Anderson J.H.D. Islamic Law in Africa. London, 1954.*

²⁷⁸ См.: *Садагдар М.И. Основы мусульманского права. М.: УДН, 1968.*

²⁷⁹ Цит. по: *Park A. Op. cit., p. 65.*

²⁸⁰ *Anderson J.H.D. The Adaptation of Muslim Law in Sub-Saharan Africa. — In: African Law: Adaptation and Development, p. 155.*

Мотивы, которыми руководствовались британские колонизаторы, стремясь к сохранению африканского обычного права, в том числе и норм мусульманского права, имели прежде всего политический смысл. По замыслу британских властей в Тропической Африке, опора на местную знать и на обычное право должна была придать им в глазах африканского населения надлежащий авторитет и тем самым способствовать распространению британского политического контроля и влияния. «Мое единственное желание, — сообщал 20 декабря 1869 года. Администратор Золотого Берега А. Кеннеди, — это видеть наше влияние на туземцев, поддерживаемое и расширяемое путем строгого и отеческого отправления правосудия, лишённого юридического формализма и расходов, уважающего туземные традиции и обычаи, насколько это может быть совместимо с первичной целью, находящийся в поле зрения»²⁸¹. Если отвлечься от напыщенной и лицемерной фразеологии данного донесения британского чиновника, то нетрудно обнаружить основную цель британских властей в Золотом Береге — расширить сферу британского политического господства в этой колонии, используя главным образом формы косвенного управления с помощью племенных вождей и норм обычного права.

При организации в Африке системы колониальных судов британские власти быстро пришли к пониманию того, что привлечь африканское население в эти суды можно будет лишь с помощью африканского обычного права. В 1872 году в приложении к Меморандуму о праве, действующем в фортах и поселениях Ее Величества на Золотом Береге» откровенно говорилось, что «если

²⁸¹ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 626.

английский магистрат будет терпеливо и добросовестно выполнять свои обязанности, туземцы, кроме тех, которые извращены внешним и исключительным воздействием, станут обращаться со спорами в большинстве случаев в его суд, а не в свои собственные суды. Он приобретет значительный авторитет, если при рассмотрении юридических вопросов ассоциирует себя с вождями своего дистрикта, как с помощью информации о туземных обычаях и стилях мышления, которые необходимо изучать, так и посредством обеспечения с их стороны доброжелательности и содействия в наиболее важной части своих обязанностей, относящихся к подавлению преступлений»²⁸².

Свидетельством того, что при сохранении африканского обычного права колонизаторы заботились в первую очередь об обеспечении собственных интересов в Африке, а не о благополучии местного населения, служит лицемерное заявление Генерального Атторнея А. Макгривера в дебатах в законодательном совете Кении в 1930 году по поводу билля о «туземных трибуналах»: «Я полагаю, что не столь важно дать туземцу правосудие, сколь заставить его понять, что он получает правосудие, также и чрезмерное следование формальностям, хотя оно и может воплощать в себе то, что в глазах британского суда рассматривалось бы как строго отправление правосудия, никоим образом не представляется желаемым состоянием дел, когда мы сталкиваемся с туземным обществом»²⁸³.

²⁸² British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 621.

²⁸³ Цит. по: *Morris H.F. and Read J.S. Indirect Rule and the Search for Justice.* Oxford, 1972, p. 168.

Важным мотивом проводившейся британскими колонизаторами политики сохранения и поддержания африканского обычного права было желание предотвратить разложение родоплеменного строя африканских народов и тем самым воспрепятствовать развитию в колониях национально-освободительного движения. Видный идеолог колониализма, губернатор Нигерии лорд Д. Камерон писал в 1926 году: «Если мы сохраним племенную власть, постепенно очищая местное право и обычаи от всех несоответствий справедливости и морали, построив систему управления делами племени его наследственными правителями и их советниками в соответствии с туземным обычаем, мы немедленно предоставим туземцам участие в управлении страной на основе, которая им самим понятна. Положение данное таким образом вождям, будет ревниво оберегаться ими и их людьми от возможного натиска европеизированных туземцев, стремящихся добиться контроля над страной... В то же время мы построим оплот против политических агитаторов... Мы предотвратим социальный хаос, который произойдет, если каждый туземец будет делать, что ему нравится до тех пор, пока не столкнется с законом»²⁸⁴. Возможность использования местного обычного права в целях сохранения племенного сепаратизма и раздробленности предусматривалась и юридическими актами, издаваемыми колониальной администрацией. Так, статья 19 изданного в 1947 году в Танганьике ордонанса о «туземной власти» «в целях запрещения, ограничения или регулирования миграций туземцев из местностей, находящихся в ведении

²⁸⁴ Цит. по: *Синицына И.Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. М.: Наука, 1978, с. 92.

туземных властей» предоставляла последним право «издавать с одобрения губернатора обязательные для туземцев соответствующие устные и письменные приказы, используя для этого любое действующее туземное право или обычай, не противоречащие морали или справедливости»²⁸⁵.

Официальное признание британскими властями в качестве действующих в африканских колониях норм местного обычного права закреплялось в первую очередь включением традиционных судов, специально предназначенных для их отправления, в общую колониальную судебную систему. Вместе с тем оно закреплялось также введением обычного права в сферу юрисдикции британских судов в колониях — судов магистратов и верховных судов. Законодательные акты, определявшие порядок организации и деятельности указанных судов, специально предусматривали для них возможность применять в соответствующих случаях нормы обычного права. Так, изданный в 1876 году в колонии Золотой Берег Ордонанс о верховном суде в статье 19 устанавливал: «Ничто в настоящем ордонансе не должно лишать верховный суд правомочия рассматривать и проводить рассмотренное в жизнь или лишать какое-либо лицо преимуществ любого права или обычая, существующего в колонии; такое право или обычай не должны противоречить естественному правосудию, справедливости и доброму сознанию или быть несовместимыми, прямо или через посредство необходимо подразумеваемого, с каким-либо актом колониальной

²⁸⁵ Цит. по: *Сунатаев М.А.* Национальное развитие и обычное право в Восточной Африке. – В кн.: *Правовое регулирование национальных отношений.* М.: Наука, 1980, с. 127.

легислатуры, существующим на момент вступления в силу данного ордонанса или могущим вступить в действие после этого»²⁸⁶. Подобным образом санкционировалось африканское обычное право и в других британских колониях Западной Африки. В Сьерра-Леоне, к примеру, вышеуказанное положение предусматривал ордонанс о юрисдикции судов протектората № 6 от 1903 года.

В Центральной и Восточной Африке официальное признание обычного права и включение его в круг тех правовых форм, в соответствии с которыми должны были строить свою деятельность британские колониальные суды, осуществлялось, как правило, посредством приказов в совете. «Во всех делах, гражданских и уголовных, в которых сторонами выступают туземцы, каждый суд должен руководствоваться туземным правом, в той мере, в какой оно применимо и является не противоречащим правосудию и морали или несоответствующим какому-либо приказу в совете или ордонансу», — объявлял приказ в совете 1902 года для Уганды²⁸⁷. Подобные формулы, предписывающие судьям руководствоваться обычным правом, содержались в Приказе в совете 1902 года для Британской Центральной Африки, статья 20; Приказе в совете 1920 года для Танганьики, статья 24; Приказе в совете 1921 года для Кении, статья 7.

В целом в системе правовых норм, действовавших в британских колониях в Африке, обычное право занимало, безусловно, подчиненное положение, а в некоторых сферах, имевших первосте-

²⁸⁶ Цит. по: *Allott A. New Essays in African Law*, p. 123.

²⁸⁷ Цит. по: *Haydon F.S. Law and Justice in Buganda*. London, 1960, p. 25.

пенное политическое значение, было полностью вытеснено нормами английского права. В результате действие его ограничивалось по существу областью семейных и земельных отношений. Многие уголовно-правовые обычаи британские колониальные власти стремились искоренить. Интересы поддержания колониального политического господства требовали, чтобы более или менее серьезные преступления наказывались на основе норм права метрополии или колониального законодательства²⁸⁸.

Как правило, африканское обычное право рассматривалось в британских колониальных судах в качестве факта, который должен был доказываться. На это специально указал в 1916 году Тайный Совет Великобритании: «В деле, решаемом целиком по обычному праву, оно должно доказываться в первой инстанции посредством вызова свидетелей, знакомых с туземными обычаями, до тех пор, пока отдельные обычаи не станут в результате частых доказываний в судах столь известными,

²⁸⁸ В 1895 г. в колонии Золотой Берег старейшины одного из племен приговорили к казни несколько членов племени, совершивших преступления. Данный акт отвечал интересам племени и был проведен с соблюдением всех необходимых обычнорядовых норм, однако старейшины за его осуществление были привлечены британскими властями к уголовной ответственности по нормам английского права за убийство. Как замечает Р. Зейдман, комментируя этот факт, «настоящее преступление старейшин заключалось в том, что проведением судебного разбирательства и наказанием преступников они покушались на монополию имперской государственной власти». (Africa and Law. Developing Legal Systems in Africa Commonwealth Nations. London, 1968, p. 15).

что суд примет их во внимание»²⁸⁹.

Тем не менее, введение африканского обычного права в сферу юрисдикции британских колониальных судов порождало коллизию его норм с нормами английского права, иначе говоря, ставило перед судьями проблему выбора права. Данная проблема возникала в двух основных категориях дел: 1) в делах, где обеими сторонами выступали «туземцы» и 2) в делах, где в качестве одной из сторон выступал «туземец», а другой – европеец. В делах, в которых обеими сторонами выступали европейцы, вопрос о применении норм обычного права, естественно, не мог возникнуть.

Во всех британских колониях в Тропической Африке проблема выбора права решалась в принципе одинаково. В делах, где обеими сторонами являлись «туземцы», применению, по общему правилу, подлежало обычное право. Это общее право предусматривалось в первую очередь в самом колониальном законодательстве. Так, в уже упоминавшейся статье 19 ордонанса о верховном суде колонии Золотой Берег говорилось, что «туземные законы и обычаи должны применяться в случаях и спорах, где в качестве сторон выступают туземцы колонии и в особенности, но без отказа от их применения в других делах, в случаях и спорах, касающихся брака, владения и передачи недвижимой и движимой собственности, наследования и завещательных распоряжений»²⁹⁰. Вместе с тем данное правило было подтверждено и в судебной практике. В качестве примера может служить нигерийское дело *Labinjoh v.*

²⁸⁹ Цит. по: *Ollenu N.* Op. cit., p. 28.

²⁹⁰ Цит. по: *Allott A.* New Essays in African Law, p. 123.

Abake (1924), в котором девушке-африканке в возрасте семнадцати лет был предъявлен иск о взыскании долгов. Окружной суд, рассматривавший это дело, решил, что к ответчике применим английский статут 1874 года о несовершеннолетних, согласно которому лица, не достигшие совершеннолетия, не несут ответственности по долговым обязательствам. Сомнение у судей вызвало только одно — следует ли принять английское определение «несовершеннолетнего» или же обратиться к соответствующему определению по африканскому обычному праву. Верховный суд, в который затем поступило это дело, поставил однако иной вопрос: почему, собственно, данное дело должно решаться по английскому праву, а не по местному обычному праву. В связи с этим Верховный суд указал: «Общее правило заключается в том, что туземное право и обычай, применимо в деле, находящемся на рассмотрении, и если при этом данное право и обычай не являются противоречащими естественному правосудию, справедливости и доброму сознанию или несовместимыми с каким-либо местным ордонансом, и если стороны не выразили своего намерения, чтобы обязательства по сделке регулировались английским правом, дело, находящееся на рассмотрении, должно решаться в соответствии с таким туземным правом и обычаем»²⁹¹. Дело, поступившее в Верховный суд, подходило под категорию дел, к которым было применимо «туземное право и обычай». В соответствии с нормами последнего и было вынесено окончательное решение.

Формулируя общее правило относительно выбора права в делах, где обеими сторонами выступали туземцы. Колониальное за-

²⁹¹ Цит. по: *Park A. Op. cit.*, p. 105.

конодательство предусмотрено два исключения. «Ни одна из сторон не будет иметь правомочия требовать преимуществ какого-либо местного права или обычая, если окажется, или из точно выраженного договора или из природы сделок, по которым возник тот или иной иск или спор, что данная сторона согласна на то, чтобы ее обязательства, связанные с такими сделками, регулировались исключительно английским правом», — устанавливал ордонанс о верховном суде, изданный в колонии Золотой Берег²⁹². Таким образом, первое исключение, когда к спорам между «туземцами» вместо обычного права применялось английское право, предполагало наличие согласия сторон на применение последнего. Примером может служить дело *Griffin v. Talabi*, рассмотренное в 1948 году Западноафриканским Апелляционным судом. Истец получил от своего вождя в связи с продажей земельного участка документ, составленный по форме английского права и содержащий следующее положение: «Мы готовы передать покупателю вышеназванный участок земли в любое время, когда он скажет и без отсрочки». По английскому праву составление данного документа не означало еще передачи земли, и в действительности последующее поведение сторон указывало, что они понимали значение предусмотренного в документе положения. Тем не менее, британский колониальный суд, первоначально рассматривавший это дело, пришел к мнению, что, поскольку стороны являются «туземцами», сделка должна быть признана действительной по обычному праву. Западноафриканский Апелляционный суд отверг данный аргумент и определил правомочия сторон на основании норм английского

²⁹² См.: *Allott A. New Essays in African Law*, p. 123.

права. По его мнению, стороны сознавали и желали, чтобы их сделка регулировалась английским правом²⁹³.

Важно отметить, что согласие сторон, дающее судьям основание применять к «туземцам» английское право, трактовалось в соответствии со сложившейся судебной практикой как относящееся лишь к определенной конкретной сделке, а поэтому не распространялось судами на последующие сделки. В качестве иллюстрации приведем дело, возникшее в 1951 году в колонии Золотой Берег. Три брата совместно владели по обычному праву участком земли. Спустя некоторое время колониальная администрация приобрела в принудительном порядке часть принадлежавшей им земли, выплатив старшему брату денежную компенсацию. На полученные деньги старшему брату денежную компенсацию. На полученные деньги старший брат купил отрезок земли, оформив при этом сделку с согласия остальных братьев по нормам английского права. Впоследствии, однако, на этот раз уже без согласия братьев, он продал данный земельный участок. В деле, которое рассматривалось Западно-Африканским Апелляционным судом, младшие братья отстаивали свои правомочия по обычному праву. Ответчик — старший брат — оправдывался тем, что поскольку земля с согласия его братьев была приобретена им по сделке в форме английского права, постольку правомочия по обычному праву, которые в настоящее время они желали подтвердить, оказались тем самым аннулированными. Апелляционный суд, однако, не согласился с таким доводом и удовлетворил иск младших братьев, указав при этом, что согласие на совершение сделки с земельным участком по английскому праву относится лишь к этой отдельной, конкретной

²⁹³ См.: *Park A. Op. cit.*, p. 106.

сделке и не может быть распространено на последующие сделки с данным земельным участком с тем, чтобы они также регулировались нормами английского права²⁹⁴.

Второе исключение к общему правилу, согласно которому споры между «туземцами» должны регулироваться местным обычным правом, связано с природой сделки и состоит в том, что там, где сделка по своей природе неизвестна обычному праву, применяется английское право. Данная ситуация может быть проиллюстрирована нигерийским делом *Okolie v. Ibo* (1958). В указанном случае имел место спор между «туземцем» – членом племени Ибо, владевшим бензоколонкой и другим «туземцем», владельцем грузовика, по поводу продажи бензина. Региональный Апелляционный суд Северной Нигерии, рассматривавший этот спор, установил, что ввиду «соответствующих занятий и природы сделки между ними» к сторонам по делу не может быть применено ни их персональное право, ни мусульманское право. Суд пришел к выводу, что к данным договорным отношениям применимо английское право²⁹⁵.

Среди дел между «туземцами», в которых колониальными судами применялись нормы английского права, большой спецификой отличались споры о наследовании. Устанавливая общие правила для решения проблемы выбора права, колониальное законодательство концентрировало все внимание исключительно на личности или поведении одной или обеих сторон в том или ином споре.

²⁹⁴ См.: *Park A. Op. cit.*, p. 106-107.

Целый ряд примеров подобных судебных решений приводит также В. Даниельс. См.: *Daniels W. Op. cit.*, p. 378.

²⁹⁵ См.: *Africa and Law. Developing Legal Systems in African Commonwealth Nations*, p. 14.

Однако в делах о наследовании основное значение для решения указанной проблемы имели личность и поведение не сторон, а наследодателя. Если умерший оставлял завещание в форме, предписанной английским нормам. В качестве наиболее типичного примера можно привести дело *Apatira v. Akanke* (1944), возникшее в связи с завещанием, которое было в целом составлено в форме, предусмотренной английским правом, но имело один технический изъян, делавший его недействительным по английскому статуту о завещании 1832 года. Несмотря на наличие в завещании погрешности в оформлении, суд в конце концов принял решение применить английское право. Основанием для такого решения послужило то, что умерший совершенно ясно выразил свое желание, чтобы наследство было распределено согласно нормам английского права²⁹⁶.

Решение проблемы выбора права в делах о наследовании нередко зависело не только от формы завещания умершего, но и от того, в какой форме брака он состоял — в браке по местному обычному праву или в браке по английскому праву. Так, в колонии Золотой Берег «туземец», заключивший брак по английскому праву, мог делать завещание, согласно Брачному ордонансу 1884 года, только в соответствии с положениями английского права. Если же он тем не менее составлял свое завещание в соответствии с обычным правом, то суд рассматривал его как умершего без завещания²⁹⁷. О порядке распределения имущества лица, не

²⁹⁶ См.: *Park A.* Op. cit., p. 109.

²⁹⁷ См.: *Daniels W.* Op. cit., p. 386.

оставившего после себя завещания, в указанном Брачном ордонансе говорилось следующее: «Когда какое-либо лицо, подчиняющееся туземному праву и обычаю, заключает брак в соответствии с положениями Брачного ордонанса и умирает без завещания, оставив вдову или мужа или какое-либо потомство от такого брака, движимое имущество этого умершего, а также любое недвижимое имущество, которым бы он мог распорядиться посредством завещания, должны быть распределены в соответствии с положениями права Англии, относящимися к распределению движимого имущества умирающих при отсутствии завещания»²⁹⁸. Подобным же образом решался рассматриваемый вопрос и в некоторых регионах Нигерии, однако в Сьерра-Леоне имущество сторон, состоявших в моногамном браке, при условии, что они были «туземцами», подлежало во всех случаях распределению по местному обычному праву²⁹⁹.

В следующей основной категории дел, а именно: в делах, где в качестве одной из сторон выступал «туземец», а в качестве другой – европеец, применению, по общему правилу, подлежало английское право. Так, в 1934 году в колонии Золотой Берег африканец-плотник обратился в суд с иском о расторжении своего контракта с европейской компанией. Компания для защиты своих интересов обратилась к положениям английского права. Истец в ответ выдвинул возражение против применения к нему норм английского права, ссылаясь на то, что он африканец. Западноафриканский Апелляционный суд, рассматривавший это дело, отклонил иск африканца, указав при этом, что, согласно правилу, в делах,

²⁹⁸ Цит. по: *Daniels W. Op. cit.*, p. 385.

²⁹⁹ См.: *Ibidem*, p. 384.

где одной из сторон выступает европеец, должно применяться именно английское право³⁰⁰.

Применение в таких делах во исключение общего порядка норм обычного права могло иметь место лишь в случае, когда суд приходил к мнению, что «строгое следование нормам английского права причинит обеим сторонам существенный ущерб»³⁰¹. Пример подобного случая – дело *Adjei v. Ripley*, рассматривавшееся в 1956 году в колонии Золотой Берег³⁰². Если же возникала ситуация, когда стороны терпели ущерб в равной степени как от применения норм английского права, так и африканского обычного права, то применению подлежало английское право, поскольку в этом случае нельзя было сослаться на то, что «следование нормам английского права причинит обеим сторонам существенный ущерб».

Как уже отмечалось, колониальное законодательство предусматривало, что для выбора надлежащей правовой системы необходимо устанавливать факт согласия сторон на применение английского права или же определять природу сделки. На практике, однако, решение этих вопросов во многом зависело от усмотрения суда, а в отдельных случаях было просто невозможным. В 1936 году Западноафриканский Апелляционный суд при рассмотрении одного из дел был вынужден прямо признать, что «из сделки, по которой возникла данная тяжба, суд явно не может установить, что стороны ясно или намеком выразили согласие на то, чтобы

³⁰⁰ См.: *Park A. Op. cit.*, p. 112.

³⁰¹ Цит. по: *Allott A. New Essays in African Law*, p. 123.

³⁰² См.: *Park A. Op. cit.*, p. 112.

их обязательства в связи с такими сделками регулировались английским правом, а не местным обычным правом»³⁰³.

Поскольку характер или природа сделки очень часто не давали четких оснований для решения вопроса о том, какое право применять, постольку колониальные суды прибегали при его решении к «принципам правосудия, справедливости и доброго сознания»³⁰⁴. А это означало по сути дела решение судами проблем выбора права на основании своего собственного усмотрения. Комментируя статью 19 Ордонанса о Верховном суде колонии Золотой Берег, сэр Б. Гриффис в свое время объяснял: «Эти слова показывают, что легислатура вполне сознавала, что она не может установить конкретные правила относительно того, когда туземное право и обычай должны применяться и когда не должны. Она сознавала, что могут возникать непредусмотренные случаи, и соответственно выразили предписание в весьма общих терминах, точно определив один особый класс сделок, в которых туземцы не должны пользоваться преимуществами туземного права и обычая, и предоставив суду в конечном итоге широкие дискреционные полномочия»³⁰⁵.

³⁰³ Цит. по: *Daniels W. Op. cit.*, p. 369.

³⁰⁴ Соответствующее положение ордонанса о верховном суде колонии Золотой Берег гласило: «В случаях, где к какому-либо спорному делу неприменимо ни одно точно выраженное правило, суд должен руководствоваться принципами правосудия, справедливости и доброго сознания». (Цит. по: *Allott A. New Essays in African Law*, p. 123).

³⁰⁵ Цит. по: *Daniels W. Op. cit.*, p. 373-374.

Следует заметить, что вопрос о выборе в судебных спорах норм африканского обычного права или английского права возникал лишь на уровне британских судов. Дело, поступавшее в традиционный суд, должно было рассматриваться только по обычному праву, и лишь тогда, когда по апелляции оно передавалось в вышестоящий суд, его решение могло основываться на нормах английского права.

Официальное признание британскими колонизаторами африканского обычного права, введение его в сферу юрисдикции британских судов в Тропической Африке вполне соответствовало интересам колониальной политики. В определенном смысле оно предоставляло колониальным властям дополнительные возможности для более гибкого осуществления контроля над местным населением.

§ 2. Изменения в африканском обычном праве под воздействием британской колониальной политики

Признание британскими колониальными властями в качестве действующего в африканских колониях местного обычного права сопровождалось попытками приспособить его к интересам английской буржуазии, внести в него необходимые с точки зрения колониальной политики изменения. Свое вмешательство в традиционную юридическую практику и обычаи африканского населения британские колонизаторы лицемерно объясняли желанием поднять это население до уровня цивилизации. Моделью ее считалась, естественно, английская юридическая система. «Я не вижу никаких оснований почему в Африке, стране наиболее нуждающейся в воздействии нашего интеллекта, мы должны отказаться от той моральной власти, которой мы пользуемся в Индии и даже в Европе и Америке, — писал в 1842 году М. Форстер. — Давайте лучше не колебаться в применении нашей высшей власти и знаний для вмешательства в туземные законы и обычаи всякий раз, когда мы полагаем, что можем действовать с пользой, содействуя развитию среди них умеренного и справедливого правительства в формах, соответствующих их обыкновениям и потребностям, и стремясь постепенно поднять их до такого уровня цивилизации, на котором они примут в целом нашу систему законов и политических институтов»³⁰⁶.

Как проявление цивилизаторской миссии в первую очередь изображались те действия британских колониальных властей в Тропической Африке, которые были направлены на искоренение так

³⁰⁶ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 713.

называемых «варварских обычаев» — человеческих жертвоприношений, кровной мести, различных видов ордалий и т.п. «Человеческие жертвоприношения и другие варварские обычаи, такие как паньярринг, являются отвратительными и противоречат праву», — заявлялось в одном из «договоров» британских колониальных властей с африканскими вождями³⁰⁷. Хотя внешне такое вмешательство в африканское обычное право осуществлялось под предлогом «облагораживания» африканского населения, истинный его смысл был другим — обеспечить благоприятные условия деятельности на африканских территориях самих британских колонизаторов. В целях создания необходимого для торговцев, миссионеров и т.д. правопорядка требовалось ограничить практику военных столкновений между африканскими племенами. Запрещением варварских обычаев, в особенности, обычая человеческих жертвоприношений, ликвидировалась значительная часть мотивов этих столкновений.

Подобное значение, соответствовавшее в первую очередь интересам британских колонизаторов, а не самого африканского населения, имели и другие аспекты модификации африканского обычного права. Характеризуя роль «договоров», заключенных губернатором британского поселения Сьерра-Леоне с местными вождями, полковник Р. Орд писал: «Несомненно, что через посредство этих договоров правительство Сьерра-Леоне осуществляет контроль над значительной частью страны, что в ином случае было бы исключено, — контроль, который наиболее полезен в том, что обеспечивает безопасность ее торговли и защиту ее населе-

³⁰⁷ *Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874, p. 298.*

ния, а также позволяет ему вмешиваться в судебные споры между туземцами, **не только для их пользы, но часто для безопасности и спокойствия поселения**»³⁰⁸. (Выделено нами — В.Т.).

Что касается средств воздействия на африканское обычное право, то в первой половине XIX века основная роль среди них принадлежала действовавшим в Африке британским судебным органам. Как писал в 1850 году тогдашний секретарь по колониям Е. Грэй, в результате установления на территориях, примыкающих к фортам Золотого Берега, британской юрисдикции «соседние вожди и племена оказались вынужденными обращаться в значительной мере в британские трибуналы за помощью для наказания преступников и отказаться от своих варварских обычаев»³⁰⁹. В тех случаях, когда вожди на основе запрещенных обычаев, эти суды могли прибегать к прямым насильственным мерам в отношении вождей. Вот что сообщал в 1842 году о своем опыте работы в магистратском суде форта Дикскоув британский судья Ф. Сванзи: «Если бы я услышал о том, что на удалении 50 миль от форта какой-нибудь вождь действует с жестокостью и несправедливостью, я бы направил посыльного для увещевания этого вождя, и у меня нет никакого сомнения, что такое увещевание явилось бы достаточно эффективным для того, чтобы воспрепятствовать повторению данной жестокости и несправедливости»³¹⁰. Вряд ли подобное увещевание вождя бри-

³⁰⁸ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 457.

³⁰⁹ Newbury C.W. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874, p. 559.

³¹⁰ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 29.

танским судьей могло иметь желаемый для последнего эффект, если бы оно не основывалось на военной мощи колонизаторов. Зарубежный исследователь Н. Оллену прямо констатирует, что в определенной степени африканцы принуждались к «уважению» системы английского правосудия «посредством демонстрации британцами своей силы»³¹¹.

Вместе с тем уже в рассматриваемый период британские колонизаторы пытались использовать для внесения в африканское обычное право желаемых для них изменений сами местные традиционные суды. «Мое представление о модели осуществления юридической власти, - писал в 1847 году. Главный судья британского поселения Сьерра-Леоне Б. Пайн, — состоит в том, что рядом с вождем должен сидеть судебный консультант и применять туземное право, модифицируя его там, где оно является противоречащим принципам гуманности, признанным во всем мире, и заставляя вождя по мере того, как обнаруживается, что тот или иной закон является неподходящим, соглашаться на его модификацию»³¹². В отдельных случаях указанный способ подчинения судов обычного права своим интересам проводился британскими колониальными властями на практике. Так, к вождям Золотого Берега назначался в период с 1829 по 1844 год в качестве судебного консультанта Маклин, который облакался при этом «широкой дискреционной властью ассимилировать туземное право и порядки к английским идеям правосудия»³¹³.

³¹¹ *Ollenu N. Op. cit., p. 22.*

³¹² *British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 5, p. 128.*

³¹³ *British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50, p. 462.*

В целом следует отметить, что изменения в африканском обычном праве в первой половине XIX века были незначительными. Воздействие британских колониальных властей на обычное право сводилось по существу к вытеснению из него отдельных традиционных уголовно-правовых норм, замене их более приемлемыми и понятными для британских колонизаторов английскими правовыми институтами и концепциями. При этом большая часть африканского обычного права оставалась вообще вне сферы контроля и влияния колониальных властей. Особенно это касалось гражданско-правовых норм, принципов традиционного землевладения, семейных и наследственных отношений и т.д. Политика британских колониальных властей в Тропической Африке по отношению к местным традиционным судам практически ничего не меняла в характере власти данных судов и в общем их положении, хотя и могла в определенной мере изменять процедуру судебного разбирательства (например, ликвидировать практику ордалий)³¹⁴. Местные традиционные суды не включались еще в рассматриваемый период в общую систему колониальных судов.

При объяснении причин, по которым вмешательство британских колониальных властей в африканскую традиционную юридическую практику не стало в первой половине XIX века действительно всеобъемлющим и глубоким, необходимо учесть прежде всего характер того положения, каковое занимали в указанный период в системе колониальной эксплуатации африканских обществ британским капитализмом африканские традиционные социально-экономические структуры. Эти структуры были привязаны к британскому

³¹⁴ См.: British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2, p. 55.

промышленному капиталу и подчинены ему, но не прямо, а опосредственно — через товарообмен, так что, подвергаясь со стороны этого капитала тому или иному воздействию, они сохраняли тем не менее по отношению к нему определенную автономию. «Спрос на определенные виды сельскохозяйственной продукции Золотого Берега, — пишет советский историк И.И. Потехин, — создавал стимул для расширения производства этих видов продукции, но тогда не было административного вмешательства Англии в экономическую жизнь колонии»³¹⁵.

Один из авторов многотомного исследования «Колониализм в Африке» И. Валерштейн охарактеризовал рассматриваемое положение следующими словами: «Коротко говоря многие части Африки южнее Сахары, особенно Западная Африка, находились в процессе относительно автономного развития, привязанного к европейскому миру ограниченным, но важным способом через посредство купцов или государственных агентов с каждой стороны, которые были, в свою очередь, привязаны, в некотором роде противоречиво, к политическим властям с каждой стороны: в случае с Африкой — к иерархии вождей внутри страны; с европейской стороны — к своим соответствующим правительствам»³¹⁶. При таком построении системы колониальной эксплуатации английская буржуазия не испытывала потребности в широкой модификации африканского обычного права.

Во второй половине XIX века в связи с увеличением вывоза

³¹⁵ Потехин И.И. Цит. соч., с. 41.

³¹⁶ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 5, p. 128.

Wallerstein J. The Colonial Era in Africa: Changes in the social structure. - In: Colonialism in Africa. 1870-1960. Cambridge, 1970, vol. II, p. 402.

в Африку европейского капитала колониальная эксплуатация африканских обществ приобрела качественно новый характер. Связанные с колониальной политикой круги английской буржуазии проявляют теперь заинтересованность в глубоком преобразовании африканских традиционных структур. Начиная с последней четверти XIX века британские колониальные власти стали принимать энергичные меры по осуществлению широкой модификации африканского обычного права.

Главное значение среди такого рода мер имела реорганизация британскими колонизаторами традиционного судопроизводства. Посредством специальных ордонансов (таких, как например, Ордонанс № 5 от 1883 года о туземной юрисдикции колонии Золотой Берег) африканские традиционные суды были включены в общую систему колониальных судов. Прежде всего это означало более непосредственное подчинение традиционных судов целям и задачам британской колониальной политики. Вся их деятельность должна была теперь протекать под прямым, официальным контролем британских колониальных властей. «Британская система предоставила широкие юрисдикционные полномочия туземным судам, однако с самого начала она сделала упор на надзор и возложила эту функцию, главным образом, на административный штат», — писал лорд В. Хэйли, характеризуя новое положение местных судов в Африке³¹⁷. «Насколько я могу судить, туземный суд не проявляет никакой тенденции к превышению власти, предоставленной ему Его Превосходительством на основании положений Ордонанса № 5 от 1883 года о туземной юрисдикции, — сообщал один из чиновников

³¹⁷ *Hailey W.M. African Survey, p. 305.*

колониальной администрации Томпсон секретарю по делам колоний в письме от 2 декабря 1883 года — Мне думается, что при достаточно постоянном надзоре комиссара в течение того времени, пока суд находится в своем становлении, административный округ вождя Анго получит огромную выгоду от действия ордонанса»³¹⁸. Для практического осуществления контроля над традиционными судами губернаторами колоний издавались специальные инструкции.

В качестве примера можно привести инструкцию губернатора колонии Золотой Берег от 12 июня 1883 года: «Чиновник, назначенный для посещения Уассау, должен собирать сведения всякого рода и включать их в доклады, которые ему надлежит время от времени в течение всего периода посещения направлять губернатору. Что касается тех туземных вождей, которым вверены полномочия, устанавливаемые Ордонансом № 5 от 1883 года о туземной юрисдикции в колонии Золотой Берег, то чиновник должен будет наблюдать за производством дел в их судах и сообщать время от времени, не реже одного раза в неделю о том, как они проводят разбирательство дел»³¹⁹.

Включение африканских традиционных судов в общую систему британского колониального управления в Африке придавало их власти принципиально новое основание, а значит принципиально новым делало характер применяемого ими принуждения. Кроме того, войдя в общую систему колониальных судов, традиционные суды стали территориальными, поскольку каждый из них должен был теперь отправлять правосудие в рамках определенных администра-

³¹⁸ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 61, p. 163.

³¹⁹ Ibidem, p. 166.

тивно-территориальных единиц. Британские колониальные власти в Тропической Африке обращали особое внимание на соблюдение вождями территориальных границ своей юрисдикции. Так, в приложении к «Меморандуму о праве, действующем в фортах и поселениях Ее Величества на Золотом Береге от 6 июня 1872 года» специально отмечалось, что «очень важно, чтобы признанные и субсидируемые (британскими властями – В.Т.) вожди ограничили свою юрисдикцию территориальными границами»³²⁰. Указанный характер судов противоречил характеру отправляемых ими обычно-правовых норм, которые всегда были персональными и являлись скорее нормами общины, чем нормами какой-то территории. Следовательно, уже одно включение традиционных судов в общую систему колониальных судебных органов оказывало на африканское обычное право модифицирующее воздействие, усиливая, в частности, степень его обязательности и способствуя его превращению из персонального в территориальное.

Каждому традиционному суду, включенному в общую систему колониальных судов, было вменено в обязанность вести записи разбираемых дел и важнейших судебных решений³²¹. Британские колониальные власти с самого начала стали проявлять особую заинтересованность в том, чтобы данная обязанность надлежащим образом выполнялась традиционными судами. Ряд документов колониального периода свидетельствует о том, что чиновники британской

³²⁰ British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57, p. 622.

³²¹ Как отмечал В. Хэйли, обыкновенно в традиционных судах записывались «имена сторон, краткое содержание иска и правонарушения, а также решение». (Hailey W.M. African Survey, p. 306).

администрации пытались энергично реагировать на случаи, когда указанные записи не велись. «Процессы в туземных судах не записываются, так что единственным источником информации остается память сторон, присутствующих или заинтересованных», — писал 23 июля 1883 года инспектор Дадлей помощнику Колониального Секретаря по туземным делам³²². В другом письме — от 2 декабря 1883 года теперь уже самому Секретарю по делам колоний, сообщалось: «Приблизительно неделю назад в суд был назначен клерк, туземец из Кэйп Коуст, который получил определенное образование и способен писать и говорить по-английски правильно. Вплоть до настоящего времени никакой записи процессов в туземном суде не велось, из Кэйп Коуст послано несколько чистых книг, и я отдал клерку приказ немедленно начать запись дел»³²³. Ведение в традиционных судах записей дел и важнейших судебных решений также оказывало на африканское обычное право целенаправленное и желательное, с точки зрения колониальных властей, воздействие — на этот раз в сторону превращения его из неписаного в писаное.

Немаловажные последствия для африканского обычного права имела проводившаяся британскими колониальными властями в начале XX века реорганизация состава африканских традиционных судов, включенных в колониальную судебную систему. «Туземные трибуналы предусматриваются еще в ордонансе о судах 1907 г., — писал Л. Майер. — Теоретически они должны образовываться в соответствии с туземным правом и обычаем, однако на практике это, по

³²² British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 61, p. 170.

³²³ Ibidem, p. 162.

всей видимости, строго не соблюдается. Есть сообщение, что в Северном Кавирондо (местность в Кении – *В.Т.*) пришлось развернуть определенную пропаганду для того, чтобы побудить население к обращению в трибуналы, во главе которых не стоят вожди»³²⁴.

Как отмечает Т. Элиас, в XX веке по мере укрепления колониального режима британские власти все чаще старались назначать для работы в традиционных судах африканцев, обладавших определенными знаниями элементов английского права и процесса³²⁵. Как правило, это были лица, служившие в качестве младших чиновников в центральных органах британской колониальной администрации в Африке. «Усиливавшееся в административной политике стремление отстранить вождей, насколько можно раньше, от чисто юридической работы и освободить их для выполнения актуальных задач местного управления стимулировало процесс перемещения этих младших чиновников из центрального правительства в статутные туземные суды»³²⁶.

Такого рода реорганизация состава традиционных судов не могла не повлечь за собой более или менее широкого внедрения этими судами в африканское обычное право элементов английского права. «Все это время, — пишет Р. Оллenu, — происходило неудержимое взаимопроникновение двух систем права, изменение обычаев в соответствии с общими принципами английского права»³²⁷. В докладе комиссии, проверявшей в 1952 году работу «туземных судов» западных провинций Нигерии, прямо констатировалось, что

³²⁴ *Maier L. Native Policies in Africa*, p. 95-96.

³²⁵ См.: *Elias T. The Nature of African Customary Law*. Manchester, 1956, p. 279.

³²⁶ *Ibidem*.

³²⁷ *Ollenu N. The Influence of English Law on West Africa*, p. 26.

«в этих судах в действительности мало что осталось от традиционной процедуры»³²⁸. Ф. Аджаи, специально исследовавший рассматриваемый вопрос, делает следующий вывод: «Так, типично английские формы гражданских исков, подобно искам об объявлении титула, возмещении ущерба при правонарушении и о предписании рано ли поздно ли стали распространённой практикой в туземных судах»³²⁹.

Модификации африканского обычного права в традиционных судах в значительной степени способствовало вовлечение африканского населения в новые, неизвестные ему прежде сферы социальной активности, открывшиеся для него в результате прихода в Африку европейских колонизаторов. Самым главным здесь было то, что отношения между африканцами все в большей мере начинали строиться на основе договоров, в то время как сформировавшееся в доколониальный период африканское обычное право предполагало построение общественных отношений преимущественно на основе социальных статусов, а не договоров³³⁰. Возникавшее

³²⁸ Цит. по: Ajayi F. The Interaction of English Law with Customary Law in Western Nigeria. – In: Journal of African Law. Vol. 4, № 1, 1960, p. 43.

³²⁹ Ibidem.

³³⁰ Американский юрист М. Глукман, характеризуя это состояние, пишет: «Большинство сделок, в которые вовлечены мужчины и женщины, не являются отдельными, единичными сделками, охватывающими обмен товарами или услугами между чужаками. Вместо этого мужчины и женщины владеют землей и другим имуществом и обмениваются товарами и услугами как члены иерархии политических групп и как родственники. Люди связаны в сделках друг с другом в силу предшествующих отношений статусов между ними». (Gluckman M. Politics, Law and Ritual in Tribal Society. New York, 1968, p. 78).

в связи с этим противоречие могло быть разрешено только путем внесения в африканское обычное право соответствующих изменений. «Повсюду в колониях туземные суды являются главными агентами, посредством которых туземный обычай приспособляется к потребностям новых условий, стоящих теперь перед туземным обществом, — констатировал В. Хэйли. — На некоторых территориях туземным властям предоставлена возможность вносить на основании своих нормотворческих полномочий изменения в туземный обычай. Однако на практике изменения осуществляются чаще всего решениями туземных судов. Процесс нередко включает в себя вступление в сферу, в которой обычное право само по себе не дает никаких прецедентов. Так, туземные трибуналы в прошлом поколении не могли иметь никакого установленного обычая относительно договоров продажи, соглашений о найме, выплате процента и т.д.³³¹»

Кроме традиционных судов действенным средством воздействия на африканское обычное право стали с последней четверти XIX века британские колониальные суды — суды магистратов и верховные суды. Облекая эти суды правомочием руководствоваться в соответствующих случаях африканским обычным правом, колониальное законодательство наделяло их такой свободой обращения с данным правом, которая на практике неизбежно влекла за собой

³³¹ *Hailey W. Native Administration and Political Development in British Tropical Africa. S.L., 1944, p. 30.*

модификацию многих его норм. Так, приказ в совете 1902 года для Уганды определял, что каждый суд должен решать дела, в которых сторонами выступают «туземцы», «в соответствии со строгой справедливостью без чрезмерного внимания к формальностям и без чрезмерного промедления»³³².

Одним из важных средств воздействия британских колониальных судов на африканское обычное право стало предоставленное им в законодательном порядке правомочие отвергать или изменять обычно-правовые нормы под предлогом того, что они противоречат «справедливости и морали». По словам Дж. Рида, «из всех ограничений, которые были установлены в колониальный период в связи с применением обычного права, критерий противоречия «справедливости и морали» был потенциально наиболее разрушающим»³³³. Так как африканские обычно-правовые нормы соответствовали традиционному чувству справедливости и морали африканского общества, то очевидно, что в качестве стандарта нравственной оценки обычного права предлагалась европейская — и в частности, британская буржуазная «справедливость» и мораль. В некоторых судебных решениях данное обстоятельство прямо признавалось. «У меня нет никакого сомнения в том, что единственным стандартом справедливости и морали, который британский суд в Африке может применить, является его собственный британский стандарт», — заявил в 1938 году один из членов Высокого суда Танганьики³³⁴.

³³² Цит. по: *Haydon E.S.* Op. cit., p. 25.

³³³ *Morris H. and Read J.* Indirect Rule and the Search for Justice, p. 175.

³³⁴ *Ibidem*, p. 177.

На практике критерий противоречия «справедливости или морали» (или же в другой формулировке — «естественному правосудию, справедливости и доброму сознанию») применялся в самого различного рода делах. В 1932 году в деле *Edet v. Essian* окружной суд в Нигерии отверг как противоречивый «естественному правосудию, справедливости и доброму сознанию» местный обычай, который требовал, чтобы ребенок, рожденный женщиной от второго мужа (не платившего никакого выкупа за жену) после того, как она оставила первого мужа (платившего выкуп за жену), принадлежал тем не менее первому мужу³³⁵. В 1949 году в гражданском деле № 163/48 Верховный суд Сьерра-Леоне признал противоречащим «справедливости» основанное на обычном праве притязание на землю, находившуюся во владении ответчика в течение 22 лет при молчаливом согласии на то истца³³⁶.

Сравнивая деятельность британских судов в Тропической Африке с деятельностью местных традиционных судов, мы должны заметить, что в силу ряда обстоятельств роль первых в модификации африканского обычного права была меньшей. Такое положение обуславливалось прежде всего тем, что высшие судебные инстанции колониальной юридической системы имели более слабый контакт с обычным правом, чем низшие. В самом колониальном законодательстве подчеркивалось, что местные традиционные суды облакаются полномочием «отправлять» обычное право, а верховные суды и суды магистратов призываются лишь «руководствовать-

³³⁵ См.: *Elias T. Groundwork of Nigerian Law*, p. 13.

³³⁶ См.: *The African Law Reports. Sierra-Leone series. 1937-1949*, p. 411.

ся» им в гражданских и уголовных делах, в которых сторонами выступали «туземцы».

Особенно слабым был контакт высших судов с обычным правом в колониях Восточной Африки. Так, один том нигерийского сборника судебных решений (Nigerian Law Reports) содержал больше случаев, касавшихся обычного права, чем все серии сборников судебных решений Кении, Уганды или Танганьики (Kenya, Uganda, Tanganyika Law Reports)³³⁷. Немаловажное значение здесь имело то обстоятельство, что в Кении и Танганьике в отличие от колоний Западной Африки и Уганды апелляции из «туземных» судов поступали не в верховные суды, а в специально созданные для этого административные трибуналы, в которых не сложилось такой организованной практики составления сборников судебных решений, каковая существовала в британских судах. Применительно же к Буганде следует учесть еще и тот факт, что бугандийские суды обычного права обладали расширенной исключительной юрисдикцией, т.е. могли по весьма большому числу дел выносить окончательные решения без права сторон обращаться с апелляцией в вышестоящие британские суды³³⁸.

На практике наиболее сильному воздействию со стороны британских судов подвергалась сфера африканских традиционных земельно-правовых отношений. Не обращая внимания на обычно-правовые концепции коллективного землевладения, британские суды в Тропической Африке рассматривали земельные участки в качест-

³³⁷ См.: *Morries H. and Read J. Indirect Rule and the Search for Justice*, p. 181.

³³⁸ См.: *Ibidem*, p. 182.

ве объекта права частной собственности, как это делали суды в Англии. Основываясь на нормах английского права, позволявших изымать землю у должников в целях погашения их долгов, колониальные суды конфисковали общинную землю и продавали ее отдельным лицам во исполнение решений об уплате долгов. Как указывает английский исследователь А. Мэкфи, «земля, отчужденная таким образом, использовалась как бесспорная частная собственность»³³⁹.

Поскольку основным субъектом африканского традиционного землевладения выступала семья, постольку обычное право не признавало приобретения полномочий на земельные участки в результате истечения определенного времени. Британские же суды с самого начала своей деятельности на африканском континенте стали признавать приобретение титула на землю в результате давности владения. Так, например, в возникшем в 1878 году в судебной практике колонии Золотой Берег деле *Bayaidu v. Mensah* было решено, что если другие члены семьи требуют подтверждения своих прав на земельный участок, проданный без их согласия индивиду — не члену семьи, и при этом прошло более четырнадцати лет с момента продажи, то их требования, которые, если бы не прошел данный срок, были бы удовлетворены, в данном случае должны быть отклонены³⁴⁰.

Интересным примером в связи с этим представляется также дело *Rafat v. Ellis* (1954), где семья предъявила иск к одному

³³⁹ *McPhee A. Op. cit.*, p. 163.

³⁴⁰ См.: *Elias T. Ghana and Sierra-Leone. The Development of their Laws and Constitution*, p. 167.

из своих членов о признании своих прав на земельный участок, который был им продан частным образом в целях погашения личных долгов. Хотя с момента продажи прошло всего три года, британский суд отклонил иск семьи. Основанием для такого решения послужило то обстоятельство, что лицо, купившее данный земельный участок, возвело на нем за прошедшее время дом. Предъявившим иск членам семьи было известно о факте строительства дома, однако ни единого слова протеста с их стороны не поступало³⁴¹.

В результате систематического воздействия британских колониальных судов на африканское обычное право в нем произошли существенные изменения. В частности, земельные отношения по обычно-правовым нормам стали характеризоваться твердо установленными правомочиями владельца земли на продажу участка, его заклад, сдачу в аренду и т.п. Об этом свидетельствуют в первую очередь сами судебные решения. Например, в нигерийском деле *Lewis v. Bankole* (1909) констатировалось следующее: «Идея отчуждаемости земли была, несомненно, чужда туземным идеям в прежние дни, но установилась в результате соприкосновения с европейскими концепциями; сделки по английскому праву получили в настоящее время всеобщее применение»³⁴². В решении же по делу *Karidi Balogun v. Tijani Balogun*, вынесенному в 1943 году в Лагосе, было отмечено: «Как показывают исторические факты и судебные решения, в наши дни слишком поздно говорить, что семейное имущество по туземному праву и обычаю является неот-

³⁴¹ См.: *Elias T. Ghana and Sierra-Leone. The Development of their Laws and Constitutions*, p. 167.

³⁴² Цит. по: *Daniels W. Op. cit.*, p. 356.

чуждаемым»³⁴³. Об итогах воздействия колониальной политики и в том числе деятельности колониальных судов на африканское обычное право сообщалось в многочисленных докладах чиновников колониальной администрации. Так, подготовленный в 1945 году доклад А. Филлипса «О туземных трибуналах в колонии и протекторате Кения» содержал следующий вывод: «Основания туземного права подорваны во всех отношениях. Во-первых, глубоко нарушена и изменена социальная система, на которой оно базируется. Приобретает почву индивидуализм. Установлено централизованное управление. Во-вторых, современные условия вообще и учреждение постоянных централизованных судебных органов, в особенности, делают необходимой кристаллизацию туземного права в твердый кодекс норм, предполагающий ясное различие между правом и обычаем, необеспечиваемым применением принуждения»³⁴⁴.

На глубокую деформацию африканского обычного права в колониальный период обращают внимание также советские исследователи. «Особенно существенное воздействие система косвенного управления оказывала на обычное право народов страны, — отмечает В.К. Карпов. — Под воздействием колониализма в Танганьике появилось новое общество, сочетавшее в себе элементы быта, культуры, обычаев и традиций доколониального времени и элементы нового, внесенного колониализмом — европейской культуры, быта, капиталистического образа жизни и мышления»³⁴⁵. О «качественно

³⁴³ Цит. по: *Integration of Customary and Modern Legal Systems in Africa*. New York, 1971, p. 199.

³⁴⁴ Цит. по: *Ibidem*, p. 128.

³⁴⁵ *Карпов В.К. Методы английского колониального управления в Танганьике (1918-1939 гг.)*. Автореф. дисс... канд. ист. Наук. М., 1973, с. 17.

новых явлениях, происшедших в обычном праве» пишет Н.Н. Вознесенская³⁴⁶. М.А. Супатаев также делает вывод о том, что африканское право подверглось в колониальный период серьезным изменениям³⁴⁷.

Действие в Африке традиционных судов, официально признанных и реорганизованных британскими колониальными властями, не исключало функционирования неофициальных традиционных судебных органов, остававшихся за пределами системы колониальных судов. Во многих случаях эти неофициальные традиционные суды представляли собой продолжение прежней практики решения обычно-правовых споров среди африканцев советами старейшин, родовыми или семейными группами и т.п. Нередко неофициальные традиционные средства судебной защиты возникали в качестве реакции на действия официальных судов, составлявших колониальную судебную систему. Л. Майер писал по данному поводу: «Хотя значительное число дел рассматривается этими трибуналами, слишком сильное настаивание на европейских методах в некоторых случаях, как сообщается, заставляет туземцев искать разрешения своих споров где-либо еще. Про Диго (название одного из племен — *В.Т.*) говорится, что они избегают трибуналы из-за требования уплачивать штрафы деньгами, а не скотом»³⁴⁸.

В результате возникало положение, когда можно было гово-

³⁴⁶ Право в независимых странах Африки, с. 297-298.

³⁴⁷ *Супатаев М.А.* Обычное право в молодых государствах Восточной Африки. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1976, с. 11.

³⁴⁸ *Maier L.* Native Policies in Africa, p. 96.

ритель, с одной стороны, об африканском обычном праве, официально признанном британскими колонизаторами, приспособленном ими к целям и задачам своей политики, к интересам колониальной эксплуатации африканских обществ, и с другой стороны, об африканском обычном праве, колониальными властями непризнанном, колониальными судами неприменяемом. Дуализм, который возник в колониальный период в сфере африканских традиционных социально-экономических и политических структур, когда одна их часть была синтезирована с экономическими и политическими структурами, привнесенными в африканские колонии британскими колонизаторами, и вошла в общий механизм колониальной эксплуатации, а другая часть не была синтезирована и прямо не использовалась при функционировании механизма колониальной эксплуатации, дополнялся таким образом дуализмом в сфере африканской традиционной юридической практики.

Заключение

Факты, относящиеся к истории британского «колониального права» в Тропической Африке, свидетельствуют, что его возникновение и развитие было тесно связано с эволюцией колониальных экономических и политических отношений, всей системы колониальной эксплуатации африканских обществ британским капитализмом.

Являясь инструментом британской колониальной политики, колониальное право закрепляло политическое и экономическое господство Великобритании над африканскими колониями, способствовало созданию условий для разграбления их природных богатств и нещадной эксплуатации людских ресурсов. Защищая интересы британских колонизаторов в Тропической Африке, колониальное право закрепляло порабощенное, угнетенное положение местного африканского населения. Нормы колониального права, хотя и создавали определенную упорядоченность в деятельности британских колониальных властей, однако никоим образом не исключали возможности произвола колонизаторов по отношению к «туземцам».

Структура колониального права, характеризующаяся внутренней противоречивостью, отражающей в конечном счете сам социальный антагонизм колониального общества, целиком и полностью соответствовала целям и задачам британского империализма в Африке. Характер ее определялся дисгармоничным, деформированным развитием африканских обществ, находивших в тисках колониальной зависимости от британского капитала. Именно поэтому в интересах прогрессивного развития африканских стран на современном

этапе необходима полная ликвидация наследия колониального права, устранение не просто отдельных его норм, но и вообще всей его структуры.

Вывод о том, что структура колониального права носит не случайный или произвольный, а закономерный, объективно обусловленный характер, что за ней стоит в конечном итоге определенное, а именно: зависимого типа экономика, позволяет констатировать, что полная ликвидация колониального права не может быть достигнута в результате изменений лишь на уровне правовых форм. Действительный способ его ликвидации заключается в силу такого положения в сочетании решительных изменений в формах права с коренными социально-экономическими преобразованиями.

Конкретным доказательством этому служит опыт стран, вступивших на путь социалистической ориентации, число которых, как было отмечено в материалах XXVI съезда КПСС, возросло³⁴⁹. Именно в данных странах, в отличие от стран капиталистической ориентации, происходит настоящая перестройка структуры колониального права, связанная с полной его ликвидацией.

³⁴⁹ Брежнев Л.И. Отчетный Доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, с. 15.

Список использованной литературы

1. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

- 1.1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Соч. 2-е изд., т. 3, с. 7-544.
- 1.2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – Соч. 2-е изд., т. 4, с. 419-459.
- 1.3. Маркс К. Наемный труд и капитал. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 428-459.
- 1.4. Маркс К. Британское владычество в Индии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 130-136.
- 1.5. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 224-230.
- 1.6. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 11-52.
- 1.7. Маркс К. Капитал, т. I. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 1-784.
- 1.8. Маркс К. Капитал, т. II. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 1-596.
- 1.9. Маркс К. Капитал, т. III. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 1-505.
- 1.10. Маркс К. Капитал, т. III. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 1-458.
- 1.11. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 1-508.

- 1.12. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. – Полн. собр. соч., т. 3, с. 1-609.
- 1.13. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. – Полн. собр. соч., т. 27, с. 299-426.
- 1.14. Ленин В.И. Тетради по империализму. – Полн. собр. соч., т. 28, с. 1-740.
- 1.15. Ленин В.И. К вопросу о диалектике. – Полн. собр. соч., т. 29, с. 316-322.
- 1.16. Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении. – Полн. собр. соч., т. 30, с. 17-58.
- 1.17. Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. – Полн. собр. соч., т. 41, с. 161-168.
- 1.18. Ленин В.И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам. 26 июля. – Полн. собр. соч., т. 41, с. 241-247.

2. Официально-документальные материалы

- 2.1. Брежнев Л.И. Отчетный Доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. – М.: Политиздат, 1981. – III с.
- 2.2. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.
- 2.3. Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1969. – 351 с.
- 2.4. Программные документы борьбы за мир, демократию и социа-

лизм. – М.: Политиздат, 1964. – 94 с.

3. Книги

3.1. Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. – М.: Наука, 1978. – 284 с.

3.2. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. I. – Свердловск: Свердл. Юрид. ин-т, 1972 – 396 с.

3.3 Африка: возникновение отсталости и пути развития. (Отв. ред. Л.Е. Куббель). – М.: Наука, 1974. – 464 с.

3.4. Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции (некоторые вопросы теории). – М.: Политиздат, 1974. – 552 с.

3.5. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 491 с.

3.6. Говорят африканские историки. (Отв. ред. и автор послесловия В.А. Субботин). – М.: Наука, 1977. – 155 с.

3.7. Государство и право в развивающихся странах. (Отв. ред. В.Е. Чиркин). – М.: Наука, 1976. – 216 с.

3.8. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1967. – 496 с.

3.9. Дадиани Л.Я. Крах колониального управления в современный период. – М.: УДН, 1964. – 151 с.

3.10. Датт П.Р. Кризис Британии и Британской империи. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 738 с.

3.11. Денисов В.Н. Объединенная республика Танзания. – Киев: Наукова Думка, 1969. – 217 с.

- 3.12. Денисов В.Н. Система права развивающихся стран. – Киев: Наукова Думка, 1978. – 276 с.
- 3.13. Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
- 3.14. Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.
- 3.15. Жидков О.А. История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма). – М.: УДН, 1971. – 158 с.
- 3.16. Зотова Ю.Н. Английская экспансия в Дельте Нигера. – М.: Наука, 1970. – 235 с.
- 3.17. Зотова Ю.Н. Традиционные политические институты Нигерии. – М.: Наука, 1979. – 213 с.
- 3.18. Игнатенко Г.В. От колониального режима к национальной государственности. – М.: Международные отношения, 1966. – 158 с.
- 3.19. История Африки в XIX – начале XX в. (Отв. ред. А.С. Орлова). – М.: Наука, 1967. – 496 с.
- 3.20. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
- 3.21. Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. (Отв. ред. Р.А. Ульяновский). – М.: Наука, 1969. – 513 с.
- 3.22. Курс международного права в шести томах. Том I. Понятие и сущность современного международного права. – М.: Наука, 1967. – 284 с.
- 3.23. Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран (проблемы многоукладного переходного общества). – М.: Мысль, 1978. – 221 с.

- 3.24. Лихачев В.А. Уголовное право в независимых странах Африки. – М.: Наука, 1974. – 240 с.
- 3.25. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. – М.: Юридическая литература, 1970. – 624 с.
- 3.26. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. – М.: Юридическая литература, 1971. – 640 с.
- 3.27. Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
- 3.28. Методология историко-правовых исследований. (Отв. ред. В.Е. Гулиев). – М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1980. – 185 с.
- 3.29. Мнацаканян М.О. Колониализм и его исторические формы. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
- 3.30. Мозолин В.П. Личность, право, экономика современной Индии. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
- 3.31. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – 311 с.
- 3.32. Некапиталистический путь развития стран Африки. (Отв. ред. Р.А. Ульяновский). – М.: Наука, 1967. – 374 с.
- 3.33. Нкрума К. Африка должна объединиться. – М.: Прогресс, 1964. – 311 с.
- 3.34. Панов В.П. Эволюция экономических форм колониализма в эпоху империализма. – М.: Наука, 1969. – 249 с.
- 3.35. Политика Англии в Африке. (Отв. ред. Г.Л. Бондаревский). – М.: Наука, 1967. – 260 с.

- 3.36. Потехин И.И. Становление новой Ганы. – М.: НаУка, 1965. – 325 с.
- 3.37. Право в независимых странах Африки. (Отв. ред. Р.А. Ульяновский). – М.: Наука, 1969. – 384 с.
- 3.38. Право в странах социалистической ориентации. (Отв. ред. Р.А. Ульяновский). – М.: Наука, 1979. – 348 с.
- 3.39. Правовое регулирование национальных отношений. (Отв. ред. Ю.А. Юдин). – М.: Наука, 1980, - 182 с.
- 3.40. Правовое регулирование экономики. (Отв. ред. С.А. Со-сна). – М.: Наука, 1979. – 247 с.
- 3.41. Проблемы колониализма и становление антиколониаль-ных сил. (Отв. ред. В.А. Субботин). – М.: Наука, 1979. – 135 с.
- 3.42. Пучинский В.К. Английский гражданский процесс. – М.: УДН, 1974. – 186 с.
- 3.43. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. (Ред. коллегия: Р.М. Аваков и др.). – М.: Мысль, 1974. – 463 с.
- 3.44. Распад Британской империи. (Отв. ред. А.Г. Милейков-ский). – М.: Наука, 1964. – 647 с.
- 3.45. Садагдар М.И. Основы мусульманского права. – М.: УДН, 1968. – 154 С.
- 3.46. Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. – М.: Нау-ка, 1975. – 384 с.
- 3.47. Синицына И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. – М.: Наука, 1978. – 286 м.
- 3.48. Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». – М.: Про-гресс, 1976. – 256 с.

- 3.49. Солодовников В.Г. Африка выбирает путь. – М.: Наука, 1970. – 239 с.
- 3.50. Сравнительное правоведение. (Отв. ред. В.А. Туманов). – М.: Прогресс, 1978. – 247 с.
- 3.51. Сюре-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 335 с.
- 3.52. Тропическая Африка (проблемы истории). (Ред. коллегия: А.Б. Давидсон и др.). – М.: Наука, 1973. – 268 с.
- 3.53. Тункин Г.И. Вопросы теории международного права. – М.: Юрид. лит-ра, 1962. – 330 с.
- 3.54. Тягуненко В.Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
- 3.55. Хайд Ч.Ч. Международное право, т. 2. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 532 с.
- 3.56. Черноголовкин Н.В. Формы колониальной зависимости. – М.: Госюриздат, 1956. – 215 с.
- 3.57. Шебанов А.Ф. Возникновение и сущность государства и права стран, освободившихся от колониальной зависимости. – М.: УДН, 1968. – 90 с.
- 3.58. Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М.: Юрид. лит-ра, 1968. – 215 с.
- 3.59. Ульяновский Р.А. Современные проблемы Азии и Африки. – М.: Наука, 1978. – 295 с.
- 3.60. Уоддис Дж. Африка. Лев пробуждается. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 373 с.
- 3.61. Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. (Отв. ред. Л.И. Рейснер). – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- 3.62. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. – 288 с.

- 3.63. Africa and Law. Developing Legal Systems in African Commonwealth Nations. (Ed. by T.W. Hutchison). – Madison: Univ. Of Wisconsin Press, 1968. – XVIII, 181 p.
- 3.64. African Labour Efficiency Survey. (Ed. by C.H. Northcott). – London: H.M. Stat. Off., 1949. – 123 p.
- 3.65. African Law: Adaptation and Development. (Ed. by Hilda Kuper and Leo Kuper). – Berkeley-Los Angeles: Univ. Of California Press, 1965. – VIII, 275 p.
- 3.66. The African Law Reports. Sierra-Leone series 1937-1949. – Oxford; Oxford Univ. Press, 1976. – LII, 429 p.
- 3.67. Akpan N. Epitaph to Indirect Rule. – London: Cassell, 1956. – 204 p.
- 3.68. Allott A. Essays in African Law. With Special Reference to the Law of Chana. – London: Butterworths, 1960. – XVIII, 323 p.
- 3.69. Allott A. New Essays in African Law. – London: Butterworths, 1970. – XXXIV, 348 p.
- 3.70. Apter D. The Gold Coast in Transition. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1955. – XIII, 355 p.
- 3.71. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. Books 1 and 2. – Philadelphia: Lippincott, 1880. – XXIX, 530 p.
- 3.72. Boahen A. Topics in West African History. – London: Longman, 1966. – XXV, 343 p.
- 3.73. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 1. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1968. – 219.63 p.
- 3.74. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 2. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1968. – 802 p.
- 3.75. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 3. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1968. – 637 p.

- 3.76. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 5. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1968. – 538 p.
- 3.77. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 50. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 580 p.
- 3.78. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 52. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 661 p.
- 3.79. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 53. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 513 p.
- 3.80. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 53. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 532 p.
- 3.81. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 55. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 890 p.
- 3.82. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 56. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 568 p.
- 3.83. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 57. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 632 p.
- 3.84. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 60. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 720 p.
- 3.85. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 61. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 658 p.

- 3.86. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 62. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 642 p.
- 3.87. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 64 – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 538 p.
- 3.88. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 69. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 430 p.
- 3.89. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 70. – Shannon: IUP libr. Of fundamental source books. Irish univ. Press ser., 1971. – 864 p.
- 3.90. Bryde B. The Politics and Sociology of African Legal Development. – Frankfurt-am Main: Metzner, 1976. – VIII, 290 p.
- 3.91. By Kenya Possessed. The Correspondence of N. Leys and J. Oldham. 1918-1926. (Ed. by J. Call). – Chicago: Univ. Of Chicago Press, 1976. – X, 382 p.
- 3.92. Caenegem R.C. The Birth of the English Common Law. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1973. – 160 p.
- 3.93. The Cambridge History of Africa. Vol. 4. From c.1600 to c.1790 (Ed. by R. Gray). – Cambridge Univ. Press, 1975. – XIV, 738 p.
- 3.94. The Cambridge History of Africa. Vol. 4. From c.1600 to c.1790 (Ed. by J. Flint). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1975. – XV, 617 p.
- 3.95. Cole J. and Denison W. Tanganyika. The Development of its Laws and Constitution. – London: Stevens, 1964. – XI, 339 p.
- 3.96. Colonial Administration by European Powers. (Ed by W. Hailey). – London: Royal Institute of International Affairs, 1947. – XIII, 97 p.

- 3.97. Colonialism in Africa. (Ed. by L. Gann and P. Duignan). Vol. 1. The History and Politics of Colonialism. 1870-1914. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1969. – XI, 532 p.
- 3.98. Colonialism in Africa. Vol. II. The History and Politics of Colonialism. 1914-1960. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. – X, 563 p.
- 3.99. Colonialism in Africa. Vol. III. Profiles of Change: African Society and Colonial Rule. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. – VIII, 455 p.
- 3.100. Colonialism in Africa. Vol. IV. The Economics of Colonialism. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972. – XIII, 719 p.
- 3.101. Daniels W. The Common Law in West Africa. – London: Butterworths, 194. – LVVI, 424 p.
- 3.102. Egerton H. British Colonial Policy in the XX th Century. – London: Methuen and Co. L.t.d., 1922. – 259 p.
- 3.103. Elias T. British Colonial Law. – London: Stevens, 1962. – XXVI, 323 p.
- 3.104. Elias T. Ghana and Sierra-Leone. The Development of their Laws and Constitutions. – London: Stevens, 1962. – XII, 334 p.
- 3.105 Elias T. Government and Politics in Africa. – New York: Asia Publ. House, 1963. – XX, 288 p.
- 3.106. Elias T. Groundwork of Nigerian Law. – London: Routledge and K. Paul, 1954. – XXX, 374 p.
- 3.107. Elias T. Law and Social Change in Nigeria. – London: Evans, 1972. – VIII, 292 p.
- 3.108. Elias T. The Nature of African Customary Law. – Manchester: Manchester Univ. Press, 1956. – XII, 318 p.
- 3.109. Elias T. Nigeria. The Development of its Laws and Constitution. – London: Stevens, 1967. – XII, 491 p.

- 3.110. France and Britain in Africa. Imperial Rivalry and Colonial Rule. – New Haven-London: Yale Univ. Press, 1971. – XX, 989 p.
- 3.111. Cann L. and Duignan P. The Rulers of British Africa. 1870-1914. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. – XII, 406 p.
- 3.112. Gibbins H. British Commerce and Colonies. – London: Methuen and Co., 1899. – X, 140 p.
- 3.113. Gifford K. How to understand an Act of Parliament. – Sydney: Law Books Co., 1977. – XXII, 127 p.
- 3.114. Gluckman M. Politics, Law and Ritual in Tribal Society. – New York-Toronto: New Amer. Library, 1968. – XXIII, 382 p.
- 3.115. Hailey W. African Survey. A Study of Problems arising in Africa south of the Sahara. – London: Oxford Univ. Press, 1939. – XXVIII, 1837 p.
- 3.116. Hailey W. Native Administration and Political Development in British Tropical Africa. – S.L., 1944. – V, 293 P.
- 3.117. Hailey W. The Position of Colonies in a British Commonwealth of Nations. – London: Oxford Univ. Press, 1941. – 42 p.
- 3.118. Hargreaves J. The End of Colonial Rule in West Africa: Essays in Contemporary History. – London: Macmillan, 1979. – XVI, 181 p.
- 3.119. Harvey W. Law and Social Change in Ghana. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1966. – XIII, 453 p.
- 3.120. Haydon E. Law and Justice in Buganda. – London: Butterworths, 1960. – XXXIV, 432 p.
- 3.121. Hodgkin T. Nationalism in Colonial Africa. – London: Muller, 1958. – 216 p.
- 3.122. Holmberg A. African Tribes and European Agencies. – Goteborg: Akad. – forl., 1966. – V, 409 p.

- 3.123. Hooker M. Legal Pluralism. An Introduction to Colonial and Neo-Colonial Laws. – Oxford: Clarendon Press, 1975. – XXII, 601 p.
- 3.124. Hyam R. and Ged M. Reappraisal in British Imperial History. – London: Macmillan, 1975. – VIII, 234 p.
- 3.125. Integration of Customary and Modern Legal Systems in Africa. – New York: African Publ. Co., 1971. – XXIV, 461 P.
- 3.126. Johnston W. Sovereignty and Protection. – Durham: Dube Univ. Press, 1973. – VII, 357 p.
- 3.127. Keith A. The Governments of the British Empire. – London: Macmillan, 1936. – XXVII, 646 p.
- 3.128. The Laws of the Zanzibar Protectorate in force on the 31 st day of December, 1934. In four volumes. – London, 1935.
- 3.129. Lugard F. The Dual Mandate in British Tropical Africa. – London: Cass, 1965. – XLIX, 643 p.
- 3.1300. Mair L. Native Policies in Africa. – New York: Negro Univ. Press, 1969. – XXI, 303 p.
- 3.131. McPhee A. The Economic Revolution in British West Africa. – London: G. Routledge and sons L.t.d., 1926. – XII, 322 p.
- 3.132. Meek C. Colonial Law. A Bibliography with Special Reference to Native African Systems of Law and Land Tenure. – London: Oxford Univ. Press, 1948. – XIII, 58 p.
- 3.133. Meek C. Land Law and Custom in the Colonies. – London: Oxford Univ. Press, 1949. – XXVI, 337 p.
- 3.134. Morris H. and Read J. Indirect Rule and the Search for Justice. Essays in East African Legal History. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – VIII, 369 p.
- 3.135. Morris H. and Read J. Uganda. The Development of its Laws and Constitution. – London: Stevens, 1966. – XVI, 448 p.

- 3.136. Newbury C. British Policy towards West Africa. Select documents. 1786-1874. – Oxford: Clarendon Press, 1965. – XXVIII, 656 p.
- 3.137. Newbury C. British Policy towards West Africa. Select documents. 1875-1914. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – XXVIII, 636 p.
- 3.138. Newbury C. The West African Commonwealth. – London: Cambridge Univ. Press, 1964. – XIV, 106 p.
- 3.139. O’Connell D. and Riordan A. Options on Imperial Constitutional Law. – Sydney: Law Books Co., 1971. – XIX, 436 p.
- 4.140. Padmore G. How Britain Rules African – London: Wishart, 1936. – XIII, 402 p.
- 3.141. Park A. The Sources of Nigerian Law. – London: Sweet and Maxwell, 1963. – XVII, 161 p.
- 3.142. Platt D. Finance, Trade and Politics in British Foreign Policy. 1815-1914. – Oxford: Clarendon Press, 1968. – XL, 454 p.
- 3.143. Pritt D. Law, Class and Society. Book 3: Law and Politics and Law in the Colonies. – London: Lawrence and Wishart, 1971. – 151 p.
- 3.144. Roberts-Wray K. Commonwealth and Colonial Law. – London: Stevens, 1966. – LIV, 1008 p.
- 3.145. Tignor R. The Colonial Transformation of Kenya. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1976. – XI, 372 p.
- 3.146. Walker R. The English Legal System. – London: Butterworths, 1976. – 616 p.
- 3.147. Wieschhoff H. Colonial Politics in Africa. – Philadelphia: Univ. Of Pensilvania Press, 1944. – 138 p.
- 3.148. Wight M British Colonial Constitutions. – Oxford: Clarendon Press, 1952. – XXVI, 571 p.

3.149. Wight M. The Development of the Legislative Council. 1606-1945. – London: Faber, 1946. – 187 p.

3.150. Woddis J. Africa. The Roots of Revolt. – London: Lawrence and Wishart, 1960. – XIII, 285 p.

4. Статьи

4.1. Брагинский М. Взаимодействие базиса и надстройки в странах Тропической Африки. – Азия и Африка сегодня, 1979, № 4, с. 25-27.

4.2. Жидков О.А. Некоторые теоретические проблемы науки всеобщей истории государства и права. – В кн.: Методология историко-правовых исследований. М., 1980, с. 3-16.

4.3. Карпов В.К. Танганьика под британским мандатом (методы колониального управления). – В кн.: Тропическая Африка (проблемы истории). М., 1973, с. 159-192.

4.4. Касаткина Н.М. Систематизация законодательства в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). – В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1977, с. 144-153.

4.5. Киванука М. Уганда под властью Великобритании. – В кн.: Говорят африканские историки. М.: 1977, с. 113-121.

4.6. Кобищанов Ю.М. Пространственно-временные структуры истории Африки. – В кн.: Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, с. 5-45.

4.7. Крашеннинникова Н.А. Источники индусского права и их модификация в колониальной Индии. – Вестник Московского университета. Право, 1975, № 1, с. 17-26.

- 4.8. Крашеннинникова Н.А. К вопросу о кодификации права колониальной Индии во второй половине XIX в. – Вестник Московского университета. Право, 1975, № 6, с. 31-40.
- 4.9. Крашеннинникова Н.А. О некоторых актуальных вопросах истории обычного права. – В кн.: Методология историко-правовых исследований. М., 1980, с. 59-67.
- 4.10. Крылов В.В. Характерные черты социально-экономическая структура и ее капиталистическая трансформация. – В кн.: Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. М., 1979. № 9, с. 94-106.
- 4.11. Маляров О.В. Колониальная социально-экономическая структура и ее капиталистическая трансформация. – В кн.: Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. М., 1979, с. 262-263.
- 4.12. Огот Б.А. Кения под британским господством. 1895-1963. – В кн.: Говорят африканские историки. М., 1977, с. 87-112.
- 4.13. Следзевский И.В. Колониальные общества. Некоторые проблемы развития и воспроизводства многоукладности. – В кн.: Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, с. 291-426.
- 4.14. Супатаев М.А. Опыт систематизации норм обычного права в молодых государствах Африки (на примере восточно-африканских стран – Танзании, Кении, Уганды). – В кн.: Государство и право в развивающихся странах. М., 1976, с. 121-139.
- 4.15. Супатаев М.А. Становление системы национального права в независимых странах Африки. – В кн.: Проблемы государства и права. Вып. 9. М., 1974, с. 310-320.
- 4.16. Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права. – Советское

государство и право, 1974, № 8, с. 10-17.

4.17. Чешков М.А. Анализ социальной структуры колониальных обществ в документах Коминтерна (1920-1927). – В кн.: Коминтерн и Восток. Вып. 1. М., 1969, с. 192-216.

4.18. Чиркин В.Е. О социальной сущности права в странах социалистической ориентации. – В кн.: Проблемы государства и права. Вып. 12. М., 1976, с. 211-224.

4.19. Шебанов А.Ф. О содержании и формах права. – Правоведение, 1964, № 2, с. 11-22.

4.20. Юдин Ю.А. Конституционное законодательство Британской империи. Восточная Африка. – В кн.: Государство и право зарубежных стран. Сб. 3. М., АН СССР, 1959, с. 37-51.

4.21. Юдин Ю.А. Конституционное законодательство Британской империи (1957-1958 гг.). Колониальные федерации. – В кн.: Государство и право зарубежных стран. Сб. 2. М., АН СССР, 1959, с. 20-43.

4.22. Ajayi F. Colonialism: an Episodo in African History. – In: Colonialism in Africa. Vol. X. Cambridge, 1969, p. 497-509.

4.23. Ajayi F. The Interaction of English Law with Customary Law in Western Nigeria. – Journal of African Law, vol. 4, 1960, № 1, p. 40-50.

4.24. Anderson J. Ialamic Law in Africa: Problems of today and tomorrow. – In: Changing Law in Developing Countries. London, 1963, p. 164-183.

4.25. Colson E. The Impact of the Colonial Period on the Definition of Land Rights. – In: Colonialism in Africa. Vol. III. Cambridge, 1971, p. 193-215.

4.26. Jearey J. Trial by Jury and Trial with the Aid of Assesons in the superior Courts of British African Territories. – Journal of African Law, Vol. 4, 1960, № 3, p. 133-146.

- 4.27. Ollenu N. The Influence of English Law on West Africa. – *Journal of African Law*, vol. 5, 1961, № 1, p. 21-35.
- 4.28. Post K. British Policy and Representative Government in West Africa. 1920 to 1951. – In: *Colonialism in Africa. Vol. II. Cambridge*, 1970, p. 31-57.
- 4.29. Roberts-Wray K. The Adaptation of Imported Law in Africa. – *Journal of African Law*, vol. 4, 1960, № 2, p. 66-78.
- 4.30. Wellerstein J. The Colonial Era in Africa: Changes in the Social Structure. – In: *Colonialism in Africa. Vol. II. Cambridge*, 1970, p. 399-421.

5. Авторефераты

- 5.1. Балезин А.С. Колониализм и традиционные институты в Уганде. 1918-1939. (Место традиционных властей в колониальном обществе). Автореф. дис.... канд. истор. наук. – М., 1979. – 20 с.
- 5.2. Карпов В.К. Методы английского колониального управления в Танганьике. (1918-1939 гг.): Автореф. дисс. ...канд. истор. Наук. – М., 1973. – 24 с.
- 5.3. Супатаев М.А. Обычное право в молодых государствах Восточной Африки.: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 1976. – 23 с.